Юрген
ХАБЕРМАС

Тема

Эссе к конституции Европы

ВЕСЬ МИР

Эссе к конституции Европы

тема

Юрген Хабермас

Эссе к конституции Европы

ВЕСЬ МИР

Москва 2013

УДК 1/14
ББК 87.6
Х 12

Перевод с немецкого
Б.М. Скуратова

Редактор *к.филос.н. М.М. Беляев*

Перевод данной книги был поддержан грантом Немецкого культурного центра имени Гёте (Института имени Гёте), финансируемого Министерством иностранных дел Германии

Перевод книги на русский язык выполнен по изданию:
Habermas Jürgen. Zur Verfassung Europas.
Ein Essay. Suhrkamp Verlag Berlin, 2011

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России
(2012–2018 годы)»

Напечатано в России

© Suhrkamp Verlag Berlin, 2011
© Перевод на русский язык
Издательство «Весь Мир», 2013

ISBN 978-5-7777-0544-0

Содержание

Предисловие 7

Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека 13

Кризис Европейского союза в свете конституционализации международного права. Эссе к конституции Европы 41
I. Почему Европа сегодня даже больше, чем прежде, нуждается в конституционном проекте 41
II. Европейский союз перед выбором между транснациональной демократией и постдемократическим федерализмом исполнительной власти 50
1. Против содействия созреванию народного суверенитета 52
2. Первая инновация: приоритет наднационального права над национальным правом монополистов власти 58
3. Вторая инновация: разделение учредительной власти между гражданами Европейского союза и европейскими народами 65
4. Разделенный суверенитет как критерий требований к легитимации Союза 73
5. О колебаниях политических элит на пороге транснациональной демократии 79
III. От международного сообщества к космополитическому 86

Приложение: Европа Федеративной Республики 103
I. После банкротства. Интервью 105
II. Евро решает судьбу Европейского союза 119
Цезура 120
Смена поколений и новое безразличие 122
Притупленное осознание кризиса 124
III. Пакт за Европу или против нее? 127
Дефект конструкции валютного союза 128
Неправильный метод 129
А какая альтернатива 130
Повторное открытие германского национального государства 131
Оппортунизм, направляемый демоскопией 132
Недовольство в политико-медиальном классе 134
Откуда должны взяться мотивы? 135

Примечания переводчика 137

Предисловие

С 2008 года мы наблюдаем напряженные и трудные учебные процессы в федеральном правительстве Германии, которое волей-неволей и малыми шагами сближается с Европой. Наконец-то — после двух с половиной лет первоначального упорствования на необходимости национальных действий в одиночку, попыток выторговать для себя «зонтик безопасности», двусмысленных сигналов и запоздалых признаний — как будто бы утвердилось понимание, что мечта либералов-ортодоксов о добровольно согласованных критериях стабильности, которым должны следовать национальные бюджеты стран — членов [Европейского союза], потерпела крах. Мечта о «механизмах», которые сделают излишним совместное политическое формирование волеизъявления и обуздают демократию, терпит крушение не только из-за различий экономических культур, но и прежде всего из-за быстро меняющихся констелляций не поддающихся расчету окружающих миров. Сегодня все говорят о «конструктивной ошибке» при создании валютного союза, у которого нет необходимых компетенций политического управления. Между тем растет понимание, что европейские договоры необходимо изменить; но ясные перспективы отсутствуют.

Согласно недавно обнародованным планам, общее управление 17 государствами, вошедшими в зону евро (Euro-Staaten), должно осуществляться в кругу глав правительств, то есть в «ядре» Европейского совета (des Europäischen Rates). По-

скольку же этот орган управления не может принимать юридически обязывающих постановлений, все мысли сосредоточиваются на такого рода санкциях, которые могут приниматься против «непослушных» правительств. Но кто здесь, собственно говоря, должен требовать подчинения, от кого и в отношении решений какого содержания? После того как жесткие критерии стабильности будут распространены на заклинаемый «Пакт для Европы» и сделаны более гибкими, постановления Европейского совета должны будут касаться широкого спектра всей той политики, которая может повлиять на глобальную конкурентоспособность дрейфующих друг от друга национальных экономик. Следовательно, европейские соглашения должны будут затрагивать основные сферы деятельности национальных парламентов — от финансовой и хозяйственной политики через социальную политику вплоть до политики в сферах образования и рынка труда. Процедуры осуществления этого, очевидно, представляются так: в каждом национальном парламенте главы правительств под угрозой штрафных санкций организуют большинство для политического достижения всех целей, о которых они договариваются со своими коллегами в Брюсселе. Такую разновидность исполнительного федерализма самого себя уполномочивающего Европейского совета, состоящего из 17 государств, можно было бы считать образцом постдемократической реализации господства.

Как ожидается, сопротивление этому межправительственному выхолащиванию демократии будет оказано с двух сторон. Защитники национального государства видят, что подтверждаются их наихудшие опасения, и теперь еще активнее окапываются за фасадами уже давно получившего пробоины государственного суверенитета. Правда, в сегодняшнем кризисе они утратили тыловую поддержку хозяйственного лобби, которое до сих пор было заинтересовано в том, чтобы по возможности сохранить от политических вмешательств общую валюту, а также общий рынок. С другой стороны, вновь заявляют о себе длительное время молчавшие сторонники «Соединенных Штатов Европы», которые, правда, своими чрезмерно

пафосными представлениями оказывают медвежью услугу собственному намерению — продвигать интеграцию, в первую очередь в ядре Европы. Потому что именно так оправданная оппозиция по отношению к слишком крутому пути в направлении бюрократического исполнительного федерализма запутывается в безвыходной альтернативе между национальным государством и европейским союзным государством. Не лучше обстоят дела и со смутным федерализмом, который неопределенно отрицает эту ложную альтернативу.

В своей попытке разобраться в «конституции» — то есть в нынешнем состоянии и политическом устройстве — Европы я, с одной стороны, хочу показать, что Европейский союз Лиссабонского договора не так далеко отошел от формы транснациональной демократии, как считают многие его критики. С другой стороны, я хотел бы объяснить, почему конструктивные ошибки валютного союза нельзя устранить без изменения договора. Ныне запланированная координация решений государств ЕЭС в важных политических сферах требует расширенной основы для легитимации. Разумеется, для такой транснациональной демократии конституция федеративного государства (die bundesstaatliche Verfassung) является ошибочной моделью. Как только мы начинаем рассматривать Европейский союз так, будто он — на должных основаниях — создан двумя равноправными учредительными (verfassungsgebenden) субъектами, а именно равно изначально и гражданами (!), и народами государств (!) Европы, мы распознаем архитектонику надгосударственной и тем не менее демократической общности (Gemeinwesen). Поэтому нам необходимо лишь извлечь правильные выводы из беспримерного развития общеевропейского права за последние полвека.

Политические элиты все еще шарахаются перед высоким барьером изменения договора. Эта нерешительность объясняется, пожалуй, не только оппортунистическим интересом сохранения власти и недостаточной мощью управления. Экономически порожденные опасения способствуют тому, что проблемы Европы присутствуют в сознании населения ее стран в большей степени и наделяются бóльшим экзистенциальным

значением, чем когда-либо прежде. Этот необычный сдвиг в тематизации политические элиты должны воспринимать как шанс, а кроме того, видеть в нем экстраординарную черту современной ситуации. Но и политики давно превратились в функциональные элиты: они уже не подготовлены к ситуации, которая лишена упорядоченности, ускользает от привычного демоскопическо-административного вмешательства и требует другого модуса политики — способствующего формированию менталитета.

Я хотел бы своими средствами сделать попытку устранить ту блокаду мысли, которая все еще противостоит транснационализации демократии. При этом я ставлю европейское единение в долгосрочную связь с демократической юридизацией (Verrechtlichung) и цивилизированием силы государственной власти (Gewalt). С этой точки зрения должно быть ясно, что замирение воинственных наций, то есть цель, которая после Второй мировой войны мотивировала не только создание ООН, но и европейское объединение, послужила исходным базисом для дальнейшей цели, а именно — для создания возможностей политических действий по ту сторону национальных государств. Конституционализация международного права уже давно не ориентирована только на то умиротворение, которое было целью в начале развития Европейского союза. Распад неолиберальных иллюзий способствовал осознанию того, что финансовые рынки, да и вообще функциональные системы мирового общества, выходящие за рамки национальных границ, создают проблемные ситуации, с которыми уже не могут справиться ни отдельные государства, ни коалиции государств. Эта потребность в регулировании до известной степени бросает вызов политике как таковой, политике в единственном числе: *международное* сообщество государств должно в дальнейшем развиваться в *космополитическое* сообщество государств и граждан мира.

Эссе относительно конституции Европы я предпосылаю (уже опубликованную в одном специальном журнале) статью, где исследуется связь систематического понятия прав человека с генеалогическим понятием человеческого достоинства.

«Генеалогическое» должно означать то, что опыт уязвленного человеческого достоинства способствует боевой динамике возмущения, которое вновь и вновь придает импульс еще такой невероятной надежде на охватывающую весь мир институционализацию прав человека. Но перспектива мирового общества, обладающего политической конституцией, утратит кое-что, выглядящее утопическим, если мы вспомним, что риторика и политика прав человека за несколько десятилетий фактически обрели глобальную эффективность. Еще с дней Французской революции в напряженном различии между правами гражданина и правами человека имплицитно выражается притязание на глобальную реализацию равноправия для каждого. Это космополитическое притязание означает, что роль прав человека не исчерпывается моральной критикой несправедливых отношений в высокостратифицированном мировом обществе. Права человека зависят от их институционального воплощения в мировом обществе, имеющем политическую конституцию.

Три статьи на злобу дня (Interventionen), помещенные в Приложении, могут истолковываться как комментарии к тому этноцентричному образу Европы, который отражается в центрированном на самом себе самовосприятии воссоединенной Германии.

Штарнберг, начало сентября 2011 года

Юрген Хабермас

Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека

Всеобщая декларация прав человека, которая была принята ООН 10 декабря 1948 года, начинается в статье 1 предложением: «Все люди рождаются свободными и равными по достоинству и правам»[1]. Преамбула также называет человеческое достоинство и права человека на одном дыхании. Она подтверждает «веру в основополагающие права человека, в достоинство и ценность человеческой личности»[2]. Приня-

---

Статья «Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека» («Das Konzept der Menschenwürde und die realistische Utopie der Menschenrechte») опубликована в «Deutsche Zeitschrift für Philosophie» (58/2010. S. 343–357) и в сокращении перепечатана под заголовком «Das utopische Gefälle» в «Blätter für deutsche und internationale Politik» (8/2010. S. 43–53). Для публикации в этой книге она была еще раз просмотрена автором.

[1] «All human beings are born free and equal in dignity and rights». В то же время преамбула требует в первом предложении признания «inherent dignity» [«прирожденного достоинства»] и «equal and inalienable rights of all members of the human family» [«равных и неотчуждаемых прав всех членов человеческого семейства» *(англ.)*].

[2] «[T]he peoples of the United Nations have in the Charter reaffirmed their faith in fundamental human rights, in the dignity and worth of the human person [...]». [«Народы ООН подтвердили в Хартии свою веру в основополагающие права человека, в достоинство и ценность человеческой личности» *(англ.)*.]

тый 60 лет назад Основной закон Федеративной Республики Германия начинается с раздела об основных правах, а тот в статье 1 — опять-таки с предложения: «Права человека неприкосновенны». Этому предшествовали аналогичные формулировки в трех из пяти принятых между 1946 и 1949 годами конституциях германских земель. И в международном дискурсе о правах человека, и в судоговорении человеческое достоинство также играет сегодня важнейшую роль[3].

Неприкосновенность человеческого достоинства занимала немецкую общественность в 2006 году, когда Федеральный конституционный суд отклонил принятый бундестагом «Закон о воздушной безопасности» как противоречащий Конституции. Тогда парламент имел в виду сценарий «11 сентября», то есть террористическую атаку на башни-близнецы Всемирного торгового центра; бундестаг хотел уполномочить вооруженные силы сбивать пассажирские самолеты, превращающиеся в таких ситуациях в бомбы, — чтобы защищать неопределенно большое количество людей, попадающих в опасность на земле. Однако, согласно постановлению суда, убийство пассажиров государственными органами все-таки противоречит конституции. Обязанность государства (согласно ст. 2, абз. 2 Основного закона Германии)[4] защищать жизнь потенциальных жертв террористических атак должна отступать на второй план по сравнению с долгом уважения к человеческому достоинству пассажиров: «Если государство односторонним образом распоряжается жизнью пассажиров самолета, за ними [...] не признается ценность, присущая человеку самому по себе»[5]. В этих словах суда невозможно не услы-

---

[3] *Denninger E.* Der Menschenwürdesatz im Grundgesetz und seine Entwicklung in der Verfassungsrechtsprechung // Peine F.-J. / Wolff H.A. (Hg.) Nachdenken über Eigentum. Festschrift für Alexander von Brünneck. Baden-Baden: Nomos, 2011. S. 397–411.

[4] «Каждый имеет право на жизнь и телесную неприкосновенность».

[5] BVerfG, 1 BvR 357/05 от 15 февраля 2006 г., абз. 124; об этом суждении см.: *Bernstorff J. von.* Pflichtenkollision und Menschenwürdegarantie. Zum Vorrang staatlicher Achtungspflichten im Normbereich von Art. 1 GG // Der Staat. 47/2008. S. 21–40.

шать эхо Кантова категорического императива. Уважение к человеческому достоинству каждой личности запрещает государству располагать каким бы то ни было индивидом всего лишь как средством для достижению некой другой цели, будь она даже спасением жизни многих других личностей.

Интересно то обстоятельство, что философское понятие человеческого достоинства, которое возникло еще в античности, а у Канта обрело свою принятую сегодня формулировку, только с конца Второй мировой войны вошло в тексты по международному праву и во вступившие с тех пор в силу национальные конституции. Со сравнительно недавнего времени оно играет центральную роль и в международном судоговорении. Напротив, концепт человеческого достоинства как юридическое понятие не встречается ни в классических декларациях прав человека XVIII столетия, ни в кодексах XIX века[6]. Почему в праве речь о «правах человека» зашла настолько раньше, чем о «достоинстве человека»? Конечно, документы об основании ООН, в которых ясно выражена связь прав человека с человеческим достоинством, были очевидным ответом на массовые преступления, совершенные при нацистском режиме, и бойню Второй мировой войны. Но объясняет ли это то значительное место, которое занимает человеческое достоинство и в послевоенных конституциях Германии, Италии и Японии, то есть режимов, пришедших на смену зачинщикам этой моральной катастрофы XX века и их союзникам? Становится ли идея *прав человека* до известной степени задним числом морально нагруженной — а возможно и перегруженной — понятием *человеческого достоинства* лишь в историческом контексте холокоста?

На эту мысль наводит позднейшая карьера понятия человеческого достоинства в дискуссиях о конституциях и международном праве. Существует лишь одно исключение, имевшее место в середине XIX века. В порядке обоснования отмены смертной казни и телесных наказаний в § 139 консти-

---

[6] См.: *McCrudden Ch.* Human dignity and judicial interpretation of human rights // The European Journal of International Law. 19/2008. P. 655–724.

туции, принятой в церкви св. Павла в марте 1849 года*, написано: «Свободный народ должен уважать человеческое достоинство даже у преступника»[7]. Однако эта конституция, возникшая в результате первой буржуазной революции в Германии, так и не вступила в силу. Как бы то ни было, временна́я асимметрия между восходящей к XVII столетию истории *прав* человека и недавним появлением понятия человеческого *достоинства* в национальных кодексах и кодексах международного права, а также в судоговорении последнего полувека — примечательный факт.

В противоположность допущению лишь в ретроспекции прослеживаемой моральной загрузки понятия прав человека посредством понятия человеческого достоинства, я хотел бы выдвинуть тезис, что тесная понятийная связь — пусть даже поначалу лишь имплицитная — между обоими концептами существовала с самого начала. Права человека всегда возникают только из сопротивления произволу, гнету и унижению. Сегодня никто не может процитировать одну из этих достопочтенных статей — например, положение: «Никто не может быть подвергнут пытке или жестокому, бесчеловечному или унизительному обращению, или наказанию» (Всеобщая декларация прав человека. Ст. 5)[8], — не услышав звучащего в нем отзвука: вопля бесчисленных замученных и умерщвленных человеческих существ. Ссылка на права человека подпитывается негодованием оскорбленных из-за попрания их человеческого достоинства. Если так происходит с са́мого начала, то данная понятийная связь должна обнаруживаться и в развитии самого́ права. Прежде всего, мы должны ответить на вопрос, является ли «человеческое достоинство» выражением некоего нормативно содержательного основного понятия, из которого можно вывести права человека, специфицируя

---

* *Сноски, обозначенные звездочками, принадлежат переводчику и помещены в конце книги.*

[7] *Denninger E.* Der Menschenwürdesatz im Grundgesetz // A. a. O. S. 397.

[8] «No one shall be subjected to torture or to cruel, inhuman or degrading treatment or punishment».

ситуации их нарушения, — или же это лишь ни о чем не говорящее выражение каталога единичных, неизвестно откуда взятых и не связанных между собой прав человека.

Я назову несколько теоретико-правовых оснований, говорящих в пользу того, что «человеческое достоинство» — не более позднее классифицирующее выражение, в определенной мере бутафория, за которой кроется многообразие различных феноменов, но моральный «источник»[9], откуда подпитывается содержание всех основных прав (1). Затем я хотел бы с систематической и историко-понятийной точек зрения исследовать ту роль катализатора, которую понятие достоинства играет при составлении прав человека из разумной морали и правовой формы (2). Наконец, происхождение прав человека из морального источника человеческого достоинства объясняет взрывную политическую силу той конкретной утопии, которую я хотел бы отстаивать как против отбрасывания прав человека целиком (Карл Шмитт), так и против более недавних попыток притупить их радикальное содержание (3).

(1) Основные права — в связи с их абстрактной всеобщностью — в единичных случаях нуждаются в конкретизации. При этом законодатели и судьи в различных культурных контекстах часто приходят к разным результатам; хорошим примером этому сегодня служит, скажем, регулирование таких этически спорных дел, как эвтаназия, аборт или евгенические манипуляции наследственностью. Столь же бесспорно и то, что вследствие неизбежности такой интерпретации общие правовые понятия допускают достижение компромиссов в ходе разбора дел. Так, ссылка на концепт человеческого достоинства, например, при основании ООН и вообще при переговорах, когда заключаются пакты о правах человека и конвенции, основанные на международном праве, несомненно, облегчает установление хорошо пригнанного консенсуса

[9] «Неприкосновенность достоинства человека — источник всех основных прав» — сказано, например, в ст. 14, абз. 2 конституции Свободного государства Саксонии (1992).

между участниками, имеющими разные культурные истоки: «Каждый может согласиться с суждением, что человеческое достоинство имеет центральное значение, однако разногласия возникают по поводу того, почему и в какой форме это происходит»[10].

Но поэтому юридический смысл человеческого достоинства как раз не должен исчерпываться функцией дымовой завесы, за которой могут исчезнуть более глубоко уходящие различия. Компромиссная функция, какую выполняло «человеческое достоинство» в ходе обособления* и расширения прав человека, а иногда и при нейтрализации непреодолимых различий, не может объяснить его позднего появления *как* правового концепта. Я хотел бы показать, что изменившиеся исторические обстоятельства лишь как-то тематизировали и донесли до сознания то, что́ с самого начала имплицитно присуще правам человека — а именно, ту нормативную субстанцию равного человеческого достоинства каждого, которая в известной мере выражена в правах человека. Таким образом, например, судьи прибегают к защите человеческого достоинства тогда, когда перед лицом непредвиденных рисков, вызванных новыми агрессивными технологиями, вводят право на информационное самоопределение. Аналогичным образом действовал Федеральный конституционный суд в своем пионерском решении от 9 февраля 2010 года относительно оценки требований, составляющих содержание § 20, абз. 2 Кодекса социальных законов II (пособие по безработице II)[11]. По данному поводу из статьи 1 Основного закона «выводится» основное право на прожиточный минимум, который обеспечивает получающим пособие (и их детям) возможность соразмерного «участия в общественной, культурной и политической жизни»[12].

Опыт попранного человеческого достоинства выполняет функцию открытия — к примеру, в связи с невыносимыми

---

[10] *McGrudden Ch.* Human dignity and judicial interpretation of human rights // A. a. O. P. 678.

[11] BVerfG, 1 BvL 1/09 от 9 февраля 2010 года.

[12] Ebd. Abs. 135.

условиями социальной жизни и маргинализацией обедневших социальных классов; в связи с неравноправием женщин и мужчин в доступе к рабочим местам, с дискриминацией иностранцев, культурных, языковых, религиозных и расовых меньшинств; а также с мучениями молодых женщин из семей иммигрантов, которым необходимо освобождаться от власти традиционного кодекса чести; или же в связи с грубым вытеснением нелегальных иммигрантов и искателей политического убежища. В свете исторических вызовов актуализуются всякий раз *иные* аспекты значения человеческого достоинства; эти по различным поводам специфицируемые черты человеческого достоинства могут впоследствии приводить к *дальнейшему* исчерпанию нормативного содержания гарантированных основных прав, а также к открытию и построению *новых* основных прав[13]. При этом располагающаяся на фоне этого интуиция сначала проникает в сознание тех, кого это касается, а затем в юридические тексты, чтобы получить там понятийную артикуляцию.

Веймарская Имперская конституция 1919 года, вводившая основные социальные права, дает пример такому постепенному развертыванию. Так, в статье 151 речь идет об «обеспечении достойной человека жизни для всех». Здесь понятие человеческого достоинства все еще кроется за предикативным употреблением обиходного слова; однако в 1944 году Международная организация труда в подобной взаимосвязи уже использует риторику человеческого достоинства в полном объеме[14]. А спустя несколько лет Всеобщая декларация прав человека в статье 22 уже требует гарантии экономических, социальных и культурных прав для того, чтобы каждый

---

[13] МакКрадден в подобных случаях говорит о «необходимости оправдывать создание новых и расширение существующих прав» (a. a. O. P. 721).

[14] В принятой 10 мая 1944 г. в Филадельфии декларации о целях Международной организации труда в абз. 2а сказано: «Все люди, независимо от их расы, их веры и их пола, имеют право стремиться к материальному благосостоянию и духовному развитию в условиях свободы и достоинства, экономической безопасности и других подобных благоприятных обстоятельств».

мог жить при таких условиях, которые необходимы «для его достоинства и для свободного развития его личности»[15]. С тех пор мы говорим о различных «поколениях» прав человека. Из эвристической функции человеческого достоинства вытекает также логическая связь между четырьмя известными категориями прав: основные права могут политически проводить в жизнь моральное обещание уважать человеческое достоинство каждого лишь тогда, когда они *равномерно взаимодействуют* во всех этих категориях[16].

Либеральные права на свободу, которые кристаллизуются вокруг неприкосновенности личности и ее права на свободное передвижение и повсеместное поселение, вокруг свободного рыночного обмена и беспрепятственного отправления религиозного культа, и служат защите от государственного вмешательства в частную сферу, образуют вместе с *правами на демократическое участие* пакет так называемых классических основных прав. Однако фактически граждане могут лишь в том случае пользоваться этими правами с равными шансами, если в то же время обеспечивается, чтобы они были достаточно независимыми в своей частной и экономической жизни и могли как формировать, так и стабилизировать свою личную идентичность в любом желательном для них культурном окружении. Опыт эксклюзии, нищеты и дискриминации учит, что классические основные права лишь тогда об-

---

[15] «Everyone, as a member of society, has the right to social security and is entitled to realization, through national effort and international co-operation and in accordance with the organization and resources of each State, of the economic, social and cultural rights indispensable for his dignity and the free development of his personality». [«Каждый, в качестве члена общества, имеет право на социальную безопасность и вправе реализовывать — посредством общенациональных усилий и международного сотрудничества, а также в соответствии с организацией и ресурсами каждого государства — экономические, общественные и культурные права, необходимые для его достоинства и свободного развития его личности».]

[16] *Lohmann G.* Die Menschenrechte: Unteilbar und gleichgewichtig? — Eine Skizze // Lohmann G., Gosepath S., Pollmann A., Mahler C., Weiβ N. Die Menschenrechte: Unteilbar und gleichgewichtig? Studien zu Grund- und Menschenrechten II. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2005. S. 5–20.

ретают «равную ценность» (Ролз) для всех граждан, когда к ним добавляются *социальные* и *культурные права*. Притязания на соразмерную причастность к благосостоянию и культуре полагают тесные границы «перекладыванию» *системно порожденных* расходов и рисков на плечи индивида. Эти притязания направлены против углубления и увеличения социальных различий, против исключения целых групп из общего круговорота культуры и социальной жизни. Политика в том виде, в каком она преобладала в последние десятилетия не только в США и в Великобритании, но и на европейском континенте, да и во всем мире — то есть политика, которая утверждала, что сможет гарантировать гражданам жизнь, достигшую самоопределения, *в первую очередь* благодаря обеспечению экономической свободы, разрушает равновесие между различными категориями основных прав. Человеческое достоинство, которое повсюду и для каждого одно и то же, обосновывает *неделимость* основных прав.

Этим развитием объясняется также важное значение понятия основных прав в судоговорении. Чем больше основные права пронизывают всю правовую систему, тем чаще выходят они за пределы вертикальных отношений отдельных граждан к государству и проникают в горизонтальные отношения между отдельными гражданами. При этом учащаются коллизии, которые делают необходимым взвешивание притязаний конкурирующих основных прав[17]. В таких *hard cases*** обоснованное решение зачастую возможно только благодаря обжалованию оскорбления, *имеющего абсолютную ценность*, то есть притязающего на преимущественное право, человеческого достоинства. Таким образом это понятие ни в коем случае не играет в судебном дискурсе роль неопределенного суррогата отсутствующей интегрированной концепции прав человека. «Человеческое достоинство» — это

---

[17] Уже полвека ведущаяся в Европе дискуссия о так называемом «Drittwirkung* основных прав» недавно нашла отголосок в США; см.: *Gardbaum S.* The «horizontal effect» of constitutional rights // The Michigan Law Review. 102/2003. P. 388–459.

сейсмограф, который показывает, что́ именно конститутивно для демократического правопорядка, то есть как раз те права, которые должны предоставить себе граждане демократической общности (Gemeinwesen), чтобы они могли взаимно *соблюдать* их как члены добровольной ассоциации свободных и равных людей. *Только обеспечение этих прав человека создает статус граждан, которые — как субъекты равных прав — притязают на то, чтобы их уважали в их человеческом достоинстве*.

После двух столетий истории конституций эпохи модерна мы стали лучше понимать, что́ *с самого начала* отличало этот процесс: человеческое достоинство образует как бы портал, через который эгалитарно-универсалистское содержание морали было перенесено в право. Идея человеческого достоинства представляет собой понятийный шарнир, который так соединяет мораль равного уважения каждого с позитивным правом и демократическим законодательством, что из их взаимодействия при благоприятствовавших исторических обстоятельствах смог возникнуть политический строй, основанный на правах человека. Правда, классические декларации прав человека, где речь идет о «врожденных» или «неотчуждаемых» правах, «inherent» или «natural rights», «droits naturels, inaliénables et sacrés»*, еще выдают свое происхождение от религиозных или метафизических учений («We hold these Truths to be self-evident, that all men are [...] endowed with certain inalienable rights [...]»)**, однако в мировоззренчески нейтральном государстве такие предикаты, прежде всего, указывают на другое; они напоминают о когнитивном, *лишенном характера государственного распоряжения* модусе *обоснования* избыточного морального содержания этих прав, *обоснования, способного вызывать всеобщее одобрение*. Отцам-основателям также было ясно, что права человека — независимо от их сугубо морального обоснования — необходимо демократически «провозгласить», а затем специфицировать и реализовать в рамках некой политической общности.

Поскольку моральное обещание должно «чеканиться юридической монетой», права человека двулики, словно Янус, од-

новременно обращенный и к морали, и к праву[18]. Несмотря на свое исключительно моральное *содержание*, они имеют *форму* позитивных, за невыполнение караемых наказанием, субъективных прав, которые гарантируют индивиду пространство свободы и возможность притязаний. Права человека должны быть *конкретизированы* в демократическом законодательстве, *специфицированы* от случая к случаю посредством судоговорения и *проведены в жизнь* с помощью государственных санкций. Следовательно, права человека описывают как раз ту часть просвещенной морали, которую *можно* перенести в медиум императивного права* и которая в стабильном обличье эффективных основных прав *может* стать политической действительностью[19].

---

[18] *Lohmann G.* Menschenrechte zwischen Moral und Recht // Gosepath S., Lohmann G. (Hg.). Philosophie der Menschenrechte. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1998. S. 62–95.

[19] Я не считаю, что это соображение вынуждает меня к ревизии моего первоначального введения в систему прав (*Habermas J.* Faktizität und Geltung. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. Kap. III; см. также: «Der demokratische Rechtsstaat — eine paradoxe Verbindung widersprüchlicher Prinzipien?» // Habermas J. Philosophische Texte. Bd. 4. (Politische Theorie.) Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2009 [2001]. S. 154–175). Права человека отличаются от моральных прав, среди прочего, тем, что они стремятся к институционализации, то есть должны быть выработаны, а для этого они нуждаются в общем демократическом формировании волеизъявления, тогда как морально действующие личности и без того считаются субъектами, *с самого начала* вплетенными в сеть морального долга и прав; см.: *Flynn J.* Habermas on Human Rights: Law, Morality, and Intercultural Dialogue // Social Theory and Praxis. 29/2003. P. 431–457. В свое время я, однако, не обратил внимания на две вещи. Во-первых, совокупные переживания уязвленного достоинства образуют источник моральной мотивации для исторически беспрецедентной, учредительной [verfassungsgebenden] практики в конце XVIII столетия; во-вторых, придающее статус социальное признание достоинства Другого формирует понятийный мост между моральным содержанием равного уважения к каждому и юридической формой прав человека. В этом месте я оставляю без ответа вопрос о том, имеет ли сдвиг внимания к этому положению вещей дальнейшие последствия для моего дефляционистского истолкования принципа дискурса «D» при обосновании основных прав; см. мой разбор возражений Карла-Отто Апеля в «Zur Architektonik der Diskursdifferenzierung. Kleine Replik auf eine groβe

(2) В эту для своего времени совершенно новую категорию прав вновь вводятся два элемента, которые в период раннего Нового времени отмежевались от естественно-правового симбиоза фактов и норм, стали самостоятельными и обособились в противоположных направлениях. С одной стороны, это интериоризованная, укорененная в субъективной совести и рационально обоснованная мораль, которая у Канта полностью сдвигается в область интеллигибельного; с другой — принуждающее, позитивно оформленное право, которое служит абсолютистским властителям и старопарламентским сословным собраниям для учреждения современной государственной власти и капиталистического товарооборота как управляемого властью средства организации. Понятие прав человека возникает благодаря невероятному синтезу этих двух элементов. *И это соединение свершилась посредством понятийного шарнира «человеческое достоинство»*. Используемый на языке образования, концепт человеческого достоинства и сам трансформировался в процессе такого соединения. При этом, очевидно, сыграли свою роль и те обиходно-языковые представления о социальном достоинстве, которые в сословных обществах европейского Средневековья и в профессионально-сословных обществах раннего Нового времени были связаны с особым статусом[20]. Для излагаемой в дальнейшем гипотезы понадобятся, правда, еще более точные исторические свидетельства — как из истории понятий, так и из истории идей европейских революций.

В отношении генеалогии прав человека я хотел бы выделить два аспекта: во-первых, роль «человеческого достоинства» при смене перспективы рассмотрения с моральных обязанностей на юридические права (а), во-вторых, парадоксальное

Auseinandersetzung» // Habermas J. Zwischen Naturalismus und Religion. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2005. S. 84–105. [Рус. пер.: *Хабермас Ю.* К архитектонике дифференциации дискурсов. *Небольшая реплика по поводу большой дискуссии* // Хабермас Ю. Между натурализмом и религией / Пер. Б.М. Скуратова. М.: Весь Мир, 2011. С. 76–96.]

[20] О возникновении юридического концепта человеческого достоинства из обобщения достоинства, связанного со статусом, см.: *Waldron J.* Dignity and Rank // European Journal of Sociology. 48/2007. P. 201–237.

обобщение понятия, которое изначально не было приложимо к равномерному признанию достоинства каждого, но скроено по мерке статусных *различий* (b).

(a) Учения эпохи модерна о разумной морали и разумном праве опираются на основное понятие автономии индивида и на принцип равного уважения к каждому. Эта общая основа разумной морали и разумного права зачастую вводит нас в заблуждение относительно решающего различия: если мораль зачастую возлагает на нас обязанности, пронизывающие сплошь все сферы действия, то право эпохи модерна оставляет свободное пространство для частного произвола и формирования индивидуальной жизни. Под революционной предпосылкой: юридически разрешено все, что эксплицитно не запрещено, — начало для конструкции правовых систем создают не обязанности, но субъективные права. Для Гоббса и для права эпохи модерна основополагающим является равное полномочие всех лиц делать и позволять делать другим в рамках законов все, что им угодно. Акторы наделяются иной перспективой, если они — вместо того, чтобы *следовать* моральным заповедям, — реализуют свои права. В *моральных отношениях* одна личность спрашивает себя, что она должна другой личности, совершенно независимо от того, в каком социальном отношении она к ней находится — сколь чужда ей другая личность, как она ведет себя и что от нее можно ожидать. Личности, которые вступают в *правовые отношения* между собой, наоборот, реагируют на *притязания,* которые *выдвигает* к ним другая личность. В правовом сообществе для первого лица обязанности возникают лишь вследствие притязаний, с которыми к нему может обратиться второе лицо[21].

Представим себе полицейского чиновника, который намеревается выбивать у подозрительной личности признания

[21] Георг Ломан по этому поводу пишет: «Моральное право считается обоснованным, если существует корреспондирующаяся, морально предписанная обязанность, которая, со своей стороны, считается обоснованной [...], законное право — если оно является составной частью некоего позитивного правопорядка, который может притязать на полную легитимность» (*Lohmann G.* Menschenrechte zwischen Moral und Recht // A. a. O. S. 66).

с помощью противоправной угрозы пыток. В роли моральной личности он оказался бы нечист совестью, уже произнося эту угрозу, не говоря уже о применении самой пытки — независимо от того, как ведет себя правонарушитель. Правовые отношения между незаконно действующим полицейским чиновником и допрашиваемым возникают лишь в том случае, если *последний* защищается и требует соблюдения своих прав (или когда государственный обвинитель реагирует на нарушение права). Конечно, в обоих случаях личность, находящаяся под угрозой, является источником нормативных притязаний, которые нарушаются пыткой. Однако для нечистой совести правонарушителя достаточно того, что мораль нарушена в ходе деяния, тогда как объективно нарушенные правовые отношения остаются латентными до тех пор, пока они не актуализуются посредством выдвижения некоего притязания.

Поэтому Клаус Гюнтер усматривает в «переходе от взаимных моральных обязательств к взаимно обоснованным и допускаемым правам» акт «самоуполномочивания к самоопределению»[22]. *Переход от разумной морали к разумному праву* требует изменения: от симметрично перекрещивающихся перспектив внимания и уважения автономии *конкретного Другого* к требованиям признания и уважения *конкретной собственной* автономии *со стороны* Другого. Вместо морально заповеданного *бережного отношения* к уязвимому Другому выступает осознающее себя *требование* правового признания в качестве самоопределенного субъекта, который «живет, чувствует и действует согласно его или ее собственному суждению»[23]. Признание, на которое *претендуют* граждане, выходит за рамки взаимного морального признания ответственно действующих субъектов; оно имеет веский

---

[22] Переход, который Георг Ломан (ebd. S. 87) понимает, кажется, неверно, считая переходом от традиционной морали к морали Просвещения.

[23] *Günther K.* Menschenrechte zwischen Staaten und Dritten. Vom vertikalen zum horizontalen Verständnis der Menschenrechte // Deitelhoff N., Steffek J. (Hg.). Was bleibt vom Staat? Demokratie, Recht und Verfassung im globalen Zeitalter. Frankfurt a. M.: Campus, 2009. S. 259–280, 275f.

смысл *полагающегося* почтения перед статусом, полученным *по заслугам*, и подпитывается в этом отношении коннотациями того «достоинства», которое когда-то было сопряжено с принадлежностью к солидным корпорациям.

(b) Конкретное понятие достоинства, или «социальной чести», принадлежит к миру иерархически расчлененных традиционных обществ. Там личность могла соотносить свое достоинство и самоуважение, к примеру, с кодексом чести дворянства, с сословным этосом ремесленных цехов или с корпоративным сознанием университетов. Если же эти соотнесенные со статусом достоинства, которые выступают во множественном числе, оказываются сведенными к обобщенному достоинству «просто» человека, то это новое, абстрактное достоинство отменяет всякий раз особые качества сословного этоса. Однако в то же время универсализированное достоинство, в равной мере выпадающее на долю всех людей, содержит коннотацию *самоуважения*, которое основано на *социальном признании*. Поэтому и человеческое достоинство, являясь таким достоинством, требует укоренения в неком гражданском статусе, то есть принадлежности к некой коллективной общности (Gemeinwesen), организованной в пространстве и времени. Однако теперь статус должен быть для всех одинаковым. Понятие человеческого достоинства переносит содержание морали равного уважения к каждому на статусный порядок граждан государства, черпающих свое самоуважение из того, что они признаются всеми остальными гражданами в качестве *субъектов равных подлежащих обжалованию прав*.

При этом немаловажно, чтобы данный статус устанавливался только в рамках конституционного государства, которое никогда не возникает «само собой». Скорее, оно должно быть *создано* самими гражданами *средствами позитивного права*, защищено и развито при исторически меняющихся обстоятельствах. Как современное юридическое понятие, человеческое достоинство связано со статусом, который гражданин обретает в *самопроизведенном* политическом строе. Граждане как адресаты прав лишь тогда пользуются правами, которые защищают

их человеческое достоинство, если они совместно учреждают и сохраняют основанный на человеческих правах политический строй[24]. Достоинство, которым наделяет гражданский статус, подпитывается республиканской высокой оценкой этого демократического достижения и соответствующей ориентацией на общее благо. Это напоминает о значении, которое в классическом Риме сопрягалось со словом *dignitas** — означавшим уважение к государственным деятелям и должностным лицам, имевшим заслуги перед *res publica***. Правда, отличие немногочисленных выдающихся «сановников» («Würdenträger») и знатных лиц (Honoratioren) противоречит тому достоинству, которое конституционное государство *в равной мере* гарантирует *всем* гражданам.

Джереми Уолдрон указывает на парадоксальное положение вещей, когда эгалитарное понятие человеческого достоинства получается из обобщения партикулярных достоинств, которые не могут полностью утратить коннотацию «тонких отличий». «Понятие “достоинство”, которое прежде ассоциировалось с иерархическим различием по рангу и статусу, теперь способствует выражению той идеи, что все люди обладают одинаковым рангом, и притом очень высоким»[25]. Уолдрон представляет себе обобщение так, что сегодня все люди наделяются неким наивозможно высоким рангом, например таким, какой некогда сохранялся только за дворянством. Но затрагивает ли это смысл одинакового человеческого достоинства каждого? Ведь и непосредственные предшественники, которые есть у понятия человеческого достоинства

---

[24] Поэтому права человека не противоречат демократии, а имеют с ней одинаковые истоки. Они взаимно предполагают друг друга: права человека делают возможным демократический процесс, без которого они, в свою очередь, не могли бы позитивизироваться и — в рамках государства с конституцией, гарантирующей основные права — конкретизироваться; о дискурсивно-теоретическом обосновании этого см.: *Günther K.* Liberale und diskurstheoretische Deutungen der Menschenrechte // Brugger W., Neumann U., Kirste S. (Hg.). Rechtsphilosophie im 21. Jahrhundert. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2008. S. 338–359.

[25] *Waldron J.* Dignity and Rank // A. a. O. P. 201.

в греческой философии, прежде всего стоики и римский гуманизм — к примеру, Цицерон, — не образуют семантических мостиков к эгалитарному смыслу современного концепта. В то время *dignitas humana** объяснялось онтологически отличным положением человека в космосе, особым рангом, которым наделен человек в связи с такими особенностями его биологического вида, как одаренность разумом и рефлексия, по сравнению с «более низкими» живыми существами. Более высокая ценность биологического вида, возможно, может обосновывать его защиту, но не неприкосновенность достоинства отдельного лица как источник нормативных требований.

В генеалогии рассматриваемого понятия пока еще недостает двух решающих шагов. К коллективному обобщению должна добавиться, во-первых, индивидуализация. Речь идет о *ценности отдельного человека (Einzelnen)* в горизонтальных связях между людьми, а не о положении человека «как такового» в его вертикальных отношениях к Богу или к нижерасположенным ступеням бытия. Во-вторых, на место относительно более высокой ценности человечества и его отдельных представителей должна прийти абсолютная ценность личности. Речь идет о *несравненной ценности* каждого индивида. Оба этих шага проделаны в Европе путем философского освоения мотивов и мыслительных фигур иудео-христианской традиции, о чем я хотел бы вкратце напомнить[26].

Тесная взаимосвязь между *dignitas* и *persona*** была установлена еще в античности, однако только в средневековых дискуссиях о человеке как образе и подобии Божием индивидуальная личность выходит за рамки своей ролевой структуры. Каждый предстает перед Страшным Судом как незаменимая личность, которую ни с кем нельзя спутать. Еще один этап в понятийной истории индивидуализации образуют

[26] О теологическом фоне понятия человеческого достоинства см. исследование по истории идей: *Stein T.* Himmlische Quellen und irdisches Recht. Religiose Voraussetzungen des freiheitlichen Verfassungsstaates. Frankfurt a. M.: Campus, 2007 (особенно гл. 7); см. также: *Huber W.* Gerechtigkeit und Recht. Grundlinien christlicher Rechtsethik. Gütersloh: Chr. Kaiser, 1996. S. 222–286.

подходы к различению между субъективными правами и объективным естественным правопорядком в поздней испанской схоластике[27]. Однако решающим «переводом стрелок» стала морализация в понимании индивидуальной свободы у Гуго Гроция и Самуэля фон Пуфендорфа. Кант деонтологически заостряет это понимание на понятии автономии, которое, правда, оплачивает свою радикальность бестелесным статусом свободной воли в удаленном от мира «царстве целей». Свобода состоит теперь в способности личности к разумному самозаконодательству. Отношения разумных существ друг к другу определяются посредством взаимного признания каждым общей законодательствующей воли, причем каждый никогда не должен относиться к человечеству, «как в своем лице, так и в лице всякого другого, только как к средству, но всегда в то же время и как к цели самой по себе»[28]. Тем самым обозначены границы той сферы, в которой должно быть абсолютно исключено распоряжаться кем-то Другим. «Бесконечное достоинство» каждой личности состоит в притязании, чтобы все остальные уважали эту сферу свободной воли как неприкосновенную.

Интересно, что у Канта человеческое достоинство не получает систематической значимости; все бремя обоснования берет на себя морально-философское объяснение автономии: «Автономия есть, таким образом, основание достоинства человеческой и всякой разумной природы»[29]. Прежде чем мы сможем понять, что означает «человеческое достоинство», мы должны поразмыслить над «царством целей»[30]. В «Уче-

---

[27] *Böckenförde E.-W.*. Geschichte der Rechts- und Staatsphilosophie. Tübingen: Mohr Siebeck, 2002. S. 312–370.

[28] *Kant I.* Grundlegung zur Metaphysik der Sitten // Kant I. Werkausgabe in zwölf Bänden. Herausgegeben von Wilhelm Weischedel. Bd. VII. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1968. S. 11–102, S. 66. [*Кант И.* Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч.: В 4 т. на нем. и рус. яз. / Пер. А.К. Судакова под ред. Э.Ю. Соловьева. Т. 3. М., 1997. С. 169.]

[29] *Ebd.* S. 69. [*Указ. соч.* С. 191.]

[30] «В царстве целей все имеет или цену, или достоинство. На место того, что имеет цену, может быть поставлено также и что-нибудь другое как

нии о праве» Кант вводит права человека — или, скорее, «единственное» право, которое полагается каждому «в силу его принадлежности к человеческому роду» — в пределах непосредственной досягаемости для свободы каждого, «поскольку она совместима со свободой каждого другого, сообразно со всеобщим законом»[31]. У него права человека также черпают моральное содержание, которое они формулируют на языке позитивного права, из источника человеческого достоинства, понятого универсалистски и индивидуалистически. Но последнее совпадает с интеллигибельной свободой по ту сторону пространства и времени и отбрасывает как раз те статусные коннотации, именно которые и были квалифицированы как историческое связующее звено между моралью и правами человека. Однако суть юридического характера прав человека состоит в том, что они защищают человеческое достоинство, которое соотносит свои коннотации самоуважения и социального признания со статусом — именно гражданина демократического государства — в пространстве и времени[32].

В плане истории понятий мы проводили исследование трех элементов: высокоморального понятия человеческого достоинства, остатков традиционного понимания социального достоинства (сана) и — с возникновением права эпохи модерна — самоуверенной установки юридических лиц, выдви-

---

эквивалент; наоборот, а что выше всякой цены, и, следовательно, не допускает никакого эквивалента, то обладает достоинством» (Ebd. S. 68). [*Указ. соч.* С. 187.]

[31] *Kant I.* Die Metaphysik der Sitten. Rechtslehre // Werkausgabe in zwölf Bänden.. Bd. VIII. A. a. O. S. 309–499, 345. [*Кант И.* Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов / Пер. Н.М. Соколова. СПб., 1995. С. 291.]

[32] Согласно предпосылкам собственной теории Канта, такое «посредничество» между трансцендентальным царством свободы и феноменальным царством необходимости не является ни необходимым, ни возможным. Но как только характер свободной воли детрансцендентализируется (как в «Теории коммуникативного действия»), становится необходимым перебросить мостик между моралью и правом. Как раз этому способствует зависящее от статуса понятие человеческого достоинства.

гающих притязания в отношении других юридических лиц. Теперь мы должны перейти от истории понятий к социальной и политической истории, чтобы, по крайней мере, сделать убедительной динамику смыкания содержания разумной морали с формой позитивного права через обобщение изначально сопряженного со статусом «достоинства» в «человеческое достоинство». Вот к этому скорее иллюстративная, чем исторически защищенная от упреков отсылка. Обжалование и реализация прав человека редко протекают мирно. Права человека возникают в ходе сопряженной с насилием, иногда революционной борьбы за признание[33]. В ретроспективном измерении мы можем представить себе ситуацию острой борьбы, когда эти три понятийные элемента могли оказаться переплетенными между собой в умах первых борцов за свободу (скажем, левеллеров*). Исторический опыт унижения и оскорбления достоинства, который интерпретировался уже в свете христианско-эгалитарного понимания человеческого достоинства, послужил мотивом для сопротивления. Но теперь политическое негодование уже смогло артикулироваться на языке позитивного права, как осознанное требование всеобщих прав. Вероятно, уже с этим — напоминая о хорошо знакомом сословном концепте достоинства — связывалось ожидание, что такие основные права лягут в основу статуса граждан, взаимно признающих друг друга в качестве субъектов равных прав.

(3) Боевое происхождение лишь отчасти объясняет полемический характер, который права человека сохранили по сей день. Именно моральная нагрузка придает также этим санкционированным государством правам оттенок «ненасыщенности». Этот характер объясняет, почему вместе с двумя конституционными революциями в конце XVIII века в общество модерна пришло провокативное напряжение. В социальном пространстве, конечно, повсюду и всегда имеется «зазор»

---

[33] См.: *Honneth A.* Kampf um Anerkennung. Zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992.

между нормами и фактическим поведением; однако вместе с исторически беспримерной практикой создания демократической конституции возникает совершенно иной, сдвинутый во временно́е измерение, утопический зазор. С одной стороны, права человека могут достигать позитивного значения основных прав лишь в некой партикулярной общности (Gemeinwesen), прежде всего — в рамках национального государства. С другой стороны, их притязание на универсалистскую, переходящую через все национальные границы значимость могло бы найти разрешение только в охватывающей весь мир, инклюзивной общности[34]. Разумное решение это противоречие могло бы найти только в мировом обществе (которое поэтому не должно наделяться качествами государства) с демократической конституцией[35]. Между правами человека и граждан-

---

[34] *Wellmer A.* Menschenrechte und Demokratie // Gosepath, Lohmann. Philosophie der Menschenrechte. A. a. O. S. 265–291; см. проницательный анализ импликаций, которые отсутствующая конгруэнтность между «правами человека» и «гражданскими правами» имеет для «иностранцев», живущих в демократическом правовом государстве: *Denninger E.* Die Rechte der Anderen. Menschenrechte und Bürgerrechte im Widerstreit // Kritische Justiz. 3/2009. S. 226–238.

[35] Об этом см. мои тексты «Zur Legitimation durch Menschenrechte» (1998), «Hat die Konstitutionalisierung des Völkerrechts noch eine Chance?» (2004) и «Konstitutionalisierung des Völkerrechts und die Legitimationsprobleme einer verfaβten Weltgesellschaft» (2008) // Habermas J. Philosophische Texte. Bd. 4. Politische Theorie. A. a. O. S. 298–312, 313–401, 402–424. Противоречие между гражданскими правами и правами человека можно разрешить не только посредством глобального распространения конституционных государств в сочетании с предложенным Ханной Арендт (в связи с ситуацией *displaced persons* [перемещенные лица *(англ.)*.] в конце Второй мировой войны) «правом иметь права», так как классическое международное право оставляет международные отношения в «естественном состоянии». С возникшей между тем потребностью в координации мирового сообщества могло бы справиться только «космополитическое правовое состояние» (в современном, то есть в пересмотренном Кантовом смысле).

В этой связи я должен устранить серьезное недоразумение во введении к специальному выпуску «Symposium on Human Rights: Origins, Violations, and Rectifications» (Vol. 40. No. 1. 2009. P. 2) журнала «Metaphilosophy» (и в статье Андреаса Фоллесдаля [Føllesdal Andreas] «Universal Human Rights as a Shared Political Identity. Necessary? Sufficient? Impossible?» //

скими правами с самого начала существует диалектическое напряжение, которое при благоприятных исторических обстоятельствах может включить «динамику, открывающую двери» (Лутц Вингерт).

Это не должно означать, что интенсификация защиты прав человека в рамках национальных государств и глобальное распространение прав человека вовне возможно без социальных движений и политических боев, без непременного сопротивления репрессиям и унижению достоинства. Борьба за реализацию прав человека продолжается — в наших собственных странах не меньше, чем, к примеру, в Китае, в Африке или в России, в Боснии или в Косове. Каждое выдворение соискателя политического убежища за закрытые двери аэропорта, каждый переворачивающийся корабль с нищими беженцами в Средиземном море между Ливией и островом Лампедуза, каждый выстрел у пограничной ограды между США и Мексикой — очередной тревожный вопрос к гражданам Запада. Вместе с первой Декларацией прав человека был задан стандарт, который может вдохновлять беженцев, тех, кто ввергнут в нищету, исключенных, униженных и оскорбленных, и способствовать осознанию ими того, что их страдание не имеет характера природной участи. Вместе с позитивированием первых прав человека возник *юридический долг* реализации «излишних» моральных содержаний, которые запечатлены в памяти человечества.

Права человека образуют *реалистическую* утопию, потому что они больше не вводят в заблуждение расписанными в духе социальных утопий картинами коллективного счастья, но идеальная цель справедливого общества укоренена в институтах

Ebd. P. 78–91, 85ff.). Разумеется, я давно отстаиваю тезис, что коллективную идентичность демократических общностей можно расширить за границы имеющихся национальных государств, и отнюдь не разделяю тех оговорок, которые выдвигают в этом отношении либеральные националисты. В ходе своих выступлений в защиту многоуровневой системы всемирного конституционного государства я разработал и другие основания в пользу тезиса, что мировое правительство не является ни желательным, ни осуществимым.

самих конституционных государств[36]. Однако вместе с этой «чрезмерной» идеей справедливости в политическую и общественную реальность проникает также проблемное напряжение. Не говоря о сугубо символической силе основных прав во многих фасадных демократиях Южной Америки и других территорий[37], в проводимой ООН политике относительно прав человека проявляется противоречие между распространением риторики прав человека, с одной стороны, и злоупотреблением ею как вспомогательным средством легитимации обычной политики власти — с другой. Правда, Генеральная Ассамблея ООН занимается ускоренной *кодификацией* прав человека с позиций *международного права* и обособлением (Ausdifferenzierung) их содержания, например, принимая пакты по правам человека. *Институционализация* прав человека тоже продвинулась вперед — в процедурах частных жалоб, в периодических докладах о ситуации с правами человека в отдельных государствах, а прежде всего в учреждении международных судов, таких как Европейский суд по правам человека, различных трибуналов для военных преступников и Международного уголовного суда. Наиболее сенсационными являются гуманитарные интервенции, решения о которых принимал Совет Безопасности от имени международного сообщества — в случае крайней необходимости и против воли суверенных правительств. Но как раз в этих случаях открывается проблематичность попыток форсировать установление мирового порядка, пока что лишь очень фрагментарно институционализированного. Ибо хуже, чем безуспешность легитимных попыток, — их двусмысленность, выставляющая в сомнительном свете даже моральные критерии[38].

---

[36] *Bloch E.* Naturrecht und menschliche Würde. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1961.

[37] *Neves M.* The Symbolic Force of Human Rights // Philosophy & Social Criticism. 33/2007. P. 411–444.

[38] К тому же, обычная сегодня «губернативная политика прав человека» все более разрушает связь между правами человека и демократией; об этом см.: *Günther K.* Menschenrechte zwischen Staaten und Dritten (a. a. O.), а также: *Maus I.* Menschenrechte als Ermächtigungsnormen internationaler

Я напоминаю о выборочности и однобоком характере решений нерепрезентативного Совета Безопасности, которые можно назвать какими угодно, только не беспристрастными, — или о робких и некомпетентных попытках осуществить интервенции, о которых были приняты постановления — и об их порою катастрофических провалах (Сомали, Руанда, Дарфур). К тому же эти полицейские операции иногда проводятся как войны, в которых военные называют гибель и бедствия невинного населения «побочным ущербом» (Косово). Державы, осуществляющие интервенцию, еще никоим образом не доказали, что их сила и упорство способствуют *state-building**, то есть восстановлению разрушенных или пришедших в упадок инфраструктур в замиренных областях (Афганистан). Если политика прав человека превратилась в фиговый листок, прикрывающий реализацию интересов великих держав; если сверхдержава отстраняет Хартию ООН, чтобы дать себе право на интервенцию; если она — в нарушение международного гуманитарного права — осуществляет агрессию, оправдывая ее от имени универсальных ценностей, то подтверждается подозрение, что программа прав человека *состоит* в империалистическом злоупотреблении ею[39].

Politik oder: der zerstörte Zusammenhang von Menschenrechten und Demokratie // Brunkhorst H., Köhler W.R., Lutz-Bachmann M. (Hg.). Recht auf Menschenrechte. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1999. S. 276–292; об этой тенденции см. теперь также: *Günther K.* Von der gubernativen zur deliberativen Menschenrechtspolitik. Die Definition und Fortentwicklung der Menschenrechte als Akt kollektiver Selbstbestimmung // Haller G., Günther K., Neumann U. (Hg.). Menschenrechte und Volkssouveränität in Europa: Gerichte als Vormund der Demokratie? Frankfurt a. M.: Campus, 2011. S. 45–60.

[39] Это подозрение первым высказал Карл Шмитт; см. *Schmitt C.* Die Wendung zum diskriminierenden Kriegsbegriff. Berlin: Duncker & Humblot Berlin, 1988 (1938); *ders.* Das internationalrechtliche Verbrechen des Angriffskrieges und der Grundsatz «Nullum crimen, nulla poena sine lege». Herausgegeben, mit Anmerkungen und einem Nachwort versehen von Helmut Quaritsch. Berlin: Duncker & Humblot, 1994 (1945). Шмитт изобличает права человека прежде всего как идеологию, которая дискриминирует войны как легитимное средство разрешения международных конфликтов. Уже мирный идеал политики президента Вильсона способствовал-де тому, что «различение между справедливыми и несправедливыми войнами» приво-

Напряжение между идеей и действительностью, которое возникает вместе с позитивизацией прав человека в самой действительности, вступает сегодня в конфронтацию с вызовом, заставляющим нас мыслить и действовать реалистически, не проявляя утопических импульсов. Эта амбивалентность слишком легко вводит нас в искушение — либо идеалистически, но ни к чему не обязывающим образом встать на сторону чрезмерных моральных содержаний, либо принять циничную позу так называемых «реалистов». Поскольку теперь уже не реалистично — вслед за Карлом Шмиттом — огульно отбрасывать программатику прав человека, которая между тем благодаря своей подрывной силе просочилась в поры *всех* регионов земного шара, сегодня «реализм» принимает другое обличие. На место фронтально разоблачительной критики сегодня приходит мягкая дефляция прав человека. Этот новый минимализм ослабляет напряжение, так как отрывает права человека от их сущностного морального импульса — от защиты равного для всех человеческого достоинства.

Кеннет Бейнс, опираясь на Джона Ролза, отличает этот подход, как «политическую» концепцию прав человека[40], от естественно-правовых представлений о «врожденных» правах, ко-

---

дит к «все более глубокому и острому, все более тотальному различению между другом и врагом» (*Schmitt C.* Die Wendung zum diskriminierenden Kriegsbegriff. S. 50). В «естественных» международных отношениях морализаторство в отношении врагов служит фатальным методом для маскировки собственных интересов, так как агрессор окапывается за мнимо прозрачным фасадом якобы разумного — ибо гуманного — устранения войны. Однако критика «морализации» войны во имя прав человека бьет в пустоту, так как она промахивается мимо их сути, а именно — *переноса* моральных содержаний в среду императивного права. По мере того, как запрет войны фактически приводит к юридизации (Verrechtlichung) международных отношений, совершенно отбрасывается естественно-правовое или религиозное различение между «справедливыми» и «несправедливыми» войнами в пользу «легальных» войн, которые затем должны принять форму всемирно-полицейских мероприятий; об этом см.: *Günther K.* Kampf gegen das Böse? Zehn Thesen wider die ethische Aufrüstung der Kriminalpolitik // Kritische Justiz. 27/1994. S. 135–157.

[40] *Baynes K.* Toward a Political Conception of Human Rights // Philosophy and Social Criticism. 35/2000. P. 371–390.

торые должны полагаться каждой личности в силу уже одной только ее человеческой природы: «Права человека понимаются как условия включения в политическое сообщество»[41]. С этим я согласен. Проблематичен следующий ход, состоящий в том, чтобы затушевать моральный смысл этого включения — что каждому, как субъекту равных прав в его человеческом достоинстве, полагается уважение. В связи с фатальными промахами политики прав человека, разумеется, необходима осторожность. Эти промахи, однако, не служат достаточным основанием, чтобы лишить сами права человека их моральной прибавочной стоимости и заранее сузить фокус тематики прав человека вопросами *международной* политики[42]. Минимализм забывает о том, что продолжающие существовать *внутригосударственные* напряженные отношения между универсальными правами человека и партикулярными гражданскими правами служат нормативным основанием для динамики международных отношений[43]. Если не учитывать эту взаимосвязь, глобаль-

---

[41] *Baynes K.* Discourse Ethics and the Political Conception of Human Rights // Ethics & Global Politics. 2/2009. P. 1–21.

[42] «Права человека понимают, в первую очередь, как международные нормы, которые нацелены на то, чтобы защитить фундаментальные человеческие интересы и гарантировать, чтобы индивидам предоставлялась возможность участвовать в политическом обществе в качестве его членов» (Ebd. P. 7).

[43] См. о критике в адрес этой минималистической позиции: *Forst R.* The Justification of Human Rights and the Basic Right to Justification. A Reflexive Approach // Ethics. 120/2010. P. 711–740. Там сказано:

«Как правило, вводит в заблуждение подчеркивание политико-правовой функции таких прав в качестве обоснования для политики легитимной интервенции. Ведь это означало бы ставить телегу впереди лошади. Прежде всего, на первом этапе мы должны сконструировать (или найти) оправданное количество прав человека, которые должны уважать и гарантировать легитимный политический авторитет власти — прежде чем на следующем этапе мы сможем поставить вопрос, какого рода правовые структуры требуются на международном уровне, чтобы контролировать и обеспечивать эти права, чтобы политическое господство и фактически осуществлялось таким образом» (p. 726).

Кроме того, намеченное сужение взгляда на международные отношения наводит на мысль о патерналистском экспорте прав человека, которым Запад якобы осчастливливает остальной мир.

ное распространение прав человека требует отдельного обоснования. Этому служит аргумент, согласно которому в международных отношениях моральные обязательства между государствами (и гражданами) возникают только благодаря растущему систематическому переплетению взаимозависимостей в мировом обществе[44]. С этой точки зрения, притязания на инклюзию появляются только благодаря взаимозависимостям в *фактически* осуществленных интеракциях[45]. Этот аргумент обладает известной объяснительной силой для эмпирического вопроса: как в наших обществах благосостояния формируется чувствительность к легитимному притязанию маргинализованных и непривилегированных групп населения, которые хотят быть включенными в либеральные жизненные отношения? Однако сами номинативные притязания основываются на универсалистской морали, чье содержание относительно идеи человеческого достоинства уже давно проникло в права человека и гражданина, нашедшие место в демократических конституциях. Только посредством этой *внутренней* взаимосвязи между человеческим достоинством и правами человека сложилось то взрывное внедрение морали в среду права, где должно быть предпринято построение более справедливого политического строя.

Эта моральная нагрузка права — результат конституционных революций XVIII столетия. Кто нейтрализует это напряжение, тот отказывается также от динамического понимания, которое делает граждан наших собственных, с грехом пополам либеральных обществ более чувствительными в отношении все более интенсивного исчерпания существующих основных прав и все более и более острой опасности выхолащивания гарантированных прав на свободу.

---

[44] *Cohen J.* Minimalism about Human Rights: The Most We Can Hope for? // The Journal of Political Philosophy. 12/2004. P. 190–213.

[45] «Права и соответствующие обязанности возникают не столько как притязания, полагающиеся индивидам в силу их человеческого бытия, сколько, скорее, благодаря особенным отношениям между индивидами» (*Baynes Jeremy*. Toward a Political Conception of Human Rights. P. 382).

Кризис Европейского союза в свете конституционализации международного права. Эссе к конституции Европы[46]

I. Почему Европа сегодня даже больше, чем прежде, нуждается в конституционном проекте

В сегодняшнем кризисе мы часто слышим вопрос, почему мы вообще должны держаться за Европейский союз и даже за старую цель «все более тесного политического союза» там, где вроде бы исчерпан изначальный мотив: сделать войны в Европе невозможными. На это имеется больше чем один ответ. В дальнейшем я хотел бы с позиции конституционализации международного права[47], которая со времен Канта вышла далеко за рам-

---

[46] Я благодарю Армина фон Богданди за его кропотливую помощь, а также Клаудио Франциуса и Кристофа Мёллерса за критические советы.

[47] *Frowein J. Abr.* Konstitutionalisierung des Völkerrechts // Dicke J. et al. Völkerrecht und Internationales Privatrecht in einem sich globalisierenden internationalen System. Berichte der Deutschen Gesellschaft für Völkerrecht. Bd. 39. Heidelberg: C.F. Müller, 2000. S. 427–447. Хотя эта перспектива особенно близка немецкой юридической науке, она становится сегодня настоятель-

ки *статус-кво*, предвосхищая космополитическое состояние права в будущем[48], развить некий новый убедительный нарратив: Европейский союз можно понимать как решающий шаг на пути к мировому обществу с политической конституцией[49]. Правда, дружественные к европейскому объединению энергии

ной прежде всего по политическим причинам; об этом см. предисловие в: *Franzius C., Mayer F.C., Neyer J.* (Hg.). Strukturfragen der Europäischen Union. Baden-Baden: Nomos, 2010. S. 16. Блестящий анализ вклада немецкоязычных стран в историю международного права, проливающий свет и на видное положение идеи конституционализации международного права в немецкой юриспруденции, предлагает Мартти Коскенниеми в своей статье «Between Coordination and Constitution. Law as German Discipline» // Koskenniemi M. Between Coordination and Constitution. International Law as German Discipline, появилась в: Redescriptions. Yearbook of Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory. 14/2010 (без указания страниц).

[48] Об этой интерпретации Канта, который рассматривает модель союза государств лишь как шаг на пути к более далеко идущей интеграции народов, см.: *Thiele U.* Von der Volkssouveränität zum Völker(staats)recht. Kant–Hegel–Kelsen: Stationen einer Debatte // Eberl O. (Hg.). Transnationalisierung der Volkssouveränität. Radikale Demokratie diesseits und jenseits des Staates. Stuttgart: Franz Steiner, 2011. S. 175–196. Там написано: «Тот особый договор, который, ради вечного мира, передаст права на национальный суверенитет надгосударственным или межгосударственным органам, должен был бы происходить из "договора народов между собой", а не просто из договора фактических суверенов» (S. 179).

[49] Между 1995 и 2005 гг. я много раз брался за идею Канта о всемирно-гражданском праве; об этом см.: *Habermas J.* Kants Idee des ewigen Friedens — aus dem historischen Abstand von 200 Jahren // Habermas J. Die Einbeziehung des Anderen. Studien zur politischen Theorie. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1996. S. 192–236 [Рус. пер.: *Хабермас Ю.* Кантова идея вечного мира — из 200-летней исторической перспективы // Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории / Пер. с нем. Ю.С. Медведева. 2-е изд. СПб.: Наука, 2008. С. 277–332.]; Hat die Konstitutionalisierung des Völkerrechts noch eine Chance? // Der gespaltene Westen. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2004. S. 113–193 [Рус. пер.: *Хабермас Ю.* Есть ли еще шансы для конституционализации международного права? // Хабермас Ю. Расколотый Запад / Пер. с нем. О.И. Величко, Е.Л. Петренко. М.: Весь Мир, 2008. С. 103–187.]; Eine politische Verfassung für die pluralistische Weltgesellschaft? // Zwischen Naturalismus und Religion. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2005. S. 324–365 [Рус. пер.: *Хабермас Ю.* Политическая конституция для плюралистического мирового общества // Хабермас Ю. Между натурализмом и религией / Пер. с нем. Б.М. Скуратова. М.: Весь Мир. С. 293–331.].

на трудном пути к Лиссабонскому договору были растрачены в споре о таких конституционно-политических вопросах; но совершенно независимо от конституционно-правовых последствий ныне запланированного европейского «хозяйственного правительства» эта перспектива сегодня рекомендует себя по двум следующим причинам. Во-первых, современные дебаты относительно непосредственных выходов из актуального банковского, валютного и долгового кризиса тематически сузились, и при этом пропало из виду их политическое измерение (1); во-вторых, ложные политические понятия заслоняют от взгляда цивилизующую силу демократической юридизации — а тем самым обещание, которое с самого начала было связано с проектом европейской конституции (2).

(1) Экономическое сужение взгляда выглядит тем непонятнее, что профессионалы, по-видимому, едины в отношении диагноза более глубокой причины кризиса: Европейскому союзу недостает компетенций для необходимой гармонизации национальных экономик, явно дрейфующих друг от друга в своей конкурентоспособности. Разумеется, в краткосрочном измерении актуальный кризис привлекает к себе все внимание[50]. Однако при этом акторы не должны забывать основополагающий и только в долгосрочной перспективе устранимый конструктивный дефект валютного союза, созданного без необходимых для него возможностей политического управления на европейском уровне. «Пакт для Европы» повторяет старую ошибку: юридически ни к чему не обязывающие договоренности в кругу глав правительств либо не оказывают влияния ни на что, либо недемократичны, и поэтому их следует заменить не вызывающей сомнения в демократическом плане институционализацией совместно принимаемых решений[51]. Герман-

[50] То, как политики обходятся с этим кризисом, показывает значительную прогностическую неопределенность научно-экономической экспертизы по его поводу.

[51] Об этом см. ниже мою статью «Пакт за Европу или против нее?». С. 127–136.

ское федеральное правительство превратилось в ускорителя процессов десолидаризации в общеевропейском масштабе, потому что оно слишком долго закрывало глаза на единственный конструктивный выход, который между тем даже «Frankfurter Allgemeine Zeitung» описывает лаконичной формулой «Больше Европы». Всем участвующим правительствам до сих пор недостает мужества, они беспомощно барахтаются в тупике между императивами крупных банков и рейтинговых агентств, с одной стороны, и страхом перед грозящей утратой легитимации в глазах собственного фрустрированного населения — с другой. Безголовое стремление к приращению (Inkrementalismus) свидетельствует об отсутствии далеко идущей перспективы.

С тех пор, как минула эпоха *embedded capitalism** и глобализованные рынки стремительно уходят из-под влияния политики, всем государствам ОЭСР** становится все труднее стимулировать экономический рост и в то же время заботиться как о сколько-нибудь справедливом распределении прибыли, так и о социальной безопасности широких кругов населения. После введения свободного обменного курса они временно снизили остроту этой проблемы ценой инфляции; как только эта политика привела к чрезмерно высоким социальным расходам, они избрали иной выход: рост кредитного финансирования государственных бюджетов. Однако хорошо статистически подтвержденные тенденции двух последних десятилетий показывают, что в большинстве стран ОЭСР возросли социальное неравенство и статусная неопределенность, хотя правительства с круто взмывшими вверх государственными долгами покрыли свою потребность в легитимации. Длящийся с 2008 года финансовый кризис теперь заблокировал также и механизм выплаты государственного долга. Так что пока невозможно понять, как и без того трудноосуществимую с точки зрения внутренней политики *austerity policies**** надолго совместить с поддержанием сносного уровня социального государства. Молодежные бунты в Испании и Великобритании — это предупреждение о грозящей опасности (sind ein Menetekel*****) для социального мира.

При таких обстоятельствах дисбаланс между императивами рынков и регулирующей силой политики был признан в качестве подлинного вызова. В зоне евро некое смутно маячащее на горизонте «хозяйственное правительство» должно придать новую силу давно выхолощенному пакту о стабильности. Жан-Клод Трише* требует для зоны евро общего министерства финансов, не упоминая, правда, при этом столь же назревшей парламентаризации соответствующей финансовой политики — или совсем не рассматривая того обстоятельства, что палитра политики, релевантной для конкуренции, выходит далеко за рамки налоговой политики и затрагивает бюджетное право национальных парламентов. Как бы то ни было, эта дискуссия показывает, что хитрость экономического разума (неразумия) вновь выдвинула на политическую повестку дня вопрос о будущем Европы. Вольфганг Шойбле**, последний четко очерченный «европеец» в кабинете Меркель, знает, что перенос компетенций с национального уровня на европейский касается вопросов демократической легитимации. Но прямые выборы президента Европейского союза, о которых он уже давно заводит речь, были бы не более чем фиговым листком, прикрывающим технократическое самоуполномочивание некоего коренного, главного европейского Совета, который своими неформальными решениями мимоходом руководил бы соглашениями.

В этих представлениях об особой разновидности «исполнительного федерализма»[52] отражается боязнь политических элит, что обсуждение европейского проекта, до сих пор происходившее за закрытыми дверями, сдвинется к другому

---

[52] Штефан Этер употребляет это выражение в своей статье «Föderalismus und Demokratie» // Bogdandy A.von / Bast J. (Hg.). Europäisches Verfassungsrecht. Theoretische und dogmatische Grundzüge. Heidelberg: Springer, 2010. S. 73–120) в ином смысле: «В системе ЕС бюрократия стран-членов в значительной степени сбрасывает с себя контроль домашних (национальных) парламентов, сдвигая проблемы решения на уровень Союза. Однако на европейском уровне они не подлежат политическому контролю, хотя бы отдаленно сравнимому с контролем в рамках национальных конституционных систем» (S. 104).

полюсу, перейдя в фамильярный модус шумно аргументирующей борьбы мнений среди широкой общественности. В связи с неслыханной важностью проблемы можно было бы ожидать, что политики наконец — отбросив все оговорки — выложат европейские карты на стол и наступательно просветят население насчет соотношения между краткосрочными издержками и подлинной выгодой, то есть насчет исторического значения европейского проекта. Они должны были бы преодолеть свой страх перед демоскопическими показателями общественного мнения и довериться убеждающей силе хороших аргументов. Однако от этого шага отшатываются все правительства участвующих стран, а с некоторых пор и все политические партии. Вместо этого многие примазываются к такому популизму, который они сами и выпестовали затуманиванием сложной и нелюбимой темы. Политика выглядит так, словно на пороге между экономическим и политическим объединением Европы она задержала дыхание и втянула голову в плечи. Откуда такое оцепенение от страха?

Из застрявшей в XIX веке перспективы напрашивается известный «no demos»-ответ: единого европейского народа не существует; и поэтому Политический Союз, заслуживающий такого названия, якобы построен на песке[53]. Этой интерпретации я хотел бы противопоставить более уместную: продолжающаяся политическая фрагментация в мире и Европе вступает в противоречие с системным срастанием мультикультурного мирового общества и блокирует продвижение по пути конституционно-правового цивилизирования государственных и общественных отношений власти[54].

---

[53] Этот настрой получил в свое время распространение в Германии, как «противофаза» к Маастрихтскому договору, вследствие объединения разделенной германской нации; см., например: *Lubbe H.* Abschied vom Superstaat. Vereinigte Staaten von Europa wird es nicht geben. Berlin: Siedler, 1994.

[54] Норберт Элиас (Über den Prozeβ der Zivilisation. 2 Bde. Bern/München: Francke-Verlag, 1969) разрабатывает понятие цивилизации, выводя его, прежде всего, из роста способностей к социально-психологическому самоконтролю в процессе модернизации. [Рус. пер.: *Элиас Н.* О процессе цивилизации: В 2 т. / Пер. с нем. А.М. Руткевича. М.–СПб., 2001.]

(2) Беглым ретроспективным обзором трудных взаимоотношений между правом и властью я хотел бы прежде всего напомнить о том, в чем состоит цивилизирующая сила демократически установленного права. Политическое господство — со времени начал государственной власти в ранних высокоразвитых культурах — конституировалось в формах права. «Сочленение» права и политики имеет такой же возраст, как и само государство. При этом право на протяжении тысячелетий играло двойственную роль: оно служило организационным средством авторитарно осуществлявшемуся господству и было в то же время непременным источником легитимации для господствовавших династий. Если правопорядок стабилизировался с помощью санкционирующей власти государства, то политическое господство, чтобы восприниматься как справедливое, наоборот, подпитывалось легитимирующей силой управляемого им сакрального права. Право и юрисдикционная власть короля получали ауру Священного изначально посредством связи с мифическими властями, впоследствии — отсылкой к религиозному естественному праву. Но лишь после того, как среда права в Римской империи обособилась от этоса общества, право смогло проявить на деле собственное своеволие и наконец, юридически канализовав осуществление господства, развить рационализирующее воздействие[55].

Однако государственной власти пришлось секуляризироваться, а праву стать сплошь позитивным, прежде чем легитимация господства смогла оказаться зависимой от юридически институционализированного согласия подчиненных господству. Только тогда смогла произойти та демократическая юридизация *осуществления* политического господства, которая релевантна в нашей связи. А именно, такое господство развертывает не только *рационализирующую*, но и *цивилизирующую* силу по мере того, как оно лишает государственную власть авторитарного характера и благодаря этому изменяет

---

[55] Этот процесс теория систем описывает как «сочленение» имеющих собственный код и обособившихся долевых систем права и политики; см.: *Luhmann N.* Das Recht der Gesellschaft. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1994.

агрегатное состояние самого Политического. Как политический теолог, Карл Шмитт недоверчиво следил за этой тенденцией к цивилизированию, поскольку она, размягчая авторитарное ядро господства, лишила его и сакральной ауры[56]. «Субстанцию» «Политического» он понимает как способность к самоутверждению юридически конституированной силы господства, которой, однако, не могут препятствовать никакие нормативные оковы.

Согласно интерпретации Шмитта, эта субстанция еще смогла заявить о себе в начале эпохи модерна, в борьбе суверенных государств с внешними и внутренними врагами. Она распалась только в конституционных революциях XVIII века, и притом прежде всего во внутренней жизни государства. Конституционное государство превращает граждан общества в граждан демократического государства; оно больше не знает никаких «внутренних врагов», но знает — даже при борьбе с террористами — одних лишь преступников[57]. Только отношения суверенного государства с его внешним окружением до определенной поры оставались «не затронутыми» нормативными оковами демократической юридизации[58]. Чтобы воздать должное дескриптивному содержанию, не следует придерживаться такой оценки, которая возникает, когда «Политическое» выводят из тумана некоего ауратизированного Контрпросвещения и возводят к ядру демократически юридизированной власти принимать решения и формировать.

В международные отношения лишь после краха Лиги Наций и с конца Второй мировой войны — вместе с основанием ООН и началом процесса объединения Европы — была прове-

---

[56] *Meier H.* Die Lehre Carl Schmitts. Stuttgart: J.B. Metzler, 2004.

[57] *Schmitt C.* Der Begriff des Politischen. Berlin: Duncker & Humblot, 1969 (1932). [Рус. пер.: *Шмитт К.* Понятие политического. М.: НИЦ «Инженер», 2011].

[58] В этой взаимосвязи находится продолжавшаяся всю жизнь Шмитта его полемика против международно-правового наказания агрессивной войны; см.: *Schmitt C.* Die Wendung zum diskriminierenden Kriegsbegriff. Berlin: Duncker & Humblot, 1988 (1938).

дена в жизнь такая юридизация, которая выходит за рамки боязливых попыток международно-правового ограждения государственного суверенитета (по крайней мере, *in bello**)[59]. Процесс цивилизирования, который продолжается в этих тенденциях, ускорившихся после окончания «холодной войны», можно описать с двух взаимодополнительных точек зрения: укрощение межгосударственного насилия непосредственно направлено на умиротворение (Pazifizierung) государств; однако опосредованно, то есть посредством обуздания анархической конкуренции силы и содействия кооперации между государствами — это умиротворение в то же время способствует построению новых наднациональных возможностей действия. Ибо только вместе с такими новыми транснациональными органами управления можно укротить раскрепощенное в транснациональном измерении *общественное* естественное насилие, то есть беспрепятственно проникающее через национальные границы системное принуждение (сегодня, в первую очередь, со стороны глобального банковского сектора)[60].

Конечно, эволюция права до сих пор протекала не мирно и не линейно. Поскольку мы — как в свое время Кант в связи с последствиями Французской революции[61] — вообще собираемся говорить о достижениях в одном лишь этом измерении, «прогресс в сфере законности (Legalität)» всегда был побочным последствием классовых боев, империалистических завоеваний и колониальных ужасов, мировых войн и

---

[59] *Koskenniemi M.* The Gentle Civilizer of Nations. The Rise and Fall of International Law 1870–1960. Cambridge: Cambridge UP, 2001.

[60] *Held D., McGrew A.* Governing Globalization. Power Authority, and Global Governance. Cambridge: Polity Press, 2002.

[61] В «Споре факультетов» Кант, имея в виду это событие, говорит о «происшествии нашего времени, которое доказывает эту моральную тенденцию рода человеческого». Правда, это «всего лишь образ мысли зрителей, который в этой игре больших преобразований» «публично выдает» предрасположенность к прогрессу в морали (*Kant I.* Werkausgabe in zwölf Bänden, Herausgegeben von Wilhelm Weischedel. Bd. XI. Schriften zur Anthropologie, Geschichtsphilosophie, Politik und Pädagogik I. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1968. S. 265–393, 357).

преступлений против человечности, постколониальных разрушений и выкорчевывания культуры. Но в этом измерении конституционных изменений на наших глазах намечаются примечательные инновации. Две из этих инноваций объясняют, как возможна транснационализация народного суверенитета в форме демократического союза национальных государств. Во-первых, национальные государства подчиняются наднационально устанавливаемому праву; во-вторых, вся совокупность граждан союза разделяет учреждающую конституцию (verfassungsgebende) власть с ограниченным числом «учреждающих ее государств», которые получают от своих народов мандат на сотрудничество в деле основания наднациональной общности (Gemeinwesens).

Если мы рассмотрим развитие Европейского союза с этих точек зрения, то путь к политически дееспособному и демократически легитимированному ядру Европы [(Kern-) Europa] отнюдь не закрыт. Ведь Лиссабонский договор означает, что уже пройдена бóльшая часть пути (II). Цивилизирующая роль европейского объединения еще сильнее проявляется в свете непрерывно развивающегося космополитизма. В последней части я опираюсь на те тенденции международного права, которые внедрялись вместе с международно-правовым запретом насилия, а также с основанием ООН и его политикой в области прав человека. Я хочу попытаться составить различные элементы пазла в конструктивно спроектированную картину глобального конституционного порядка (III).

II. Европейский союз перед выбором между транснациональной демократией и постдемократическим федерализмом исполнительной власти

Густая сеть наднациональных организаций уже давно вызывает опасение, что обеспечиваемая в национальном государстве взаимосвязь между основными правами и демократией может

быть нарушена, а демократические суверены — отчуждены исполнительной властью, обособившейся во всем мире[62]. В этом беспокойстве смешиваются два разных вопроса. По правомерному эмпирическому вопросу об экономической динамике мирового общества, которая за несколько десятилетий усугубила давно существующий дефицит демократии, я не могу занять определенную позицию из-за требуемой здесь краткости[63]. На примере Европейского союза я, однако, хотел бы разобраться с другим тезисом, на который в первую очередь опирается политическое пораженчество европоскептиков (Europaskeptiker), а именно с утверждением, будто транснационализация народного суверенитета невозможна без снижения уровня легитимации.

Для этой цели я должен прорвать мыслительную блокаду, которая вместе с внушением о понятийной зависимости народного суверенитета от государственного суверенитета не дает смотреть вперед (1). Транснационализацию народного суверенитета я хотел бы проанализировать затем с помощью трех переменных компонентов, которые бывают полностью обеспечены только на национальном уровне. Эти три компонента суть, во-первых, создание демократической общности (demokratische Vergemeinschaftung) свободных и равных юридических лиц, во-вторых, организация возможности коллективных действий и, наконец, интеграционная среда граж-

---

[62] См. критические работы: *Maus I.* Menschenrechte als Ermächtigungsnormen internationaler Politik oder: der zerstörte Zusammenhang von Menschenrechten und Demokratie // Brunkhorst H., Köhler W.R., Lutz-Bachmann M. (Hg.). Recht auf Menschenrechte. Menschenrechte, Demokratie und internationale Politik. Frankfurt a. M., 1999. S. 276–292; *dies.* Verfassung oder Vertrag. Zur Verrechtlichung globaler Politik // Niesen P., Herborth B. (Hg.). Anarchie der kommunikativen Freiheit, Jürgen Habermas und die Theorie der internationalen Politik. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2007. S. 350–382.

[63] *Zürn M. / Ecker-Eckhardt M.* (Hg.). Die Politisierung der Weltpolitik (в печати); см. также: *Held D. / McGrew A.* (Ed.). The Global Transformations Reader. An Introduction to the Globalization Debate. Cambridge: Polity Press, 2000. [Рус. пер.: *Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж.* Глобальные трансформации / Пер. с англ. В.В. Сапова, Б.Л. Рубанова, Л.В. Саповой, М.В. Соколовой, Л.В. Ясной. М., 2004.]

данской солидарности среди иностранцев (Fremden). На европейском уровне эти составные части выступают в новой конфигурации. Здесь две примечательные инновации состоят в том, что государства — члены Европейского союза, сохраняющие свою монополию на власть, подчиняются наднациональному праву, хотя и с интересной оговоркой (2), и в определенном смысле разделяют свой «суверенитет» со всеми гражданами Союза (3). Такая реконфигурация составных частей демократической общности (Gemeinwesen) в форме «обезгосударствленной» федерации вовсе не означает утрату легитимации, потому что граждане Европы имеют хорошие основания для того, чтобы их соответствующее собственное национальное государство в роли государства — члена Союза и *в дальнейшем* играло *конституционную роль* гаранта права и свободы. Разумеется, тогда «разделение суверенитета» между гражданами Европейского союза и народами Европы должно в самом деле отражаться и в последовательно совместно проведенном законодательстве, и в симметричной ответственности Европейской комиссии перед Советом Европы и Европейским парламентом (4). В конце я возвращаюсь к теме границ солидарности граждан государств; эти границы отчетливо выступают в сегодняшнем кризисе (5).

1. Против содействия созреванию народного суверенитета

Мы должны знать, что́ мы будем понимать под демократией, прежде чем сумеем добиться ясности относительно возможного разъединения демократического способа правления и национального государства. Демократическое самоопределение означает, что адресаты императивно действующих законов в то же время являются их авторами. В условиях демократии граждане подчиняются единственно тем законам, которые они для себя создали с применением демократической процедуры[64].

[64] О демократической процедуре и вообще о делиберативном понимании демократической политики см. мои статьи: «Drei normative Modelle

Легитимирующая сила этой процедуры объясняется, с одной стороны (пусть сколь угодно опосредованной), инклюзией всех граждан в процессы принятия политических решений, а с другой — сочетанием решений большинства (в необходимых случаях — квалифицированного) с делиберативным формированием общественного мнения. Такая демократия преобразует применение коммуникативных свобод гражданами государства в столь же многочисленные продуктивные силы для легитимного, то есть сразу и обобщающего интересы, и эффективного, *самовоздействия политически организованного гражданского общества*. Кооперативное воздействие граждан на условия их общественной жизни требует соответствующего пространства для действий государства в плане политического формирования условий жизни.

Поэтому между народным суверенитетом и суверенитетом государственным существует понятийная взаимосвязь. В связи с политически неуправляемым ростом сложности мирового общества, который систематически все больше ограничивает пространство действий для национальных государств, возникает требование расширять возможности политического действия за пределы национальных границ, исходя из нормативного смысла самой демократии. Правда, государства с помощью международных организаций пытались отчасти восполнить проявившуюся между тем утрату своей способности решать проблемы[65], но совершенно независимо от проблематичной асимметрии власти в составе большинства международных договорных режимов, государства-участники, если

---

der Demokratie» (1996) и «Hat die Demokratie noch eine epistemische Dimension? Empirische Forschung und normative Theorie» (2008) // *Habermas J.* Philosophische Texte. Bd. 4. Politische Theorie. A. a. O. S. 70–86; S. 87–139. [Рус. пер.: *Хабермас Ю.* Имеет ли демократия еще и эпистемическое измерение? Эмпирическое исследование и нормативная теория // Хабермас Ю. Ах, Европа / Пер. с нем. Б.М. Скуратова. М.: Весь Мир, 2012. С. 111–155.]

[65] Об этом см.: *Zürn M.* Die Rückkehr der Demokratiefrage. Perspektiven demokratischen Regierens und die Rolle der Politikwissenschaft // Blätter für deutsche und internationale Politik. 6/2011. S. 63–74.

они имеют демократическую конституцию, платят за управление на межправительственной основе снижением уровня легитимации. Даже то обстоятельство, что правительства, посылающие своих представителей в международные организации, являются демократически избранными, не может компенсировать этот ущерб[66]. Поэтому рост власти международных организаций фактически выхолащивает демократический процесс в национальных государствах по мере того, как национально-государственные функции переводятся на уровень транснационального управления.

Если же не хотят согласиться с тем, что растущую зависимость национальных государств от системного принуждения мирового общества, в котором усиливается взаимозависимость, необходимо признать неминуемой, то возникает политическая необходимость расширить демократическую процедуру за пределы национального государства. Эта необходимость проистекает из логики самовлияния демократического гражданского общества на предпосылки его существования: «Если система тем демократичнее, чем больше она дает своим гражданам возможность самим управлять в делах, которые для них важны, то во многих случаях большая система была бы демократичнее, чем малая, так как ее способность справляться с определенными задачами — такими, как национальная оборона или охрана окружающей среды — была бы выше»[67]. Правда, тем самым еще не устраняется сомнение насчет того, возможна ли вообще транснационализация народного суверенитета[68]. Конечно, императивы, вытекающие при измененных обстоятельствах из логики самой демократии, могут потерпеть крах при столкновении с реальностью. Ко-

---

[66] Об основаниях этого см.: *Möllers Ch.* Die drei Gewalten. Legitimation der Gewaltengliederung in Verfassungsstaat, Europäischer Integration und Internationalisierung. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2008. S. 158 ff.

[67] *Dahl Robert A.* Federalism and the Democratic Process // Pennock J. Roland / Chapman J.W. (Ed.). Nomos XXV: Liberal Democracy. N.Y.: N.Y. UP, 1983. P. 95–108, P. 105.

[68] *Groβ T.* Postnationale Demokratie — gibt es ein Menschenrecht auf transnationale Selbstbestimmung? // Rechtswissenschaft. 2/2011. S. 125–153.

нечно, упорнейший скепсис в отношении *демократической* юридизации политического господства, выходящего за национальные границы, подпитывается коллективистским недоразумением, которое смешивает друг с другом народный и государственный суверенитеты. Это недоразумение, выступающее в коммунитаристском и либеральном, в консервативном и националистическом вариантах, объясняется чрезмерным обобщением случайной исторической констелляции и приводит к непониманию искусственного и поэтому текучего характера сконструированного в Европе XIX века осознания национальной идентичности[69].

Граждане, которые участвуют в демократических выборах и дают право некоторым действовать для всех, разумеется, участвуют в некой *совместной* практике. Но это превращает решения, принятые демократическим путем, в решения коллектива лишь в *дистрибутивно всеобщем* смысле. Ведь эти решения происходят из многообразия индивидуальных позиций, которые вырабатываются и усваиваются по демократическим правилам. Только коллективистское толкование делает из результатов процесса плюралистического формирования мнения и волеизъявления выражение некоей суверенной, саму себя уполномочивающей на действие народной воли. И лишь на основе такой овеществляющей сингуляризации можно представить себе народный суверенитет как *оборотную сторону* суверенитета государственного. Тогда народный суверенитет предстает как зеркальное отражение суверенитета государства, который — в духе классического международного права — наделен *jus ad bellum** и поэтому пользуется неограниченной, то есть ограниченной только решениями конкурирующих субъектов международного права, свободой действий[70]. Исходя из такой перспективы, мысль

---

[69] *Schulze H.* Staat und Nation in der Europäischen Geschichte. München: C.H. Beck, 1994. S. 189.

[70] Если принять во внимание эмпирические предпосылки для фактической автономии действия международно признанного в своих границах — то есть никоим образом не действующего в свободном пространстве — государ-

о народном суверенитете находит осуществление во внешнем суверенитете государства: в его действиях граждане могут в определенной мере рассматривать себя как совместно действующих членов политического коллектива[71].

И действительно, республиканская свобода, всеобщая воинская повинность и национализм имеют одинаковые исторические истоки во Французской революции. Однако суггестивная сила мыслительной фигуры, которая основывает *сильную* взаимосвязь между демократическим самоопределением во внутренней жизни страны и государственным суверенитетом во внешнем измерении, не может обобщаться за пределами этого исторического контекста. Ведь гарантируемая классическим международным правом *свобода действий* суверенного государства — иного рода, нежели та *автономия, подчиняющаяся «законам свободы»* (Кант), которой могут пользоваться граждане в конституционном государстве. Если внешний суверенитет государства мыслится по модели самовольной свободы (Willkürfreiheit), то суверенитет народа выражается в демократически обобщающем законодательстве, гарантирующем всем гражданам одинаковые свободы. «Самовольная свобода» в понятийном отношении существенно отличается от «законной свободы». По этой причине ограничение национального суверенитета в пользу передачи суверенных прав наднациональным инстанциям ни в коей мере не должно достигаться ценой лишения демократических граждан самостоятельности. Этот трансферт — *если только он оставляет в не-*

ства, то понятна семантическая избыточность, которая всегда уже сопряжена с концептом суверенитета (коренящимся в абсолютизме) и по иронии судьбы — несмотря на глобальные взаимозависимости — по-прежнему с ним связана; об этом см. для нашего контекста: *Walker N.* (Ed.). Sovereignty in Transition. Oxford: Hart Publishing, 2003.

[71] Карл Шмитт (Verfassungslehre. Berlin: Duncker & Humblot, 1983 [1928]. § 17) перевернул эту взаимосвязь в заостренной интерпретации плебисцитарной демократии вождей: экзистенциальным способом граждане государства, совершая свое коллективное самоутверждение, прежде всего в войне, одобряют такую политическую конституцию, которая хотя и не гарантирует им демократическое сотрудничество, но все-таки обеспечивает занятие ими плебисцитарной позиции.

прикосновенности демократическую процедуру — продолжает как раз тот способ конституционализации государственной власти, которому граждане обязаны своими свободами уже в рамках национального государства.

В таком случае компетенции, отданные национальным государством наднациональным инстанциям или разделяемые с ними, должны быть не только вообще юридизированы в режиме международного договора, они должны быть юридизированы *демократическим* способом. В случае передачи суверенных прав возможности гражданской автономии не сужается лишь при том условии, если граждане одного из затронутых государств в сотрудничестве с гражданами других государств-участников будут участвовать в наднациональной юрисдикции *согласно демократической процедуре*[72]. Одно лишь территориальное расширение, то есть просто количественное увеличение основной совокупности участников изменяет сложность, но вовсе не обязательно качество процесса формирования общественного мнения и волеизъявления. Поэтому об ограничении народного суверенитета не может быть речи до тех пор, пока количественные изменения в социальном и пространственном измерении оставляют в неприкосновенности саму процедуру, то есть не причиняют ущерба делиберации и инклюзии[73].

---

[72] Этим «сильным» условием я исключаю все компромиссные предложения, снижающие требования по легитимации для наднациональных процессов принятия решений. Демократическую легитимацию нельзя заменять одним из ее моментов (вроде ответственности, делиберативного оправдания, прозрачности или правового государства); об этой дискуссии см. доклады Юргена Нойера, Эрика Оддвара Эриксена, а также Франка Нульмайера и Тани Прицлафф в: *Forst Rainer / Schmal-Bruns Rainer* (Hg.). Political Legitimacy and Democracy in Transnational Perspective // Arena Report. Nr. 2/11. Oslo, 2011.

[73] Даже такой скептик, как Уильям Э. Шойерман [Scheuerman William E.], не придает принципиального значения в этом отношении мнимым преимуществам малого пространства; об этом см. его статью «Der Respublikanismus der Aufklärung im Zeitalter der Globalisierung» // Eberl O. (Hg.). Transnationalisierung der Volkssouveränität. A. a. O. S. 251–270. Там сказано: «Малое пространство — не историческая данность, которая непо-

Поэтому возникшую между тем международную сеть можно демократизировать лишь в том случае, если компоненты, известные из национально-государственных демократий, окажется возможным без ущерба для легитимации составить иным способом, нежели в национальном государстве. В этом отношении поучительно испытание, которому теперь приходится подвергаться Европейскому союзу. А именно: испытывается воля и способность граждан, политических элит и массмедиа совершить следующий шаг к интеграции, по крайней мере в зоне евро, — и тем самым продвинуть вперед на один шаг цивилизованность осуществления политического господства.

2. Первая инновация: приоритет наднационального права над национальным правом монополистов власти

Европейский союз сможет стабилизироваться на долгий срок лишь при том условии, если под давлением экономических императивов предпримет срочные шаги для координации важных сфер политики, но не в обычном до сих пор губернативно-бюрократическом стиле, а на пути к достаточной демократической юридизации. Правда, мы будем путаться при следующих конституционно-политических шагах, пока движемся в понятийном диапазоне между союзом государств и союзным государством или удовлетворяемся тем, что *неопределенным образом* отрицаем эту альтернативу. Прежде чем мы сможем распознать, чего еще пока не хватает европейским решениям для легитимации, нам придется воздать

средственно постигаемым образом детерминирует приемлемые размеры территории государства, но при этом речь идет об исторически изменчивой ситуации, которая подчиняется актуальному "уплотнению пространства и времени"» (S. 265). С другой стороны, мы не вправе недооценивать опасность систематического искажения, которому подвергается коммуникативный круговорот в гетерогенной политической публичности, охватывающей большое пространство — в особенности при условии (почти) полностью приватизированных медиа, как в США.

должное демократическому качеству формы, которую Европейский союз уже принял с заключением Лиссабонского договора[74].

Для осуществления этой цели я различаю три модуля[75], которые должны так или иначе найти свое воплощение во всякой демократической общности (Gemeinwesen):

— объединение в сообщество (Vergemeinschaftung) юридических лиц, которые на ограниченном пространстве сплачиваются в ассоциацию свободных и равных граждан, предоставляя себе обоюдные права, гарантирующие каждому равную личную и государственно-гражданскую автономию;

— распределение компетенций в рамках организации, которая административными средствами обеспечивает способность ассоциированных граждан к коллективному действию; и

— медиум, среду интеграции для солидарности граждан государства или надгосударственной гражданской солидарности союза, которая необходима для совместного политического формирования воли и тем самым для коммуникативного создания демократической власти и для легитимации осуществления господства[76].

---

[74] *Pernice I.* Verfassungsverbund //Franzius / Mayer / Neyer (Hg.). Strukturfragen der Europäischen Union. A. a. O. S. 102–109.

[75] *Brunkhorst H.* A Polity without a State? European Constitutionalism between Evolution and Revolution // Eriksen E.O., Fossum J.E., Menéndez A.J. (Hg.). Developing a Constitution for Europe. London: Routledge, 2004; *ders.* State and Constitution: A Reply to Scheuerman // Constellations. 15/2008. P. 493–501.

[76] Эти три компонента являются модулями политической системы действия. Они соотносятся с

— конституированием сообщества юридических лиц;

— уполномочиванием к коллективному действию и

— общим, разделяемым гражданами, горизонтом жизненного мира, где может коммуникативно формироваться коллективная воля.

Эта концептуализация, однако, не должна означать предубеждения в отношении политологического анализа, осуществляемого исключительно с позиции *теории действия*. Политическая публичность коммуницирует на принятом в обществе языке права, посредством государственной организации и всех остальных *функциональных систем* общества.

Рассмотренные с позиций правовой системы, два первых компонента обычно трактуются в области основного права и в организационной части той или иной конституции, тогда как третий компонент соотносится с «государствообразующим народом» как функциональное требование для демократического формирования воли, то есть, в первую очередь, с политико-культурными условиями для коммуникативных связей в сфере политической публичной жизни. Поскольку конституция соединяет между собой право и политику благодаря медиуму права, для дифференциации между юридическими и политологическими перспективами важно следующее различение. Только компонент объединения в сообщество имеет *непосредственно* правовой характер, так как гражданское общество конституируется, *складывается, только* в среде права; политическая общность, удовлетворяющая условиям демократической легитимации, может существовать лишь в форме ассоциации юридических товариществ (Rechtsgenossen), имеющей горизонтальное общинное измерение. Второй организационный компонент упорядочивает распоряжение политической властью — здесь юридически канализируются потоки административной власти (причем административная система находится в состоянии обмена с другими общественными функциональными системами); третий компонент, соотносящийся с политико-культурным фоном, функционально необходимым для формирования общественного мнения и волеизъявления, может лишь предполагаться правом и в лучшем случае ему могут способствовать политические меры.

Три эти компонента *конгруэнтно* соединяются между собой только на национальном уровне, будь то в форме унитарного или же союзного государства. В таком конституционном государстве государственная власть с помощью демократической процедуры и в грамматике всеобщих законов программируется так, чтобы граждане могли осуществлять свое господство над органами законодательной, исполнительной власти и судоговорения. Граждане демократической общности подчиняются праву не просто фактически, так как государство угрожа-

ет санкциями; они могут также признавать право как нечто принципиально «правильное», так как оно было установлено демократически. Такой способ демократической юридизации политического господства свидетельствует о *цивилизованности власти*, как, даже располагая казарменными средствами насилия, в качестве избранной народом исполнительной власти она должна соблюдать конституцию и закон. В этом «должна» выражается не фактически навязанное принуждение к определенному поведению, а освоенное политико-культурным путем, ставшее привычным нормативное долженствование. Каждый военный путч, известный в фасадных демократиях, каждый государственный переворот, опирающийся на экономически властные или социально влиятельные элиты, показывает, что этот тезис не сам собой разумеется.

Тем самым уже на национальном уровне цивилизирующий элемент состоит в подчинении произвола власти праву, легитимно установленному самими подвластными господству (и от их имени). Конечно, к смыслу действия позитивного права относится и то, что отклоняющееся поведение подвергается государственным санкциям. Но кто подвергнет санкциям монополиста власти, если тот отклонится от права? Уже в национальном государстве монополисты власти, добивающиеся соблюдения законов, подчинены демократическому праву. Но если здесь институты, устанавливающие право и проводящие его в жизнь, являются органами *одного и того же* государства, то в Европейском союзе законодательный процесс и осуществление права происходят на различных уровнях. На первый взгляд, в федеративных государствах дела обстоят аналогичным образом. Ведь и в многоуровневой системе Федеративной Республики Германии федеральное право имеет приоритет над правом земель, тогда как земельные правительства все-таки сохраняют в своем распоряжении полицию (хотя и не бундесвер). Точно так же существует безусловное различие между национальной и европейской многоуровневой системой.

Если в федерально устроенном национальном государстве компетенция, способная изменить конституцию, как правило,

остается за союзом, то в европейской многоуровневой системе стал привычным приоритет союзного права над правом государств — членов Союза, хотя союзные органы не располагают такой компетенцией[77]. Даже если государства — члены Европейского союза больше не могут безоговорочно считаться «хозяевами договоров», они должны единогласно соглашаться на проводимые в надлежащем порядке изменения договора. Таким образом, наднациональная общность (Gemeinwesen) складывается как правовое сообщество (Rechtsgemeinschaft) и сохраняет обязательность союзного права, даже без ее обеспечения посредством монополии на власть и полномочия на окончательное решение. Вследствие такой композиции «гири» в соотношении между государственной властью налагать санкции и правом сдвигаются. Европейский союз обязывает государства-члены как исполнительные органы осуществлять свои законодательные компетенции и компетенции юрисдикции, не распоряжаясь своим потенциалом санкционирования. А монополисты государственной власти позволяют взять себя на службу ради исполнения европейского права, которое должно претерпеть национальное «преобразование». Благодаря этой первой из двух инноваций, которые я рассматриваю как определяющие шаги на пути к правовой цивилизованности ядра государственной власти, конституция наднациональной общности отделяется от государственной организационной власти членов этой общности.

Но как следует понимать приоритет европейского права? Пионерскими здесь были решения Европейского суда, начиная с приговора по делу компании «Ван Генд и Лоос»*, вынесенного в 1963 году. С тех пор этот суд непрерывно подчеркивал, что конкретная готовность государств-членов к последствиям необходима для равноправного отношения к гражданам Европейского союза[78]. Эти решения делают выводы лишь из того обсто-

---

[77] *Calliess Ch.* Die neue Europäische Union nach dem Vertrag von Lissabon. Ein Überblick über die Reformen unter Berücksichtigung ihrer Implikation für das deutsche Recht. Tübingen: Mohr Siebeck, 2010. S. 84 f., 352 ff.

[78] *Franzius C.* Europäisches Verfassungsrechtdenken. Tübingen: Mohr Siebeck, 2010. S. 38 ff.

ятельства, что европейские договоры установили непосредственные правовые отношения между союзными органами и гражданами Союза, и тем самым создали некий автономный уровень права, не зависящий от права государств-членов. С другой стороны, отсутствие компетенции по изменению конституции (выражаясь языком XIX столетия, «компетенции компетенции») не может оставаться без последствий для способа концептуализации положения национального правового уровня по отношению к новому европейскому правовому уровню. Если Союз не располагает полномочием окончательного решения, то фактически действующее подчинение национального права союзному праву невозможно объяснить обычной иерархизацией федерального права и права земель или конституционного права и права секундарного*. Приоритет европейского права следует другой логике. Клаудио Франциус говорит о функционально обоснованном «приоритете применения»[79], а Армин фон Богданди — о «действенности» европейского права, которое «обязывает государства-члены реализовывать цель регулирования правовой нормы сообщества»[80].

Но как из автономии права сообщества можно обосновать «приоритет применения», если этот правовой уровень не может притязать на «приоритет по значимости» по сравнению с национальными правовыми положениями? Даже Федеральный конституционный суд в Карлсруэ в своих решениях по Маастрихтскому и Лиссабонскому договорам кичится тем, что признает лишь одно *ограничение* национальных конституций по сравнению с европейским законодательством. При всей обоснованности критики в адрес этих двух отнюдь не дружественных по отношению к Европе решений национальные суды вправе воспринимать себя при истолковании европейских договоров в качестве легитимных хранителей демократической субстанции правового государства в конституциях соответствующих стран — членов Европейского союза.

---

[79] Ebd. S. 42.

[80] *Bogdandy A. von.* Grundprinzipien // Bogdandy von / Bast (Hg.). Euro-päisches Verfassungsrecht. A. a. O. S. 13–71, 38.

Они не обладают компетенцией (в отличие от неверного мнения Конституционного суда Германии)[81] контролировать границы переноса национального суверенного права на европейский уровень, но имеют право (как явствует из ст. 4, абз. 2 Конституции Евросоюза) контролировать неприкосновенность тех принципов национальных конституций, которые являются конститутивными для демократического строения и строения как правового государства структуры соответствующего государства — члена Европейского союза. В конфликтах между судами обоих уровней[82] отражаются взаимодополнительная зависимость и переплетение национальных конституций и права сообщества (Gemeinschaftsrecht), воодушевившие Ингольфа Перниса на описание Европейского союза как «объединения конституций» («Verfassungsverbundes»)[83]. Для объяснения того обстоятельства, что государства — члены Союза, по-прежнему монополизирующие власть, подчиняются праву сообщества, которое — в противоположность им — не может притязать ни на какую компетенцию в делах изменения конституции, мы должны предвосхитить вторую из упомянутых конституционно-правовых инноваций. С точки зрения *рационально реконструированного* процесса создания конституции, подчиненность европейскому праву можно понять как последствие того факта, что два разных учреждающих субъекта сотрудничали между собой с общей целью создания наднациональной общности.

По поводу конституционализации международного права я, прежде всего, констатирую, что вместе с Европейским сою-

---

[81] *Schönberger Ch.* Lisbon in Karlsruhe: Maastricht's Epigones at Sea // German Law Journal. 10/2009. S. 1201–1218; *Halberstam D. / Möllers Ch.* The German Constitutional Court Says *«Ja zu Deutschland!»* // German Law Journal. 10/2009. S. 1241–1258.

[82] Конфликты, которые Конституционный суд Испании пытался решить с помощью понятий *primacia* [*букв.* первенство *(исп.)*] и *supremacia* [*букв.* верховенство *(исп.)*]; см.: *Franzius C.* Europäisches Verfassungsrechtsdenken. A. a. O. S. 47.

[83] *Pernice I.* Europäisches und nationales Verfassungsrecht // Veröffentlichungen der Vereinigung der Deutschen Staatsrechtslehrer. 60/2001. S. 149–193.

зом выкристаллизовывалась общность, которая — не совпадая с конгруэнтной ей государственной властью — обладает в отношении государств-членов авторитетом обязывающего законодательства. В начале европейского объединения цивилизующая сила этой инновации обнаружилась, прежде всего, в умиротворении истекавшего кровью континента; а между тем она манифестируется в борьбе за создание более высокой ступени возможностей политического действия. Таким способом народы континента с уменьшающимся политическим и хозяйственным весом отвоевывают себе известную политическую свободу действий у политических держав и системного принуждения глобализированного общества. Если это удастся, они смогут использовать эту свободу действий не только в защитных целях, для сохранения своего культурного биотопа*, но и в наступательных целях, для дальнейшего и еще более напряженного построения органов глобального управления. К этому я еще вернусь.

3. Вторая инновация: разделение учредительной власти между гражданами Европейского союза и европейскими народами

По мере того как конституционное сообщество европейских граждан отрывается от организационного ядра каждого государства-члена в отдельности[84], все компоненты выступают в новой констелляции. Если государства — члены Европейского союза сохраняют монополию на власть, а суверенные права — путем ограниченного единичного уполномочивания — переносят на Союз, то последний может опираться лишь на сравнительно слабые организационные компоненты. Европейская комиссия располагает (вопреки распространенному в народе мнению о «монстре Брюсселе»)[85] ограниченным правительст-

[84] Кристиан Каллиесс [Christian Calliess] говорит о «материальном понимании конституции, отделяющем понятие конституции от государства» (Die neue Europäische Union. A. a. O. S. 73).

[85] *Enzensberger H.M.* Sanftes Monster Brüssel oder Die Entmündigung Europas. Berlin: Suhrkamp, 2011.

венным аппаратом, который препоручает «преобразование» союзного права парламентам и администрациям государств — членов Европейского союза[86]. И так как сам Союз не имеет государственного характера, то и граждане Союза не обладают в строгом смысле статусом граждан *государства*. Однако существует ожидание, что благодаря растущему взаимному доверию европейских народов между гражданами Союза развивается транснационально расширенная, хотя и ослабленная форма гражданской солидарности.

Вместе с ожиданием, что одни и те же лица научатся проводить различие между ролью представителей того или иного «европейского народа» и ролью «гражданина союза», мы касаемся центрального вопроса о правильном конституционно-правовом понятии для этой непривычной федеративной общности. Для этого недостаточно негативной справки, что Европейский союз нельзя определить ни как союз государств, ни как союзное государство. Видное положение, которое Лиссабонский договор отводит Европейскому совету и Совету министров, отражает историческую роль стран-членов как инициаторов и движущих сил европейского объединения. В отличие от национальных конституций XVIII и XIX веков, конституция Европейского союза — дело политических элит. Если в свое время революционные граждане объединялись, чтобы свергнуть старые режимы, то на сей раз именно государства, то есть коллективные акторы, сплотились между собой с помощью инструмента международно-правового договора ради целей сотрудничества на ограниченном политическом поле. Однако, несмотря на эту активную роль государственных акторов, в ходе процесса объединения приоритеты в организационной структуре значительно сместились в пользу европейских граждан[87].

---

[86] О похвальной роли национальных парламентов как стражей субсидиарности [Subsidiaritat] см.: *Calliess Ch.* Die neue Europäische Union. A. a. O. S. 182 ff.

[87] Об этом см.: *Bast J.* Europäische Gesetzgebung: Fünf Stationen in der Verfassungsentwicklung der EU // Franzius / Mayer / Neyer (Hg.). Strukturfragen der Europäischen Union. A. a. O. S. 173–180.

Международное сообщество, основанное на договоре, преобразовано в политический союз с неопределенной длительностью существования. С помощью введения союзного гражданства, с помощью недвусмысленной апелляции к интересам общего европейского блага и посредством признания Союза как собственного юридического лица эти договоры стали фундаментом общности с политической конституцией. Правда, термин «конституционный договор», по сравнению с демократической конституцией федеративного национального государства, мог бы сигнализировать о том, что Европейский союз стремится быть воспринятым в качестве *надгосударственной*, хотя и демократически конституированной (и соответственно легитимированной) общности. С федерациями додемократической эпохи, древними империями и союзами городов-государств Европейский союз роднит надгосударственный характер; но в отличие от классических союзов государств строение Союза должно недвусмысленно соответствовать демократическим принципам. Декламаторские в этом отношении статьи 9–12 Лиссабонского договора не раскрывают никаких пожеланий[88].

Чтобы прояснить конституционно-правовую структуру этой своеобразной формы, рекомендуется телеологически истолкованную историю ее возникновения реконструировать так, словно исторически более или менее случайный результат был интенционально получен в надлежащем порядке на созванном конституционном конвенте. Если мы будем искать эквивалент тому, чего в случае с Северной Америкой удалось достичь благодаря письмам, статьям и речам федералистов и антифедералистов[89] между сентябрем 1787 и августом 1788 года, то в Европе мы едва ли натолкнемся

---

[88] См. проницательную статью Арнима фон Багданди «Democratic Legitimacy of Public Authority Beyond the State — Lessons from the EU for International Organizations»; рабочий документ (апрель, 2011 г.), доступен онлайн под: <http: // ssrn.com / abstract = 1826326> (на сентябрь 2011 г.).

[89] *Baylin B.* The Debate on the Constitution: Federalist and Antifederalist Speeches, Articles, and Letters During the Struggle over Ratification. September 1787-August 1788. 2 Vols. N.Y.: Library of America, 1993.

на ангажированные публичные дебаты между образованными «профанами» и интеллектуалами[90]. В этой сфере на протяжении десятилетий господствовала дискуссия между высокоспециализированными экспертами, прежде всего юристами, но также и между политологами и социологами[91]. Как бы то ни было, справедливее было бы констатировать: «Much of the best scholarly imagination has flown into efforts how to unfold the European Union in a democratic way, and public opinion has participated in these efforts»*, [92].

Как в свое время в Северной Америке, так и у нас разгорелся спор между евроскептическими защитниками государств и федералистами по поводу переноса суверенных прав на союз. Но иначе, нежели в американских обществах иммигрантов в колониальных государствах (штатах), стремившихся к независимости, федералисты в Европе сталкиваются с языковым и культурным многообразием, прежде всего, с политическим своенравием *первого поколения* выросших и получивших опыт в войне национальных государств (которые на протяжении XX столетия отличаются друг от друга также и в отношении построения своих режимов государств всеобщего благосостояния). К тому же европейское объединение, в отличие от американского, не находится в начале экспериментирования с формами федерации в условиях системы государств эпохи модерна. Сегодня все федерации более или менее приспособились к национально-государственному формату; даже США, самое позднее со времени Второй мировой войны, превратились в федеративное государство. ООН к началу XXI века могла воспринимать себя как объе-

---

[90] О национальных контекстах сильно фрагментированной дискуссии среди европейских интеллектуалов см.: *Lacroix J.* / Nicolaïdes K. (Ed.). European Stories. Intellectual Debates on Europe in National Contexts. Oxford: Oxford UP, 2010.

[91] Хороший обзор дебатов о Европе в Великобритании, Франции и Германии дан в кн.: *Münch R.* Die Konstruktion der Europäischen Gesellschaft. Zur Dialektik von transnationaler Integration und nationaler Desintegration. Frankfurt a. M.: Campus, 2008. S. 186–340.

[92] Армин фон Богданди, устная формулировка.

динение 193 национальных государств[93]. Тем настоятельнее в отношении Европейского союза повторяется вопрос, с которым столкнулся Джеймс Мэдисон* еще в 1787 году: может ли сам союз государств с демократическими конституциями удовлетворять условиям демократической легитимации, однозначно не подчиняя национальный уровень федеральному?[94]

Мэдисон последовательно сопрягал вопрос о легитимации с вопросом о конституировании союза и отвечал на него так, что сообщество штатов-основателей может принимать решения о совместных действиях только единогласно, тогда как сама конституция должна так ограничить и уравновесить компетенции между двумя политическими уровнями, что возможные конфликты между конституционными органами могли быть решены прагматически, без однозначного приоритетного урегулирования. Вместе с отказом от нормативного ответа на вопрос, кому будет принадлежать последнее слово, он также оставил открытым, кто именно мог подразумеваться под субъектом в первой фразе текста конституции: «We the People of the United States», — совокупность граждан союза или народов отдельных штатов. Согласно воззрениям Мэдисона, балансировка весов в конфликтных случаях должна быть предоставлена политике. Авторы, разделяющие сегодня эти представления[95], обретают из них хорошие аргументы против сужения дискуссии о Европе к известной из истории немецкой конституции альтернативе между союзом государств и союзным государством[96]. Обычная в этой связи

---

[93] Ведь даже Карл Шмитт (Verfassungslehre. A. a. O. S. 375) видит в союзном государстве «решение автономий союза».

[94] *Baylin B.* The Debate on the Constitution. A. a. O. Vol. 2. January to August 1788. P. 26–32.

[95] *Schütze R.* On «Federal» Ground: The European Union as an (Inter)national Phenomenon // Common Market Law Review. 46/2009. P. 1069–1105.

[96] *Oeter S.* Föderalismus und Demokratie // A. a. O.; см. также критику союзно-государственных предпосылок федерального Конституционного суда в Карлсруэ, которую Кристоф Шёнбергер проводит в статье «Lisbon in Karlsruhe: Maastricht's Epigones at Sea» (a. a. O.).

отсылка к «Учению о конституции союза» Карла Шмитта уводит, однако, от вопроса относительно демократической легитимации союза[97], поскольку Шмитт затемняет нормативный вопрос о носителе конституирующей власти «народа». В отличие от Мэдисона, Шмитт подразумевал додемократические формы федерации и ограничивался процессами принятия политических решений в рамках конституированного союза.

На интересующий нас вопрос о легитимации удовлетворительный ответ отыскивается лишь тогда, когда мы правильно идентифицируем учредительные (verfassungsgebenden) власти. После того как статья 1, абз. 2 заключенного в 1991 году Маастрихтского договора дала стартовый выстрел для «все более тесного союза *народов* Европы», статья 1, абз. 1 договора о конституции Европы соотносилась уже с двумя субъектами: как с «гражданками и гражданами», так и с «государствами» Европы[98]. Даже если конституция Конвента 2004 года потерпела крах, действующий Лиссабонский договор позволяет сделать вывод о суверенитете, «разделяемом» между гражданами и государством[99], уже потому, что Парламент при изменениях договора о конституции (пусть даже ограниченным образом) вовлечен в процедуру и в «упорядоченной законодательной процедуре» противостоит Совету как равноправный орган.

Правда, с точки зрения теории демократии, этот новый элемент разделения учредительного субъекта на «граждан» и «государства» требует важного квалифицирования[100]. Граждане участвуют в конституировании политической общности

---

[97] *Schönberger Ch.* Die Europäische Union als Bund // Archiv des öffentlichen Rechts. 129/2004. S. 81–120.

[98] «Направляемая волей гражданок и граждан и государств Европы совместно устраивать их будущее, эта конституция основывает Европейский союз, которому государства-члены передают полномочия по осуществлению их общих целей».

[99] *Calliess Ch.* Die neue Europäische Union nach dem Vertrag von Lissabon. A. a. O. S. 71.

[100] Я благодарен Петеру Низену за это важное указание.

более высокого уровня двояким образом: в роли будущих граждан союза и как представители народа того или иного государства. Поэтому и конституция Европейского союза — вопреки тому обстоятельству, что одна из двух несущих его колонн состоит *непосредственно* из коллективов, — подобно всем правопорядкам эпохи модерна, сохраняет строго индивидуалистический характер: *в конечном счете* она базируется на субъективных правах граждан. Поэтому будет последовательнее в качестве другого учредительного субъекта конституции признавать не сами государства-члены, а их народы: «Пока используется принцип демократии, договоры ведут речь, с одной стороны, от имени народов государств-членов, а с другой — от имени граждан Союза»[101].

Соглашаясь с Энни Питерс, Клаудио Франциус также выступает за признание *pouvoir constituant mixte**, [102]. Если мы, таким образом, посчитаем граждан-индивидов единственной основой для легитимации, нам необходимо избежать ошибочной установки стрелки. Вопрос не в том, распознаем ли мы в этих учредительных субъектах «изначально», как считал Джеймс Мэдисон, граждан государств-основателей, которые *только* в процессе учреждения конституции *уполномочивают* себя стать гражданами союза[103]; или же мы *непосредственно*

---

[101] *Bogdandy A. von*. Grundprinzipien. A. a. O. S. 64. В этой связи интересна отсылка к Канту; об этом см. комментарий Оливера Эберла и Петера Низена к произведению Канта «К вечному миру» (Berlin: Suhrkamp, 2011. S. 166): «Правда, Кант говорит о свободе народов, а не государств [...]. Это указывает на то, что у Канта речь идет [...] о государственно-правовой свободе народов, а не о международно-правовой свободе государств».

[102] Клаудио Франциус пишет об этом: «Движущей силой процесса конституционализации служат граждане — как государств, так и Союза» (Europäisches Verfassungsrechtsdenken. A. a. O. S. 57).

[103] В этом смысле Ингольф Пернис представляет мнение, согласно которому суверенные права Европейского союза «изначально были перенесены от граждан государств-членов» («Verfassungsverbund». A. a. O. S. 106). Отсюда он делает вывод, что «гражданство Союза [является] общим политическим статусом, соотнесенным и с Союзом, и с его легитимацией, предоставленным себе гражданками и гражданами государств-членов как гражданами государства, посредством конституции Европейского союза» (Ebd. S. 108).

встречаем в них будущих граждан союза. Эта неудачная альтернатива опять создала бы предубеждение касательно наделения полномочиями окончательного решения. Более последовательный путь для решения проблемы, которым и измеряется демократический характер обезгосударствленной федеративной общности, намечает Армин фон Богданди: «Теоретически убедительнее считать единственными субъектами легитимации только индивидов, *которые являются (одновременно) гражданами и государства, и союза*»[104].

В нашем сценарии *одни и те же* личности участвуют в учредительном процессе одновременно в ролях (будущих) граждан как Союза, так и одного из его государств-членов. При осуществлении «личной унии» этих двух ролей уже самим учредительным субъектам должно быть ясно, что на двух путях легитимации, проходящих через Парламент и Совет, они будут принимать на себя в качестве граждан соответственно разные перспективы законности — гражданина Европы и представителя определенной нации государства. То, что в рамках национального государства считается ориентацией на общее благо, на европейском уровне превращается в партикулярное обобщение интересов, ограниченное собственным народом, что может вступить в конфликт с обобщением интересов всей Европы, ожидаемым в роли граждан Союза. Поэтому оба ролевых аспекта учредительных субъектов в рамках конституированной общности обретают институциональное значение: на европейском уровне гражданин должен быть в состоянии одновременно и равновесно формировать свое суждение и принимать политическое решение и в качестве гражданина Союза, и в качестве представителя народа определенного государства. Каждая гражданка участвует в европейских процессах формирования общественного мнения и волеизъявления и как *отдельная* европейка, автономно высказывающая «да» и «нет», и как *представительница* определенной нации.

---

[104] *Bogdandy A. von.* Grundprinzipien. A. a. O. S. 64. (Скобки добавлены мною. — *Ю.Х.*)

4. Разделенный суверенитет как критерий требований к легитимации Союза

Выражение «разделенный суверенитет» понимается неправильно. Суверенитет народа, то есть «власть», которая «исходит от народа», с самого начала разветвляется и рассеивается внутри каждой общности с демократической конституцией в коммуникативных потоках законодательства, исполнительной власти и судоговорения. Однако в нашей связи речь идет о другом разделении суверенитета. Разделение конституирующей власти делит суверенитет *у первоистока (Ursprung) общности, которую надлежит конституировать*, а не только *у истока (Quelle) конституированной общности*. Ведь оно объясняет, почему Европейский союз разделяет с союзными государствами характер многоуровневой системы, но не может восприниматься как своего рода *несовершенная* федеративная республика. Национальное государство, даже если оно внутри выстроено федерально, конституируется только совокупностью национальных граждан[105]. Наоборот, ретроспективно основание Европейского союза можно воспринимать так, что участвовавшие граждане (или их представители) с самого начала расщепляются на две *personae*; затем в учредительном процессе каждая персона в качестве европейского гражданина до известной степени относится к самой себе как к гражданину уже конституированного народа своего государства.

---

[105] Даже если в США еще в 1995 г. существовали судьи Верховного суда, которые желали понимать субъект, названный в ст. 1, абз. 1 Конституции США «We the People» (несмотря на единственное число), в смысле совокупности «народов» штатов-членов, а не народа союза, то это поразительное обстоятельство хотя и говорит об упорном сохранении старых лояльностей, но не против понятийной необходимости различения между уровнем, на котором конституируется политическая общность, и — при известных условиях — конституированными *в ней* уровнями; об этом случае см.: *Schönberger Ch.* Die Europäische Union als Bund. A. a. O. S. 81 ff.

В союзных государствах разделение компетенций, в общем, также восходит к ограниченному конкретным случаем уполномочиванию союзных органов. Но до тех пор, пока граждане национального государства одни выступают в качестве учредительного субъекта всего государства, они не только устанавливают приоритет союзного права, но и сохраняют компетенцию по изменению конституции либо за собой (через национальные референдумы), либо передают ее законодательным союзным органам[106]. Мыслительная фигура «изначально разделенного» народного суверенитета исключает, что такая «компетенция компетенции» может существовать на европейском уровне. Хотя учредительные субъекты в их роли представителей (будущих) государств-членов готовы передать часть суверенных прав своих уже конституированных государств новой общности, однако они делают это только с оговоркой, которая выходит далеко за рамки в других случаях обычной гарантии частично государственной организации федеративной общности. Скорее, европейские народы своим участием в учредительном процессе обеспечивают то, что их соответствующее собственное государство в рамках федеративной общности сохраняет *свою гарантирующую свободу функцию* демократического правового государства.

С конституционно-политической точки зрения, согласно которой союз *не может снижать* уже достигнутый в составляющих его государствах уровень укрощения и цивилизованности государственной власти, становится понятной и оговорка национальных конституционных судов по отношению к приоритету применения европейского права: осуществленная на национальном уровне мера гражданских свобод, гарантированных государствами, должна служить стандартом, которому обязано удовлетворять европейское право,

---

[106] Это касается и Швейцарской союзной конституции 1999 года (ст. 192–194), хотя (согласно преамбуле и ст. 1, абз. 1) Швейцарская Конфедерация основана одновременно «швейцарским народом и кантонами». В остальном органы союза пользуются прерогативами (ст. 184–186), характеризующими компетенцию компетенции союзного государства.

прежде чем его можно будет перенести на национальный уровень. Только так и становится вообще понятным относительно сильное положение государств — членов Союза, которое четко выражается не только в резервировании монополии на власть и в (пока что еще сверхпропорциональном) вмешательстве в европейское законодательство. Интересны два других отклонения от модели союзного государства.

Если американская конституция в статье V делает *amendments** зависимыми от согласия законодательных органов квалифицированного *большинства* штатов[107], то изменение европейских договоров (согласно проводимой в надлежащем порядке процедуре изменения, определенной в статье 48 Конституции Европейского союза) требует *единогласия* среди государств-членов. Подобное же образцовое выражение *отчасти* сохраненный суверенитет государств-членов находит в гарантии права на выход (согласно ст. 50 Конституции Европейского союза); хотя Союз был основан на неопределенное время, каждому государству-члену предоставляется право *вернуть* себе ту меру суверенитета, какой он пользовался до вступления в Союз. Правда, модальности, которые должны учитываться вплоть до осуществления желания выйти из Союза, показывают, что в основе «права на выход лежит не компетенция компетенции юридически не обязывающей самовольной свободы»[108]; ибо то изначальное «разделение суверенитета», на которое пускается каждое государство-член при вступлении в Союз, несовместимо с оговоркой насчет собственных суверенных решений.

Правда, возникает вопрос, не обнаруживается ли все-таки в этих отклонениях от известного образца легитимации некий дефицит — по меркам *демократической* юридизации правле-

---

[107] В отношении вводящего в заблуждение сравнения развития европейской конституции с развитием американской можно констатировать, что конституция США этим определением (в отличие от европейских договоров) устанавливает стрелки на развитие, в ходе которого Соединенные Штаты приняли формат федеративного государства.

[108] *Franzius.* Europäisches Verfassungsrechtsdenken. A. a. O. S. 134; см. также: *Schönberger.* Die Europäische Union als Bund. A. a. O. S. 103.

ния «по ту сторону» национального государства. По моему мнению, эти отклонения не должны означать ущербности легитимации, если оба учредителя субъекта, то есть граждане Союза и европейские народы, однажды последовательно выступят во всех функциях законодательства как равноправные партнеры. Разделение суверенитета как таковое может, как было сказано, оправдывать себя тем, что граждане Союза имеют веские основания придерживаться на европейском уровне равноправной роли своих государств. Национальные государства, как демократические правовые государства, являются не только акторами на долгом историческом пути к цивилизованности властного ядра политического господства, но и *непреходящими* достижениями и живыми обличиями «существующей справедливости» (Гегель). Поэтому граждане Союза могут иметь обоснованный интерес к тому, чтобы соответствующее собственное национальное государство и в роли государства — члена Союза продолжало и *дальше* играть роль *гаранта права и свободы*. Национальные государства — это больше, чем только достойные сохранения воплощения национальных культур; они — *залог* такого уровня справедливости и свободы, какой граждане по праву хотят видеть сохраненным.

На этом месте мысль не должна соскальзывать в коммунитарную колею. Интерес к сохранению жизненных форм, образующих *культуру*, жизненных форм, в которых граждане распознают часть своей собственной коллективной идентичности — конечно, *тоже* релевантное конституционно-правовое основание. Однако если бы здесь заключался решающий интерес граждан в сохранении своих национальных государств, то он бы мог удовлетворяться в рамках Европы, имеющей конституцию федеративного государства, благодаря учету принципа субсидиарности, вспомогательности. В рамках союзного государства автономия нижестоящих государств или земель признаётся ради защиты их исторически сформированного *социокультурного и землячески-регионального своеобразия* — а не потому, что эти автономные единства еще могли бы понадобиться как *гаранты равной свободы*

граждан[109]. Однако как раз ради этой гарантии выхода представители европейских народов стремились *всего лишь разделять* конституирующую власть с гражданами Союза, вместо того чтобы — в роли граждан Союза — *уступать* эту власть тем, кому и в других случаях выпадала исключительная компетенция по изменению конституции.

Разделенный суверенитет дает критерий для требований относительно легитимации обезгосударствленной наднациональной общности. Однако таким способом можно не только оправдать отклонения от модели союзного государства, но и идентифицировать дефицит демократии в действующих договорах Европейского союза. Конечно, транснационализация выборов в Европейский парламент в первую очередь требует соответствующего единого избирательного права, а кроме того, известной европеизации существующей партийной системы[110]. Но на институциональном уровне прежде всего необходимо установить равноправие, которое мы реконструктивно приписываем европейским народам и гражданам Союза как учредительным субъектам в распределении функций и законодательных компетенций. На всех политических полях между Советом и Парламентом должно быть установлено равновесие компетенций. Непоследовательным также является своеобразное «подвешенное» положение Комиссии, за которой сохраняются существенные права на инициативу. Вместо этого Комиссия — отклоняясь от модели союзного правительства — должна была бы симметричным образом зависеть от Парламента и Совета и нести ответственность перед обоими институтами. Совершен-

---

[109] Разумеется, это политический вопрос и — с исторической точки зрения — всегда случайный результат социальных и политических боев; для соответствующих релевантных в плане идентичности систем отношений всегда используются соответствующие конституционно-правовые дефиниции; см.: *Möllers Ch.* Demokratische Ebenengliederung // Appel I., Hermes G., Schönberger Chr. (Hg.). Öffentliches Recht im offenen Staat. Festschrift für Rainer Wahl. Berlin: Duncker & Humblot, 2011. S. 759–778.

[110] Об этом см. исследование, подготовленное для Фонда Генриха Бёлля: *Franzius C., Preuβ U.K.* Solidarität und Selbstbehauptung. Die Zukunft der EU im 21 Jahrhundert. (Неопубликованная рукопись, 2011 г.)

но выпадает из рамок Европейский совет, который Лиссабонский договор, перечисляя органы, называет на втором месте после Парламента[111]. В качестве местопребывания межправительственной власти главы правительства он образует — еще до Совета министров — подлинный противоположный полюс к Парламенту, в то время как его положение по отношению к Комиссии, которая должна понимать себя как защитницу интересов сообщества, остается неясным.

Европейский совет — это руководящий орган, который формулирует директивы политики, но не обладает ни законодательным правом, ни правом давать указания по отношению к Комиссии. Кроме того, существует своеобразное противоречие между политической властью, сконцентрированной в Европейском совете, и недостающей юридической эффективностью его постановлений. Правда, он может, воспользовавшись своей компетенцией, провести институциональные обновления по упрощенной процедуре изменения договоров. Наделенный сильной легитимацией избранного главы правительства, Европейский совет располагает значительной внеконституционной властью — хотя его постановления должны приниматься консенсусом: «Как руководящий политический орган, он в чем-то подобен королю, если иметь в виду ранний конституционализм XIX века»[112]. Лиссабонский договор должен был укрепить дееспособность Европейского союза включением Европейского совета в институциональную структуру; фактически он расплачивается за это дорогой ценой — недостаточной легитимностью далеко идущих постановлений. Начиная с финансового кризиса 2008 года, это проявляется в имеющих серьезные последствия решениях о гарантиях государствам, обремененным долгами, и о новых способах внедоговорного согласования бюджетных планов в кругу 17 правительств валютного сообщества.

---

[111] *Calliess.* Die neue Europäische Union nach dem Vertrag von Lissabon // A. a. O. S. 118–128.

[112] *Franzius.* Europäisches Verfassungsrechtsdenken. A. a. O. S. 58; аналогично этому: *Bogdandy A. von.* Grundprinzipien. A. a. O. S. 44.

5. О колебаниях политических элит на пороге транснациональной демократии

Это наблюдение напоминает о сложных *отношениях между конституционной нормой и конституционной действительностью*. Эмпирически действующие политические науки, которые констатируют более или менее серьезные отклонения фактического круговорота власти от нормативно установленного образца, зачастую производят разоблачающее впечатление. Но представления о надстройке неуместны. Ведь так не бывает, чтобы политические практики были просто зависимой переменной в поле общественных интересов, неформальных соотношений сил и системно-функциональных необходимостей. Эти практики, скорее, руководствуются своенравным политическим кодексом, который пересекается со структурой правовых норм. Это объясняет, почему инновативные конституционные нормы, которые на наднациональном уровне связывают право и политику, во многих случаях оказывают конструктивно опережающее, задающее импульс воздействие, подвигая процессы обучения и адаптации. Поэтому мы, стремясь понять демократическую юридизацию такой наднациональной общности, как Европейский союз, в качестве следующего шага на пути к цивилизованности государственной власти, занимаем конструктивистскую позицию[113].

Та же самая перспектива рекомендуется и при социологическом анализе притязательных политико-культурных условий, которые должны выполняться при формировании транснационального волеизъявления граждан Союза[114]. До сих пор мы рассматривали лишь два из трех компонентов демократической конституции, которые на европейском уровне

---

[113] О социал-конструктивизме в международной политике см.: *Zangl B., Zürn M.* Frieden und Krieg. Sicherheit in der nationalen und postnationalen Konstellation. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2003. S. 118–148.

[114] Интересную перспективу исследования разрабатывает Рихард Мюнх [Münch Richard] (Die Konstruktion der Europäischen Gesellschaft // A. a. O. S. 68 ff.).

выступают в новой констелляции. Но как только конституционное сообщество начинает распространяться за пределы организационного ядра отдельного государства, к этим компонентам должна в известной степени добавляться третья составная часть — солидарность граждан, готовых выступить друг за друга. Совокупность граждан союза может эффективно делиться суверенитетом с народами государств — членов союза, по-прежнему монополизирующих власть, лишь при том условии, если и национальная солидарность граждан изменяет форму. Согласно нашему сценарию, расширенная, хотя и более абстрактная, то есть способная к сравнительно меньшим нагрузкам гражданская солидарность, должна включать представителей любого другого европейского народа — к примеру, с немецкой точки зрения, греков, если у них будут проводиться эти в интернациональном измерении вынужденные и социально не взвешенные программы режима экономии. Лишь тогда граждане Союза, избирающие и контролирующие страсбургский парламент, будут в состоянии участвовать в совместном, выходящем за национальные границы демократическом формировании волеизъявления[115].

Конечно, расширение сетей коммуникации и горизонтов восприятия, либерализацию ценностных ориентаций и установок, растущую готовность к инклюзии чужаков, усиление инициатив гражданского общества и соответствующую трансформацию сильных идентичностей можно, в лучшем случае, стимулировать юридически-административными средствами. Однако существует циклическая, либо взаимно усиливающая, либо взаимно тормозящая интеракция между политическими процессами и конституционными нормами, с одной стороны, и сетью разделяемых политико-культурных установок и убеждений — с другой. Именно

---

[115] *Habermas J.* Ist die Herausbildung einer europäischen Identität nötig, und ist sie möglich? // ders. Der gespaltene Westen. Frankfurt a. M., 2004. S. 68–82. [Рус. пер.: *Хабермас Ю.* Нужно ли формировать европейскую идентичность и возможна ли она? // Хабермас Ю. Расколотый Запад. М.: Весь Мир, 2008. С. 62–77.]

в этом смысле я понимаю Кристофа Мёллерса, который наблюдает «ко-эволюцию субъекта демократической легитимации и демократически-эгалитарного институционального устройства»; это, по его мнению, делает возможным «наделить уровни по ту сторону демократического государства дальнейшими полномочиями к действию»[116]. Для конституционно-правового определения границ политической общности и частей ее населения, для определения ступеней в политической многоуровневой системе не существует никаких «данностей»; формируются лояльности и изменяются традиции. И нации, подобно всем другим сравнимым референтам, тоже не являются природными фактами, хотя в нормальном случае это также и не просто фикции (что имеет место среди многих колониальных государственных образований).

В политической жизни гражданина налагаются друг на друга многие лояльности, которые обладают совершенно разным индивидуальным весом — среди них также и политически релевантная связь с регионом происхождения, с городом или провинцией, где он проживает, со страной или нацией и т.д. Весомость этих лояльностей актуализируется только в случаях конфликтов, их бывает необходимо взвешивать в сравнении друг с другом; мерой идентификации с той или иной соотносимой социальной величиной служит в том числе и готовность приносить жертвы на основе долгосрочной взаимности. С отменой воинской повинности, к счастью, отпало испытание войной, то есть *абсолютное* требование жертвовать собственной жизнью на благо нации. Но длинная тень национализма все еще ложится на современность. Наднациональное расширение государственно-гражданской солидарности зависит от процессов обучения (Lernprozessen), которые — как позволяет надеяться сегодняшний кризис — могли бы стимулироваться восприятием хозяйственных и политических необходимостей.

Между тем, хитрость экономического разума, по крайней мере, пустила в ход коммуникацию, выходящую за пределы

---

[116] *Möllers*. Demokratische Ebenengliederung. A. a. O. S. 775 ff.

отдельных стран. Ведь европейские институты уже давно спроектировали виртуальное пространство для имеющих право голоса, снабженных бордовым паспортом граждан Союза, и это пространство должны наполнить жизнью соответствующие расширенные коммуникативные связи гражданского общества. Но эти связи могут сгуститься только в ходе взаимного *раскрытия* национальной общественности стран *друг для друга*. Для транснационализации существующих национальных публичных сфер нам потребовались бы не другие медиа, а другая практика наличных основных медиа. Они должны не только показывать и рассматривать европейские темы как таковые, но и то же время сообщать о таких политических позициях и разногласиях, которые эти же темы вызывают в других государствах-членах. Поскольку Европейский союз до сих пор в существенной степени руководим и монополизирован политическими элитами, возникла опасная асимметрия — асимметрия между демократическим участием *народов* в том, что их правительства на весьма отдаленной, с их точки зрения, брюссельской сцене «вытаскивают» для самих себя, и равнодушием, даже безучастностью *граждан Союза* по отношению к решениям их парламента в Страсбурге.

Однако это наблюдение не годится для субстанциализации «народов». Разве что правовой популизм создает карикатуры больших национальных субъектов, которые наглухо закрываются друг от друга и блокируют переходящее через границы формирование демократического волеизъявления. Спустя 50 лет после начала трудовой иммиграции народы европейских государств из-за их растущего этнического, языкового и религиозного многообразия больше невозможно вообразить как культурно гомогенные единства[117]. Кроме того, Интернет и массовый туризм сделали национальные границы пористыми. В государствах, обладающих большой терри-

---

[117] *Eder K.* Europäische Öffentlichkeit und multiple Identitäten — das Ende des Volksbegriffs? // Franzius C., Preuβ U.K. (Hg.). Europäische Öffentlichkeit. Baden-Baden: Nomos, 2004. S. 61–80.

торией, текучий горизонт разделяемого, несмотря на большие пространства и сложные условия, жизненного мира *все еще* должен был создаваться с помощью массмедиа и заполняться абстрактным круговоротом идей благодаря коммуникативным взаимосвязям гражданского общества. В общеевропейском масштабе это может происходить лишь в рамках смутно разделяемой политической культуры. Но чем больше до сознания населения отдельных стран доходит — и доносится с помощью медиа, — насколько глубоко решения Европейского союза проникают в повседневность этих стран, тем больше растет интерес к тому, чтобы воспользоваться демократическими правами в качестве еще и граждан Союза.

Фактор воспринятой весомости общеевропейских решений стал ощутимым благодаря кризису евро. Кризис вынуждает Европейский совет неохотно принимать решения, которые отягощают национальные бюджеты явно неравномерным образом. С 8 мая 2009 года Европейский совет переступил важный порог, приняв постановления о пакетах спасения и возможной реструктуризации долгов, а также декларации о намерениях относительно гармонизации государственных бюджетов во всех важных для конкуренции областях хозяйственной, налоговой, социальной политики, политики в сфере рынка труда и в сфере образования. По ту сторону этого порога возникают новые проблемы справедливого распределения; вместе с переходом от «негативной» интеграции к «позитивной» приоритеты сдвигаются от легитимации «на выходе» к легитимации «на входе» — для граждан активное влияние на характер и содержание политики и законов становится тем важнее, чем больше растет недовольство результатами деятельности государства[118]. Стало быть, логика этого развития требовала бы, чтобы граждане государства, которые *должны* предпринять перераспределение долгового бремени невзирая на национальные границы, в своей роли граждан Союза *желали* оказывать демократическое влияние

[118] *Scharpf F.W.* Regieren in Europa: Effektiv und demokratisch? Frankfurt a. M.: Campus, 1999.

на то, что́ выторговывают или о чем сговариваются главы их правительств в «серой» правовой зоне. Вместо этого мы наблюдаем со стороны правительств затяжное «ощупывание», а со стороны населений — популистски подстрекаемое отклонение европейского проекта в целом. Это саморазрушительное поведение объясняется непосредственно тем фактом, что политические элиты и медиа медлят заинтересовать население совместными политическим будущим.

Под давлением финансовых рынков утвердилось признание того, что при введении евро отнеслись недостаточно внимательно к существенной экономической предпосылке конституционного проекта. Европейский союз сможет держаться перед лицом финансовой спекуляции — таков единодушный анализ, — только если у него будут компетенции политического управления, необходимые для того, чтобы по меньшей мере в ядре Европы, то есть среди членов Европейского валютного сообщества, позаботиться в среднесрочной перспективе о конвергенции хозяйственного и социального развития в странах-членах[119]. Собственно говоря, всем участникам ясно, что такая степень «усиленного сотрудничества» в рамках существующих договоров невозможна. Последствие совместного «управления хозяйством», к которому склоняется теперь и федеральное правительство Германии, означало бы, что центральное требование конкурентоспособности всех государств — членов Европейского союза распространялось бы далеко за пределы финансовой и хозяйственной политики на все национальные бюджеты и тем самым проникло бы в самые глубины национальных парламентов. Поэтому запоздавшая реформа — чтобы явно не нарушать существующее право — возможна только на пути переноса и дальнейших компетенций от стран-членов на Союз.

---

[119] О правовых возможностях европейской внутренней дифференциации см.: *Thym D.* Variable Geometrie in der Europäischen Union: Kontrollierte Binnendifferenzierung und Schutz von unionsexterner Gefährdung // Kadelbach S. (Hg.). 60 Jahre Integration in Europa. Variable Geometrien und politische Verflechtung jenseits der EU. Baden-Baden: Nomos, 2011. S. 117–135.

Этот взгляд между тем достиг ведущих политических медиа: «Кризис обнажил слабости Лиссабонского договора: с этим договором ЕС не вооружен против вызовов, которые он встречает, как экономический и валютный союз»[120]. Барьеры, препятствующие изменению договора, высоки. А решение преодолеть их могло бы потребовать от политических элит решительных изменений в поведении: если бы они захотели склонить население своих стран к идее солидарной Европы, им пришлось бы распрощаться с привычной комбинацией из общественной работы и управляемых экспертами приращений и перестроиться на рискованную, прежде всего инспирированную борьбу в широких кругах общественности. И парадоксальным образом они должны были бы в интересах европейского общего блага стремиться к тому, что не согласуется с интересами удержания их собственной власти. Ибо в долгосрочной перспективе возможности для национальных действий сужались бы, а появление национальных влиятельных фигур утрачивало значение[121]. Ангела Меркель и Никола Саркози заключили 22 июля 2011 года смутный и, конечно, нуждающийся в истолковании компромисс между германским хозяйственным либерализмом и французским этатизмом, выражающий совершенно иное намерение. Все признаки указывают на то, что оба хотели бы выстроить заложенный в Лиссабонском договоре исполнительный федерализм как — противоречащее духу договора — межправительственное господство Европейского совета. На этом пути центрального управления через Европейский совет они могли бы передавать императивы рынков национальным бюджетам. При этом непрозрачно принятые и юридически аморфные соглашения должны были бы проводиться в жизнь с по-

---

[120] *Winter M.* Reform der Reform // Süddeutsche Zeitung (18. August 2011). S. 4; см. также энергичную речь за пересмотр договора: *Hoffmann C.* Klub der Illusionisten. Ohne gemeinsame Finanzpolitik ist die Krise in Europa nicht zu lösen // Süddeutsche Zeitung (3./4. September 2011). S. 23.

[121] О запоздалой политизации см.: *Wilde P. de., Zürn M.* Somewhere along the Line: Can the Politicization of European Integration Be Reversed? (Неопубликованная рукопись, 2011 г.)

мощью угроз санкциями и давления на лишенные власти национальные парламенты. Главы правительств таким способом превратили бы Европейский проект в его противоположность. Из первой демократически юридизированноей наднациональной общности получилось бы соглашение для осуществления постдемократически-бюрократического господства.

Альтернатива состоит в последовательном продолжении демократической юридизации Европейского союза. Общеевропейская гражданская солидарность не может сформироваться, если между государствами — членами Союза, то есть в местах предвидимых национальных «изломов», структурно закрепляется социальное неравенство. Союз должен гарантировать то, что Основной закон Федеративной Республики Германия (в ст. 6, абз. 2) называет «единообразием условий жизни». Это «единообразие» относится только к диапазону вариаций уровней *социальной* жизни, который приемлем с точки зрения распределительной справедливости, но не к выравниванию *культурных* различий. Политическая сплоченность, имеющая социальную «подкладку», необходима скорее для того, чтобы можно было вообще защитить от нивелировки национальное разнообразие и несравненное культурное богатство биотопа «Старая Европа» в условиях бурно прогрессирующей глобализации.

III. От международного сообщества к космополитическому

Повествование о цивилизирующей силе демократической юридизации, переходящей национальные границы, обретает свой пыл из-за парализующей констелляции мировой политики, которая сегодня отражается прежде всего в том, что финансовые рынки переросли пределы досягаемости даже наиболее могущественных национальных государств. В сегодняшнем кризисе эти последние, по-видимому, больше не оставляют привлекательного выбора государственным гарантам общест-

венного благосостояния[122]. В этой ситуации попытка европейских государств посредством создания наднационального сообщества вернуть себе часть способности к политическому самоуправлению выходит за рамки простого самоутверждения. Поэтому нарратив, предложенный мною для европейского единения, находит продолжение в мыслях о мировом сообществе с политической конституцией. На европейском уровне — как мы уже видели — выявились две путеводные инновации: во-первых, подчинение монополизирующих власть государств — членов Европейского союза союзному праву и, во-вторых, разделение суверенитета между учредительными субъектами: гражданами и народами государств. Следы первого из отмеченных двух элементов запечатлелись как в глобальном влиянии императивного международного права, так и внутри институциональных рамок ООН. Второй элемент мог бы взять у предложений по конституированию всемирного парламента часть их мимолетного характера.

Однако мы не вправе стирать различия между двумя взаимодополнительными ветвями наднациональной эволюции права, происходившей с 1945 года. Наднациональная общность Европейского союза разделяет с «традиционными» государствами партикуляризм, с помощью которого политические единства отграничиваются друг от друга в социальном пространстве. Напротив, космополитическое объединение граждан мира — как и уже имеющееся интернациональное сообщество государств — допускало бы только внутреннюю перспективу. Эта смена перспективы от классического международного права к политической конституции мирового общества — уже не чисто мысленная конструкция. К такой смене перспективы сегодняшнее сознание вынуждает сама общественная реаль-

---

[122] В статье «Следующая ступень кризиса» Йенс Бекерт и Вольфганг Штреек обсуждают ожидаемые издержки четырех стратегий, которые еще предлагаются для преодоления кризиса с государственными долгами: (1) уменьшение бюджетных расходов, (2) повышение налогов, (3) установка на обслуживание долгов и переговоры с кредиторами о долговом наследии, (4) политика, касающаяся инфляции (*Beckert J., Streeck W.* Die nächste Stufe der Krise // Frankfurter Allgemeine Zeitung [20. August 2011]. S. 29).

ность. В той мере, в какой функциональные системы воспринимаемого в стадии становления мирового общества пересекают национальные границы, возникают чрезвычайно большие расходы прежде невиданного порядка — и тем самым потребность в регулировании, которое превосходит существующие способности к политическому действию. Это касается не только неуравновешенности экономической части системы и беспрепятственно ускоряющейся после финансового кризиса 2008 года спекуляции. Аналогичная потребность в глобальном регулировании возникла также из-за экологической несбалансированности и рисков, связанных с высокими технологиями. С такими проблемными ситуациями мирового общества сегодня сталкиваются не отдельные государства или коалиции государств, а политика как таковая.

Политика оказывается перед проблемными положениями общественного характера уже не только в институциональных рамках национальных государств или — поскольку эти проблемы пересекают границы государств — как предметами межправительственного урегулирования. Спустя два-три десятилетия после того, как политически намеренная глобализация обрела неслыханную креативную и разрушительную мощь — предметом дискуссии сделалось соотношение между политикой и обществом как таковое. На повестке дня мировой политики, в первую очередь, господствуют уже не межгосударственные конфликты, а новая тема: речь идет о вопросе, можно ли настолько овладеть международными конфликтными потенциалами, чтобы из — до сих пор невероятного — сотрудничества мировых держав могли развиться действенные в глобальном масштабе нормы и процедуры и, соответственно, широкомасштабные возможности политического действия? Повторяется ли по линии конституционализации международного права тот ритм развития, с которым мы познакомились по линии европейского объединения — от умиротворения воинственных государств до институционализированного сотрудничества прирученных государств? В дальнейшем я буду рассматривать, прежде всего, основные функции ООН — обеспечение мира и политику прав человека (1),

чтобы в заключение поразмышлять, как могло бы выглядеть соглашение по решению самых неотложных проблем мировой внутренней политики (2).

Сегодня Организация Объединенных *Наций* образует *наднациональную* организацию, состоящую из 193 государств. В промежутке между наднациональным и национальным развился *транснациональный уровень* с большим количеством международных организаций (например, такие важные специализированные организации ООН, как ВОЗ*, МОТ**, UNHCR***, ЮНЕСКО и т.д., такие крупные организации мировой экономики, как ВТО, МВФ и Всемирный банк, а также такие неформальные политические инструменты руководства, как периодические «встречи в верхах» глав государств G8 и G20)[123]. И если теперь мы будем исходить из того, что национально-государственные акторы, у которых по существу все еще концентрируются способности к политическому действию, не доросли до потребности в регулировании функционально дифференцированного мирового общества, то ясно вырисовывается недостающее, с одной стороны, для глобального, а с другой — для транснационального уровня[124].

ООН должна быть реорганизована как сообщество государств *и* граждан, имеющее политическую конституцию, и в то же время она должна быть ограничена центральными функциями обеспечения мира и глобального осуществления прав человека. Благодаря соответствующей реформе Совета Безопасности и судов она должна институционально восстановиться для эффективного и соразмерного восприятия этих двух задач. Еще сложнее восполнить еще один дезидерат, а именно, построить нормативно включенную в мировое сообщество систему переговоров для решения грядущих на-

---

[123] *Zürn M.* Global Governance as Multi-Level Governance // Enderlein H., Wälti S., Zürn M. (Hg.). Handbook on Multi-Level Governance. Cheltenham: Edward Elgar, 2010. P. 80–99.

[124] *Habermas J.* Konstitutionalisierung des Völkerrechts und die Legitimationsprobleme einer verfaβten Weltgesellschaft // Habermas J. Philosophische Texte. Bd. 4. Politische Theorie. A. a. O. 2008. S. 402–424.

сущных проблем глобальной внутренней политики (экология и изменение климата, глобальные риски, связанные с высокими технологиями, регулирование капитализма, приводимого в движение финансовыми рынками, прежде всего проблемы распределения, проявляющиеся в режимах торговли, труда, здравоохранения и коммуникаций высокостратифицированного мирового общества). Для такого института пока что недостает не только политической воли, но и акторов, способных к действиям в глобальном масштабе, которые на основе легитимного мандата и своей способности осуществлять крупномасштабные соглашения подошли бы на роль членов такого, имеющего репрезентативный состав (в предварительных формах вроде G20 едва ли распознаваемого) института.

Исторически беспримерное строение Европейского союза, которое я эскизно набросаю несколькими предметными рубриками, может «без швов» совпасть с контурами мирового общества с политической конституцией. Да, этот мировой политический порядок, в свою очередь, можно понимать как продолжение демократической юридизации субстанциального ядра государственной власти. *Ибо на глобальной ступени констелляция трех основных структурных единиц демократической общности (Gemeinwesen) может еще раз измениться*[125].

(1) Цель демократической конституции мирового общества требует — уже исходя из понятийных основ построения современного правопорядка из субъективных прав — конституирования сообщества *граждан мира*. Разработанная на при-

---

[125] Присоединяясь к унитарной концепции международного права Ганса Кельзена*, я исхожу из единства — конечно, самого по себе сложного — глобального правопорядка. В соответствии с этим, «суверенитет» означает передаваемую международным сообществом государству компетенцию, которую следует исполнять как обязанность: государство на своей территории гарантирует соблюдение прав человека. Так понятие суверенитета используется и в Декларации Генеральной ассамблеи ООН в связи с наступлением нового тысячелетия.

мере Европейского союза мысленная фигура *учредительного (verfassungsgebende) сотрудничества между гражданами и государствами* указывает путь, на котором существующее международное сообщество (Gemeinschaft) *государств* могло бы усовершенствовать сообщество граждан мира до *космополитического* сообщества[126]. Последнее могло бы конституироваться не как всемирная республика, но как надгосударственная ассоциация граждан и народов государств таким образом, чтобы государства-члены все-таки сохраняли бы в своем распоряжении — хотя и не право свободно распоряжаться ими — средства легитимного использования власти. Национальные государства, наряду с гражданами мира, образуют второй учредительный субъект мирового сообщества. Ибо космополитические граждане имеют или могли бы иметь полное основание для того, чтобы сохранить конститутивную роль своих государств на всех наднациональных уровнях. Поскольку граждане в этих исторических формах уже реализовали некую часть институционально затвердевшей политической справедливости, они могут обоснованно желать того, что их национальные государства в качестве коллективных сущностей продолжали оставаться на более высоких организационных ступенях.

Состав генеральной ассамблеи из представителей граждан и государств мог бы гарантировать, что конкурирующие точки зрения (перспективы) на справедливость, во-первых, со стороны граждан мира, а во-вторых, со стороны граждан государств, будут учтены и приведены к компромиссу. Эгалитарным доводам *граждан мира*, настаивающим на равноправии и равном распределении, сегодня противостоят сравнительно консервативные доводы *граждан государств*, которые гордятся сохранением своих уже реализованных в государствах свобод (и настроены против разрушения наглядных *об-*

[126] *Archibugi D, Held D.* (Ed.). Cosmopolitan Democracy. An Agenda for a New World Order. Cambridge: Polity Press, 1995; *Archibugi D.* The Global Commonwealth of Citizens. Toward Cosmopolitan Democracy. Princeton / Oxford: Princeton UP, 2008; *Brown G.W., Held D.* (Ed.). The Cosmopolitan Reader. Cambridge: Polity, 2010.

разцов участия социального государства в их жизни; ведь это не исключало бы — в случае надобности — частичного снижения уровня их собственного благосостояния). Конкуренция между двумя этими перспективами имеет свое обоснование в перепадах исторического развития, от которых мировая внутренняя политика не может попросту абстрагироваться, даже если их будут последовательно преодолевать. Всемирный парламент должен учитывать эту двойственную перспективу, прежде всего в своей роли правообразующего интерпретатора Хартии ООН.

Наряду со своими компетенциями в рамках организационной структуры ООН (прежде всего, при назначении и контроле Совета Безопасности и глобальных судов)[127] обновленная Генеральная ассамблея могла бы иметь задачу продолжать развивать Хартию ООН, пакты о правах человека и *обязательные* минимальные стандарты международного права, которые

— образуют законную основу для политики прав человека и обеспечения мира Советом Безопасности и глобального судоговорения;

— обязывают национальные государства при конкретизации основных прав их граждан, которые необходимо гарантировать; и

— на транснациональном уровне налагают нормативные ограничения на мощную конкуренцию сил при решениях, касающихся всемирной внутренней политики.

Организационное ядро, то есть второй компонент всемирной организации, могло бы уменьшиться и работать эффективнее, если бы Объединенные Нации сосредоточились на своем главном деле: на глобальной реализации запрета насилия и на правах человека. Всемирная организация могла бы иметь такое членение и строение, чтобы она могла выполнять ограни-

---

[127] *Bogdandy A. von, Venzke I.* In Whose Name? An Investigation of International Courts' Public Authority and Its Democratic Justification, доступно онлайн под: <http:// papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1593543> (по состоянию на сентябрь 2011 г.).

ченные, но первоначальные функции по сохранению порядка, а именно

— защитительное обеспечение мира между народами в смысле глобального, равномерного и эффективного осуществления запрета на насилие;

— конструктивное обеспечение внутреннего порядка в распадающихся государствах и

— контроль во всем мире за государственным осуществлением прав человека, а также активная защита населения от криминальных правительств, причем

— гуманитарные интервенции включают в себя обязательство долгосрочного построения способных к функционированию инфраструктур.

Если постановления ООН должны выполняться в форме легальных интервенций, то и гуманитарное международное право должно развиться дальше в связанное с правовым государством, приспособленное к военной необходимости *полицейское право*.

Поскольку само мировое сообщество не должно обретать государственного характера, оно принуждено к тому, чтобы государственные монополисты власти подчинялись — контролируемым судами — постановлениям Совета Безопасности. То, что государства (или региональные оборонительные союзы) ставят свой потенциал на службу всемирной организации, представляет собой выражение того сдвига в соотношении между властью государства налагать санкции и правом, который начался на уровне ООН и уже свершился в Европейском союзе. Вместе с переменой сознания государств-членов, которые начинают воспринимать себя уже не как суверенные державы, а в качестве солидарных *членов* международного сообщества, цивилизованность осуществления политического господства могла бы подняться на более высокую ступень.

Однако демократическая юридизация политики ООН требует и впредь невероятной обратной связи мирового парламента с формированием мнения и волеизъявления периодически призываемых к выборам граждан мира. А эмпирические причины говорят против ожиданий глобального расши-

рения пока еще разжиженной гражданской солидарности[128]. К примеру, внимание мировой общественности — несмотря на импульсы со стороны действующих в мировом масштабе неправительственных организаций — всегда лишь точечно направляется на то или иное крупное событие, структурно не стабилизируясь. Однако скепсис распространяется не только на ограниченную эффективность той фактически рождающейся мировой общественности, на которую возлагал свои космополитические надежды еще Кант. В этом месте дает знать о своем возвращении *и* коммунитаристское сомнение в отношении возможной транснационализации народного суверенитета, и, принимая во внимание глобальный уровнь, не совсем несправедливо. Ведь здесь взаимосвязи граждан мира через коммуникационные потоки мировой общественности *уже не укоренены в контексте общей политической культуры*. Транснациональное расширение гражданской солидарности, на которое мы еще можем рассчитывать в случае *территориально ограниченного* и сформированного благодаря общему историческому опыту союза граждан и государств, будет работать до известной степени вхолостую, если оно должно принять всемирный формат.

Учитывая интерсубъективно разделяемую политическую культуру, каждая политическая общность — сколь бы крупной и плюралистичной она ни была — может отличаться от своих окружающих миров. Поэтому демократические выборы являются результатом совместно практикуемого формирования общественного мнения и волеизъявления, которому обычно приписывается самоотсылка на «мы» некоторого партикулярного, *потому что ограниченного сообщества*. Выборы во всемирный парламент могли бы стать единственным

---

[128] *Nenz P., Steffek J.* Zivilgesellschaftliche Partizipation und die Demokratisierung internationalen Regierungs // Niesen P., Herborth B. Anarchie der kommunikativen Freiheit. A. a. O. S. 87–110. Более ободряющая картина возникает из вторичного анализа: *Zürn M.* Vier Modelle einer globalen Ordnung in kosmopolitischer Absicht // Politische Vierteljahresschrift. 1/2011. S. 78–118; здесь в особенности см.: S. 100 ff.

полностью инклюзивным процессом такого рода, при котором определенная разновидность тем должна была бы отсутствовать — темы *самоотграничения и самоутверждения*. В предвыборной политической борьбе перекрещиваются вопросы, касающиеся совместного этоса — например, уровня безопасности атомных электростанций или уровня требований, которому должна удовлетворять система образования, здравоохранения или транспорта, — всегда также с моментом самоутверждения. Ведь вся совокупность живущих сегодня поколений рассеянного по земному шару человечества очень дружно разделяет абстрактные интересы к основным, важным для выживания благам (например, к соблюдению экологических балансов и охране природных ресурсов, а также к недопущению радиоактивного заражения поверхности земли). Но граждане мира не образуют коллектива, который вследствие политического интереса к *самоутверждению* придерживался бы некоторой формирующей идентичность жизненной формы. Поэтому такие абстрактные интересы выживания могли бы обрести *политический характер*, если бы они утратили свою абстрактность и в контексте определенной жизненной формы вступили бы в конкуренцию с другими интересами других жизненных форм.

Но касается ли это также обоих интересов, за защиту которых несет ответственность космополитическое сообщество? Не иначе ли обстоит дело с интересом к недопущению войны и насилия и с осуществлением основных прав? Не идет ли при этом речь *a fortiori** об «общих» интересах, которые настолько «деполитизированы», что они «разделяются» населением земного шара помимо всех политико-культурных различий — а в случае их нарушения их судят исключительно с *моральной точки зрения*? С самого начала мы все хорошо знакомы с повседневными ситуациями, в которых мы — без всякой коннотации самоутверждения — чувствуем себя обязанными к солидарности с чужаками, с каждым, кто наделен человеческим обликом. Только этот моральный универсум всех ответственно действующих личностей, Кантово «царство целей», является совершенно инклюзивным: оно не исключа-

ет никого. Несправедливость, настигающая *любую* личность, оскорбление, наносимое *какой угодно* личности, задевает нашу моральную чувствительность, вызывает наше моральное возмущение или желание оказать помощь. Этими чувствами подпитываются моральные суждения, которые — если только взаимное принятие перспектив приводит к достаточно децентрированному восприятию конфликта и к равномерному учету всех конкретно затрагиваемых интересов — можно обосновать с разумных позиций.

С другой стороны, в отношении задач ООН мы говорим не просто о морали, но о праве и политике. Право должно всюду появляться там, где необходимо моральное разделение труда, так как индивидуальных суждений и мотиваций недостаточно[129]. Однако интересно, что как раз в политических областях, которыми должна ограничиваться ООН, то есть запрещением насилия и правами человека, применяются правовые нормы особого рода — а именно те, для обоснования которых *достаточно моральных оснований*. Независимо от их правовой формы, эти преимущественно субъективные права имеют исключительно моральное содержание, потому что права человека очерчивают как раз ту часть универсалистской морали, которую можно перевести в медиум принудительного права[130]. Так объясняется *скорее юридическая, чем политическая природа* решений, которые могут возникнуть в рамках ООН, реформированной согласно нашим представлениям. Всемирный парламент мог бы проводить дебаты о фоновых условиях глобальной справедливости, а Совет Безопасности — принимать богатые последствиями, но в значительной степени правосудные, контролируемые судами решения.

Ограниченность материями, имеющими юридическую и принципиально моральную природу, к счастью, имеет последствием дефляцию требований к легитимации Всемирной

---

[129] *Habermas J.* Faktizität und Geltung. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992. S. 135 ff.

[130] См. об этом мою статью «Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека» в этой книге (с. 13–39, 17).

организации. Ибо соответствующие принципы распределительной справедливости, как и негативные обязательства неисполнения подсудных преступлений против человечества и агрессивных войн, укоренены в моральном ядре всех великих мировых религий и сформированных ими культур. Эти интуитивно осознаваемые нормы позволяют каждому гражданину мира выносить морально информированное суждение о работе органов Всемирной организации, так как последние должны оправдывать свои решения соответствующими, разумеется, уточненными в ходе тонкой юридической работы, критериями. Принимая во внимание такого рода *сниженную потребность в легитимации,* не стоит ожидать от граждан мира коллективного формирования воли в собственно политическом смысле. Выборы во всемирный парламент могли бы выражать, по существу, только морально обоснованные «да» или «нет» относительно наднационального применения *предположительно разделяемых* моральных принципов и норм.

Подытоживая, можно тогда для глобального уровня, на котором будет действовать Всемирная организация, констатировать: цепочка легитимации могла бы, не прерываясь, протянуться от национальных государств через такие режимы регионального управления, как Европейский союз, до уровня всемирной организации, если бы мы могли предположить,

— что *международное* сообщество посредством основанной на выборах репрезентации *граждан мира* будет *расширено до космополитического* сообщества;

— что компетенции ООН *ограничатся* центральными, обеспечивающими порядок задачами морального содержания и будут носить сугубо правовой характер; и

— что глобальные, помимо прочего, цифровым способом создаваемые, выходящие за пределы пористых национальных публичных сфер коммуникативные взаимосвязи достаточны для того, чтобы предоставить всему населению возможность сформировать обоснованные суждения о сути морального содержания решений, принимаемых на уровне ООН.

(2) Однако описанная легитимационная линия относится только к *релевантным для безопасности* задачам Всемирной организации. Разгрузка ООН от в узком смысле политических вопросов, в особенности от вопросов мировой внутренней политики, *релевантных для распределения*, имеет и оборотную сторону[131]. В нашем проекте компромиссы, которые глобально дееспособные акторы должны выторговывать на *транснациональном уровне* (имеются в виду «прирожденные» и конструктивно — посредством наднациональных слияний — построенные, безупречно репрезентативные для мирового общества «мировые державы»), не подчиняются демократической юридизации в стиле Европейского союза до тех пор, пока соответствующая система переговоров базируется исключительно на договорах, заключенных с позиций международного права. Согласно классическому международному праву, правительства обладают по внешнеполитическим вопросам прерогативой для заключения международных договоров, способствующих демократическому сотрудничеству и легитимации в значительно меньшей степени, нежели контролируемая парламентами внутренняя политика[132]. Эта слабая, в лучшем случае косвенная легитимация, на первый взгляд, характеризует и мировую внутреннюю политику, которую необходимо транснационально выторговывать. Если же цепочка демократической легитимации в этом месте прервется, то предложенный проект не выполнит своего притязания на единство глобального, общего правопорядка, нивелирующего порог между международным и государственным правом.

В сравнении с полностью сформированным Европейским союзом легитимационная слабость возникает здесь оттого, что мировая внутренняя политика без прямого участия все-

---

[131] Я оставляю здесь без рассмотрения важную сферу международных организаций, которые координируют государственную активность в «технических», то есть в распределительно-политическом отношении несущественных вопросах.

[132] См.: *Möllers Chr.* Die drei Gewalten. S. 155 ff.

мирного парламента останется предоставленной переговорам между *global players** и не будет восприниматься — по аналогии с «обычной *законодательной процедурой*» — проводимой *одновременно государствами и гражданами мира, представленными в парламенте*. Однако в нашей модели транснациональные отношения между *global players*, которым должна быть вверена мировая внутренняя политика, ни в коей мере не остаются неприкосновенными по примеру традиционного международного права. Ведь суть предложенного проекта состоит в том, что политический процесс по ту сторону государств и межгосударственных союзов должен *разделяться* на *два различных политических поля* и *разветвляться в соответствующих легитимационных рядах*. В соответствии с этим, задачи глобальной политики безопасности и прав человека попадают в компетенцию Всемирной организации, устроенной так, что в ее политических сферах *grosso modo*** могла бы быть удовлетворена пониженная потребность в легитимации. Из этой иерархически построенной структуры компетенций выпадают релевантные для распределения задачи мировой внутренней политики; они разветвляются в транснациональной системе переговоров, решения которой были бы, правда, слабее легитимированы, но тем самым никоим образом не предоставлены *исключительно* игре международной динамики сил.

Ибо даже этот до известной степени прерванный по горизонтали политический процесс должен оставаться *вписанным в контекст мирового сообщества, имеющего конституцию*, и притом не только потому, что Всемирная организация должна контролировать в органе транснациональных переговоров фактический баланс сил — и должное представительство каждого государства. Важнее две другие причины. Во-первых, транснациональные переговоры проводились бы *теми же самыми* акторами, которые располагают на глобальном уровне своими вооруженными силами для совместно проводимой ими политики мира и политики прав человека и которые поэтому должны понимать себя в качестве членов космополитического сообщества. Во-вторых, тем скорее продвигались бы

поэтому транснациональные переговоры в коридоре тех минимальных стандартов, которые мировой парламент «на ходу» приспосабливает к предписанному правами человека уровню обязательной защищенности.

Правда, этих аргументов недостаточно, чтобы *полностью* закрыть пробел парламентской ответственности в цепочке демократической юридизации мировой внутренней политики будущего. Но сам этот пробел объясняется тем историческим фактом, что притязательное условие «одинакового уровня жизни» пока что невозможно выполнить по всему земному шару. Это обстоятельство следует оценивать политически, а не исключительно морально, коль скоро Всемирная организация включает в себя временно́е измерение, а мировая внутренняя политика обязана *к среднесрочному установлению* социально более справедливого мирового порядка. Всякая моральная чувствительность восстает против чудовищной несправедливости в высокостратифицированном мировом обществе, где сегодня даже элементарные жизненные блага и жизненные шансы распределены невыносимо неравно[133]. И все-таки сколь угодно далеко предвосхищающий проект мирового порядка, имеющий целью цивилизовать осуществление политического господства, должен учитывать, что историческая неравномерность регионального развития и соответствующие социально-экономические «перепады высот» между *multiple modernities** не могут быть устранены *сегодня-завтра*.

Сегодня мы наблюдаем экономический сдвиг приоритетов в мировой политике, который в разгар финансового кризиса 2008 года принудил к расширению клуба ведущих индустриальных стран до круглого стола G20. Вместе с этим давно назревшим шагом под устойчиво деструктивным давлением финансовых рынков должны наконец-то соединиться между собой усилия, направленные на построение институтов и на учреждение процедур, благодаря которым так или иначе неизбежные проблемы грядущей мировой внутренней политики

---

[133] *Held D., Kaya A.* (Ed.). Global Inequality. Patterns and Explanations. Cambridge: Polity Press, 2007.

обретут формат, с которыми можно работать. Нет недостатка в моральных стандартах, в свете которых мы можем судить сегодня о господствующих экономических и общественных структурах, а также конфронтировать с существующими институтами и привычными практиками с позиций требований большей «глобальной справедливости»[134]. Остающаяся без последствий философская дискуссия о справедливости обрела бы, однако, политическую релевантность, если бы она могла проводиться уже не только *in academia**, но и в рамках мирового парламента, который на основе своего состава из государств и граждан *принимал бы во внимание релевантный для справедливости фактор времени*. Как уже сегодня в Европейском союзе, в мировом сообществе тогда (пусть даже в других временны́х горизонтах) могли бы сблизиться между собой перспективы справедливости обоих учредительных субъектов — эгалитарные критерии граждан мира и консервативные, пока еще дифференцируемые по уровню развития государств-членов — в ходе политически желаемого фактического выравнивания жизненных условий.

---

[134] *Pogge T.* (Ed.). Global Justice. Oxford: Blackwell, 2001; *Sen Amartya*. Die Idee der Gerechtigkeit. Munchen: C.H. Beck, 2010.

Приложение: Европа Федеративной Республики

Интервью с Томасом Ассхойером (I) состоялось после краха «Lehman Brothers» и за несколько дней перед ожидаемым, сопровождавшимся большими надеждами избранием Барака Обамы Президентом Соединенных Штатов. В нем уже были затронуты мотивы, которые я теперь перенес в мое «Эссе к конституции Европы» и развил их. Когда разразился финансовый кризис, Ангела Меркель и Пеер Штайнбрюк* на решающей встрече в Париже оказали сопротивление требованию Никола Саркози и Жан-Клода Юнкера** о совместных европейских действиях стран ЕЭС. Здесь уже отчетливо обозначился образец реакции национального движения в одиночку.

Следующую статью из газеты «Die Zeit» (II) я написал как реакцию на историческое ночное заседание с 8 на 9 мая 2010 года, когда Ангелу Меркель, наконец-то, «достала» мощь финансовых рынков. Она недооценила соотношение между неизбежной помощью погрязшей в долгах Греции и оппортунистической оглядкой на внутриполитическую рутину (и без того проигранные выборы в ландтаг Северной Рейн-Вестфалии), и после долгих недель колебания ей пришлось, присмирев, подчиниться становящимся все более разорительными императивам рынка. Вот тогда я впервые осознал реальную возможность крушения европейского проекта.

Наконец, случайное совпадение по времени решения о «Пакте для Европы» в Брюсселе и поражения черно-желтого* земельного правительства в Баден-Вюртемберге послужило поводом для статьи на злобу дня, опубликованной в «Süddeutschen Zeitung» (III). В ней я сопоставил полулегальное господство Европейского совета за закрытыми дверями с демократическим успехом шумного и влиятельного социального движения. Ибо за зрелищным поворотом федерального правительства в атомной политике** не было воспринято тогда серьезное значение бесшумного поворота в европейской политике. Федеральное правительство распрощалось с хозяйственно-политической верой в безошибочное действие автоматических «механизмов» и ввело смену курса в направлении политизированной межправительственности действующего из-за кулис главы евро-клуба (Euro-Club).

I. После банкротства. Интервью

Die Zeit. Господин Хабермас, международная финансовая система теряет силы, грозит мировой экономический кризис. Что больше всего Вас беспокоит?

Юрген Хабермас. Что беспокоит меня больше всего, так это вопиющая социальная несправедливость, которая состоит в том, что социализированные издержки отказавшей системы сильнее всего задевают наиболее уязвимые социальные группы. Ведь реальные экономические последствия вполне предвидимого функционального расстройства финансовой системы еще раз заставили раскошелиться массы тех, кто и без того не принадлежал к числу выигравших в результате глобализации. И притом не как обладателей акций в их денежной стоимости, а в твердой валюте их повседневного существования. В глобальном масштабе эта карающая судьба также ударяет по экономически наиболее слабым странам. Это политический скандал. Однако показывать сейчас пальцем на козлов отпущения я считаю лицемерием. Даже спекулянты ведут себя последовательно в рамках законов, согласно общественно признанной логике максимализации прибыли. А вот политика выглядит смехотворно, если она занимается морализаторством вместо того, чтобы опираться на императивное право демократического законодательства. Она, а не капитализм, ответственна за ориентацию на общее благо.

Zeit. Вы только что читали лекции в Йельском университете. Что было для Вас наиболее впечатляющими картинами этого кризиса?

Хабермас. На экранах мелькала хопперовская* меланхолия бесконечных петель длинных рядов брошенных домиков во Флориде и других штатах — с надписью «Foreclosure»**

Интервью «После банкротства» («Nach dem Bankrott»), взятое Томасом Ассхойером у Юргена Хабермаса, опубликовано 6 ноября 2008 года в еженедельнике «Die Zeit» (S. 53).

в палисадниках. Затем — автобусы с любопытными покупателями из Европы и богачами из Латинской Америки, а затем — маклер, показывающий им в спальне разрушенные от ярости и отчаяния стенные шкафы. По возвращении меня удивило, как сильно возбужденное настроение в США отличается от равнодушного *business as usual** у нас. Там в высшей степени реальные экономические страхи дополнились горячей конечной фазой предвыборной борьбы, обещавшей очень значительные последствия. Кризис острее донес до сознания даже широких слоев избирателей положение с их личными интересами. Он вынудил людей принимать не обязательно более разумные, но более рациональные решения — во всяком случае, по сравнению с последними президентскими выборами, отличавшимися идеологически раздутыми страстями из-за 11 сентября. Этим случайным совпадением Америка будет обязана — как я осмеливаюсь предположить непосредственно перед выборами — первому президенту-афроамериканцу, а тем самым — и глубокому историческому перелому в истории своей политической культуры. Однако, кроме того, этот кризис и в Европе мог бы возвестить изменение политической погоды.

Zeit. Что Вы имеете в виду?

Хабермас. Такие смены приливов и отливов изменяют параметры публичной дискуссии; тем самым сдвигается спектр политических альтернатив, считающихся возможными. С Корейской войной завершился период New Deal**, с периодом правления Рейгана и Тэтчер и с ослаблением «холодной войны» — эпоха программ социального государства. А сегодня, с концом эры Буша и после того, как лопнули последние неолиберальные пузыри, закончились также программы Клинтона и «новых лейбористов»***. Что придет теперь на смену? Я надеюсь, что неолиберальную повестку дня уже не будут принимать за чистую монету, а отправят в отставку. Всю программу беспрепятственного подчинения жизненного мира императивам рынков следует подвергнуть испытанию.

Zeit. Для неолибералов государство — это лишь партнер на экономическом поле. Государство должно стать маленьким. Дискредитировано ли сейчас такое мышление?

Хабермас. Это зависит от протекания кризиса, от способности политических партий воспринимать его, от публично обсуждаемых тем. Ведь в ФРГ до сих пор царит своеобразный штиль. Такая повестка дня, которая предоставляет интересам инвесторов безоговорочное первенство, спокойно мирится с растущим социальным неравенством, возникновением прекариата*, детской нищетой, низкой заработной платой и т.д., которая своей манией приватизации выхолащивает основные функции государства, которая продает за бесценок делиберативные остатки политической публичности финансовым инвесторам, повышающим доходы с ценных бумаг, а культуру и образование делает зависимыми от интересов и капризов чувствительных к конъюнктуре спонсоров, — скомпрометировала себя.

Zeit. А теперь, во время финансового кризиса, заметны ли последствия мании приватизации?

Хабермас. В США обостряется кризис, возникший в результате уже теперь видимого материального и морального, социального и культурного ущерба от политики разгосударствления, проводимой администрацией во главе с Бушем. Приватизация службы обеспечения по старости и здравоохранения, общественного транспорта, энергоснабжения, службы исполнения наказаний, задач военной безопасности, обширных сфер школьного и университетского образования и передача культурной инфраструктуры городов и общин на откуп заинтересованности и великодушию частных учредителей: все это соотносится с таким проектом общества, который в своих рисках и последствиях плохо согласуется с эгалитарными принципами социального и демократического правового государства.

Zeit. Государственная бюрократия попросту не может хорошо хозяйствовать.

Хабермас. Однако существуют уязвимые сферы жизни, которые мы не можем подвергать рискам биржевой спекуляции; этому противоречит перевод обеспечения по старости на акции. В государстве с демократической конституцией существуют также такие публичные блага, как свободная от ис-

кажений политическая коммуникация, которая не должна быть скроена по мерке ожиданий дохода финансовых инвесторов. Информационные потребности граждан государства не могут удовлетворяться «готовой к потреблению» обрывочной культурой «бьющего по площадям» частного телевидения.

Zeit. Приходится ли нам — цитируя вызвавшую бурную дискуссию Вашу книгу — иметь дело с «кризисом легитимации» капитализма?

Хабермас. С 1989–1990 годов больше не было прорывов из универсума капитализма; речь может идти лишь о цивилизировании и укрощении капиталистической динамики изнутри. Уже в послевоенное время Советский Союз не являл собой альтернативы для массы западноевропейских левых. Поэтому в 1973 году я заговорил о проблемах легитимации «внутри» капитализма. И они вновь встают на повестку дня — более или менее неотложно в зависимости от национального контекста. Симптом здесь — требования об ограничении зарплаты менеджеров или об отмене *golden parachutes**, неимоверных отступных и бонусов.

Zeit. Это все-таки витринная политика. Ведь в следующем году — выборы.

Хабермас. Верно, это, конечно, символическая политика, и годится она для того, чтобы отвлечь внимание от несостоятельности политиков и их научно-экономических советников. Они-то давно понимали необходимость регулирования финансовых рынков. Я только что еще раз перечитал кристально ясную статью Гельмута Шмидта «Присматривайте за новыми крупными спекулянтами!» («Beaufsichtigt die neuen Großspekulanten!»), написанную в феврале 2007 года («Die Zeit». 6/2007). Все это знали. Но в Америке и Великобритании политические элиты — пока дела шли хорошо — считали разнузданную спекуляцию полезной. А на европейском континенте все склонились перед Вашингтонским консенсусом**. Здесь тоже сложилась широкая коалиция добровольцев, вербовать которых господину Рамсфелду не было необходимости.

Zeit. Вашингтонский консенсус — это знаменито-пресловутая экономическая концепция МВФ и Всемирного банка, появившаяся в 1990 году; с ее помощью сначала хотели реформировать Латинскую Америку, а затем половину мира. Ее главным девизом было: trickle down*. Позвольте богатым стать еще богаче, и тогда благосостояние просочится и к бедным.

Хабермас. Уже многие годы накапливаются эмпирические доказательства того, что этот прогноз неверен. Эффекты повышения благосостояния распределены по национальным государствам и в глобальном масштабе настолько асимметрично, что зоны бедности на наших глазах расширились.

Zeit. Займемся немного осмыслением прошлого: почему благосостояние распределено так неравномерно? Не притормозил ли конец коммунистической угрозы западный капитализм?

Хабермас. С капитализмом при господстве национальных государств и огороженным кейнсианской хозяйственной политикой, который в странах ОЭСР** привел к несравнимому с исторической точки зрения благосостоянию, было покончено уже раньше — после отказа от системы твердых валютных курсов и нефтяного шока***. Экономическое учение Чикагской школы обрело практическую силу уже при Рейгане и Тэтчер. Это лишь усугубилось при Клинтоне и «новых лейбористах» — а также в годы премьерства нашего недавнего героя Гордона Брауна. Конечно, распад Советского Союза вызвал на Западе роковой триумфализм. Чувство, что на твоей стороне — всемирно-историческая правота, оказывает соблазняющее воздействие. В данном случае экономико-политическое учение раздулось до мировоззрения, пронизывающего собой все сферы жизни.

Zeit. Неолиберализм — некая жизненная форма. Все граждане должны стать предпринимателями и покупателями...

Хабермас... и конкурентами. Более сильный, тот, кто побеждает на охотничьих тропах общества конкуренции, вправе приписать себе этот успех как личную заслугу. Беспредельно комично, как менеджеры-хозяйственники — и не

только они — попадаются на приманку «элитарной» болтовни на наших ток-шоу, со всей серьезностью позволяют чествовать себя в качестве образцов для подражания и ментально подминать под себя остальное общество. Как будто они уже не отличают функциональную элиту от обывательского представления об элите сословного общества! Скажите, пожалуйста, что должно быть образцовым в характере людей, занимающих руководящие позиции и делающих свою работу наполовину пристойно? Еще одним сигналом тревоги была доктрина Буша, сформулированная осенью 2002 года и подготовившая нашествие на Ирак. Социал-дарвинистский потенциал рыночного фундаментализма с тех пор развернулся не только в социальной, но и во внешней политике.

Zeit. Но ведь Буш был не одинок. На его стороне стояла удивительная толпа влиятельных интеллектуалов.

Хабермас. И многие ничему не научились. У таких забегающих вперед мыслителей, как Роберт Каган*, после иракской катастрофы мышление в волчьих категориях Карла Шмитта стало еще отчетливее. Регрессивный откат мировой политики к оснащенной ядерным оружием, готовой разразиться драке за власть он сегодня комментирует словами: «Мир снова сделался нормальным».

Zeit. Но еще раз вернемся назад. Что было упущено после 1989 года? Может, капитал просто стал слишком могущественным по сравнению с политикой?

Хабермас. Мне в ходе 90-х годов стало ясно, что способности к политическим действиям рынков на наднациональном уровне должны возрасти. Ведь так выглядели дела даже в самом начале девяностых. Джордж Буш-старший выступал с программными заявлениями о новом мировом порядке и, кажется, пытался принимать во внимание длительное время блокированную — и выставленную на посмешище! — ООН. Прежде всего, скачкообразно нарастало количество гуманитарных интервенций, постановления о которых принимал Совет Безопасности. За политически желанной экономической глобализацией должны были бы последовать охватывающая весь мир политическая координация и дальнейшая юри-

дизация международных отношений. Но первые амбивалентные шаги застопорились уже при Клинтоне. Сегодняшний кризис вновь доводит до сознания этот дефицит. С начала эпохи модерна рынок и политика непрерывно должны были взаимно уравновешивать друг друга так, чтобы сеть солидарных отношений между членами политического сообщества не рвалась. Напряжение между капитализмом и демократией всегда остается, потому что рынок и политика зиждутся на противоположных принципах. Даже после последнего толчка глобализации поток свободных и децентрализованных решений, принятых на выборах, требует урегулирования, которого не может существовать без соответствующего расширения политической процедуры обобщения интересов.

Zeit. Но что это значит? Вы придерживаетесь кантовского космополитизма и принимаете выдвинутую Карлом Фридрихом фон Вайцзеккером* идею мировой внутренней политики. С Вашего разрешения, это звучит довольно иллюзорно. Стоит лишь посмотреть на ситуацию с ООН.

Хабермас. Даже основательной реформы главных институтов ООН было бы недостаточно. Конечно, Совет Безопасности, секретариат, суды, вообще компетенции и процедуры этих институтов необходимо было бы сделать действенными для глобального проведения в жизнь запрета на насилие и реализации прав человека — уже сама по себе колоссальная задача. Но даже если бы можно было развить Хартию ООН до такого рода конституции международного сообщества, то в этих рамках все-таки не хватало бы форума, на котором вооруженная силовая политика мировых держав преобразовывалась бы в институционализированные переговоры по требующим урегулирования проблемам мировой экономики, политики в области климата и окружающей среды, распределения энергетических ресурсов и ограниченных запасов питьевой воды, за которые идет борьба и т. д. На этом транснациональном уровне возникают проблемы распределения, которые не могут быть решены тем же способом, как и нарушения прав человека или международной безопасности — наконец, как уголовно наказуемые деяния, — но должны быть политически выторгованы.

Zeit. Но для этого ведь уже существует испытанная на деле организация: G8.

Хабермас. Это эксклюзивный клуб, где некоторые из этих вопросов обсуждаются ни к чему не обязывающим способом. Впрочем, между чрезвычайно завышенными ожиданиями, которые связываются с этими инсценировками, и скудными итогами остающихся без последствий медиаспектаклей существует предательское несоответствие, выдающее истинное положение вещей. Давление иллюзорных ожиданий показывает, что население разных стран очень хорошо воспринимает нерешенные проблемы грядущей мировой внутренней политики — и, вероятно, сильнее ощущает, чем их правительства.

Zeit. Речь о «мировой внутренней политике» похожа, скорее, на грезы духовидца.

Хабермас. Еще вчера большинство сочло бы нереалистичным то, что происходит сегодня: европейские и азиатские правительства стараются превзойти самих себя, выдвигая те или иные предположения по урегулированию отсутствующей институционализации финансовых рынков. Даже СДПГ и ХДС выступают с предложениями по балансовому долгу и формированию собственного капитала, по личной ответственности менеджеров, по улучшению прозрачности, контроля над биржами и т. д. Правда, о налоге с биржевого оборота, который мог бы стать уже частью глобальной налоговой политики, речь заходит лишь от случая к случаю. Громогласно возвещаемую новую «архитектуру финансовой системы» будет — борясь с сопротивлением из США — и без того непросто реализовать. Но будет ли ее вообще достаточно в связи со сложностью этих рынков и охватывающей весь мир взаимозависимостью важнейших функциональных систем? Международно-правовые договоры, о которых сегодня думают партии, можно провозгласить в любое время. Но отсюда еще не возникнет стабильного режима.

Zeit. Даже если передать новые компетенции Международному валютному фонду, это не была бы еще мировая внутренняя политика.

Хабермас. Не хочу делать никаких предсказаний. Перед лицом проблем мы в лучшем случае можем представить конструктивные соображения. Национальные государства должны были бы во все возрастающей мере — и притом в собственных интересах — считать себя членами международного сообщества. Это самая толстая доска, которую в следующем десятилетии надо будет просверлить. Если мы, глядя на эту сцену, ведем речь о «политике», то мы часто имеем в виду действия правительств, которые унаследовали самопонимание коллективных акторов, принимающих суверенные решения. Однако это самопонимание Левиафана, который развивался с XVII века вместе с системой европейских государств, сегодня уже не осталось в неизменном виде. То, что мы называли «политикой» до вчерашнего дня, ежедневно меняет свое агрегатное состояние.

Zeit. Но как это согласуется с социальным дарвинизмом, который, как Вы сказали, с 11 сентября вновь распространяется в мировой политике?

Хабермас. Возможно, следовало бы отступить на шаг назад и взглянуть на более широкие взаимосвязи. С конца XVIII столетия право и закон пронизали политически составленную правительственную власть и во внутренних делах смягчили ее субстанциальный характер неприкрытого «насилия». Однако во внешнем измерении от этой субстанции сохранилось достаточно — несмотря на растущее переплетение международных организаций и все бóльшую обязывающую силу международного права. И все-таки имеющее национально-государственную чеканку понятие «политического» изменяется. Например, в рамках Европейского союза государства-члены, как и прежде, обладают монополией на власть внутри своих границ, тем не менее они более или менее без жалоб реализуют право, решение о котором принято на наднациональном уровне. Это изменение формы права и политики взаимосвязано также и с капиталистической динамикой, которую можно было бы описать как переменчивую игру функционально вынужденной открытости и социально-интегративной закрытости на соответственно более высоком уровне.

Zeit. Рынок распахивает общество, а социальное государство вновь замыкает его?

Хабермас. Социальное государство представляет собой позднее и — как мы знаем из опыта — хрупкое достижение. Расширяющиеся рынки и коммуникационные сети всегда обладали взрывной, для отдельных граждан сразу и индивидуализирующей, и освобождающей силой; отсюда, однако, всегда проистекает реорганизация прежних солидарных связей в расширенных институциональных рамках. Этот процесс возник в начале эпохи модерна, когда господствовавшие в эпоху Высокого Средневековья сословия постепенно парламентаризовались в новых территориальных государствах (пример — Англия) или медиатизировались* абсолютистскими королями (пример — Франция). Этот процесс продолжился в связи с конституционными революциями XVIII и XIX столетий и социально-государственным законодательством XX века. Это правовое укрощение Левиафана и классового антагонизма было непростым делом. Но по тем же самым функциональным причинам успешная конституционализация государства и общества сегодня, после очередного сдвига экономической глобализации, указывает в направлении конституционализации международного права и раздробленного мирового общества.

Zeit. Какую роль играет Европа в этом оптимистичном сценарии?

Хабермас. Иную, нежели та, которую она фактически сыграла в кризисе. Я не вполне понимаю, почему так расхваливают кризисный менеджмент Европейского союза. Гордон Браун своим достойным благодарности решением смог подвигнуть американского министра финансов Полсона к повороту в интерпретации с трудом принятого *bail-out***, когда он — через французского президента и вопреки первоначальному противодействию со стороны Меркель и Штайнбрюка — взял важнейших игроков на борт еврозоны. На этот процесс переговоров и на его результат надо лишь точно посмотреть. Именно три наиболее могущественные из объединенных в ЕС национальные государства в качестве суверенно

действующих акторов договорились координировать между собой всякий раз различные, но однонаправленные мероприятия. Несмотря на присутствие господ Юнкера и Баррозу*, принятие этого международного соглашения в классическом стиле едва ли имеет что-то общее с формированием совместной политической воли Европейского союза. «New York Times» не без известного злорадства отметила эту европейскую неспособность проводить совместную экономическую политику.

Zeit. А чем Вы объясняете эту неспособность?

Хабермас. Дальнейшее протекание кризиса делает очевидным недостаток европейской конструкции: каждая страна реагирует собственными экономико-политическими мерами. Поскольку компетенции в Союзе, упрощенно говоря, распределены так, что Брюссель и Европейский суд проводят в жизнь экономические свободы, в то время как возникающие при этом внешние расходы перекладываются на страны — члены Союза, сегодня не существует никакого совместного формирования экономико-политической воли. Важнейшие государства — члены Союза уже спорят о принципах: до какой степени вообще желательно присутствие государства и рынка. И каждая страна проводит свою собственную внешнюю политику; впереди всех — ФРГ. Берлинская республика — при всей мягкой дипломатии — забывает об уроках, которые прежняя ФРГ извлекла из истории. Правительство благодушно устроилось в своем расширенном с 1989–1990 годов** пространстве действий и вновь впадает в знакомый образец национальных властных игр между государствами, которые, однако, уже давно съежились до формата мелких княжеств.

Zeit. И что же должны будут делать эти мелкие княжества?

Хабермас. Вы спрашиваете меня насчет списка моих пожеланий? Поскольку я считаю постепенную интеграцию в соответствии с положением вещей единственно возможным путем к дееспособному Европейскому союзу, следует принять предложение Саркози об экономическом управлении еврозоной в качестве точки привязки. Это ведь не озна-

чает, что тем самым разделяются и этатистские фоновые допущения, и протекционистские намерения его инициатора. Одно дело процедуры, другое — политические результаты. «Более тесное сотрудничество» в экономико-политической сфере могло бы тогда продолжиться и во внешней политике. И ни то, ни другое уже нельзя было бы далее проводить через головы населения.

Zeit. Ведь этого не поддерживает даже СДПГ.

Хабермас. Руководство СДПГ предоставляет возможность подумать в этом направлении христианскому демократу Юргену Рюттгерсу*, «вождю рабочих» Рейна и Рура. Во всей Европе социал-демократические партии приперты спиной к стенке, так как им при снижающихся ставках приходится участвовать в играх с нулевой суммой. Почему они не хватаются за шанс вырваться из своих национально-государственных клеток и открыть для себя новые возможности действия на европейском уровне? Ведь они могли бы таким образом четко обозначить свою позицию и перед лицом регрессивной конкуренции слева. Что бы сегодня ни означали «левое» и «правое», европейские страны могли бы лишь совместно достичь такого веса в мировой политике, который позволил бы им оказывать разумное влияние на повестку дня мировой экономики. Иначе они в качестве пуделя дяди Сэма отдают себя на произвол столь же опасной, сколь и хаотичной мировой ситуации.

Zeit. Вот и кличка «дядя Сэм» — должно быть, Вы глубоко разочарованы в США. А ведь для Вас США были упряжной лошадью нового мирового порядка.

Хабермас. Что нам остается, кроме того, как сесть на эту упряжную лошадь? США выйдут из теперешнего двойного кризиса ослабленными. Но они остаются пока либеральной сверхдержавой и находятся в положении, которое настоятельно рекомендует им основательно пересмотреть неоконсервативное самопонимание патерналистского благодетеля всего мира. Глобальный экспорт собственной жизненной формы возник из ложного, самоцентрированного универсализма старых империй. Модерн, в противоположность этому,

подпитывается децентрированным универсализмом равного уважения к каждому. В собственных интересах США не только отказаться от своей контрпродуктивной установки по отношению к ООН, но и встать во главе движения реформ. С исторической точки зрения, сочетание четырех факторов — сверхдержава, старейшая демократия на земле, избрание, как я надеюсь, либерального и визионерного президента*, а также политическая культура, в которой нормативные ориентации находят примечательную почву для резонанса — дает невероятную констелляцию. Америка сегодня глубоко встревожена провалом унилатералистской** авантюры, саморазрушением неолиберализма и злоупотреблениями сознанием собственной исключительности. Почему же эта нация не могла бы, как очень часто происходило, вновь оправиться и попытаться своевременно включить конкурирующие великие державы сегодняшнего дня — мировые державы дня завтрашнего — в международный порядок, уже не нуждающийся ни в какой сверхдержаве? Почему президент — избранный на судьбоносных выборах — должен находить в своей стране лишь минимальное пространство для действий и не желать хотя бы внешнеполитически использовать этот разумный шанс, этот шанс разума?

Zeit. У так называемых реалистов Вы вызовете этим лишь усталую усмешку.

Хабермас. Я знаю, что многое говорит против моих слов. Новый американский президент должен будет взять верх над зависящими от Уолл-стрит элитами в его собственной партии; он должен будет, пожалуй, воздержаться также от напрашивающихся рефлексов нового протекционизма. И для такого рода радикальном поворота США нуждаются в дружественном импульсе со стороны лояльного, но уверенного в себе партнера по альянсу. Однако в креативном смысле «биполярный» Запад сможет существовать лишь в том случае, если Европейский союз научиться подавать свой голос вовне и — да-да! — использовать накопленный капитал международного доверия, чтобы самим действовать с прицелом на будущее. Напрашивается «Да, но...». В кризисные времена нам, воз-

можно, скорее необходима перспектива, ориентированная несколько дальше, чем советы мейнстрима* и постепенность ежедневного отчаянного продвижения к цели.

II. Евро решает судьбу Европейского союза

Судьбоносные дни: Запад празднует победу над национал-социалистской Германией 8 мая, Россия — 9 мая; даже у нас в официальном словоупотреблении это «дни освобождения». В этом году вооруженные силы военной антигерманской коалиции (даже с одним польским подразделением) совместно маршировали на параде в честь Победы. На Красной площади в Москве Ангела Меркель стояла непосредственно рядом с Путиным. Ее присутствие укрепляло дух «новой» Германии: послевоенные поколения немцев не забыли, что их тоже освободила русская армия — принеся колоссальные жертвы.

Канцлер прибыла из Брюсселя, где она присутствовала совсем в иной роли, при поражении совсем другого рода. Картина той пресс-конференции, на которой было сообщено решение шефа правительства Европейского союза о создании совместного фонда спасения попавшего в угрожающую ситуацию евро, выдает судорожную ментальность не новой, а сегодняшней Германии. Хрустящая фотография запечатлела окаменевшие лица Меркель и Саркози — измотанных в боях глав правительств; сказать им больше нечего. Станет ли эта фотография иконографическим документом краха ви́дения (Vision), на протяжении более полувека формировавшего европейскую послевоенную историю?

Если в Москве Меркель стояла под сенью традиции старой ФРГ, то 8 мая в Брюсселе она имела за собой длившую-

---

Статья «Евро решает судьбу Европейского союза» («Am Euro entscheidet sich das Schicksal der Europäischen Union») вышла под заголовком «Нам нужна Европа! Новое упрямство: неужели совместное будущее стало нам уже безразличным?» («Wir brauchen Europa! Die neue Hartleibigkeit: Ist uns die gemeinsame Zukunft schon gleichgültig geworden?») 20 мая 2010 г. в еженедельнике «Zeit» (S. 47).

ся много недель борьбу лоббистки национальных интересов экономически наиболее мощного государства — члена ЕС. Ссылаясь на образец немецкой бюджетной дисциплины, она блокировала совместные действия Союза, которые могли бы своевременно поддержать кредитоспособность Греции против спекуляции, нацеленной на ее государственное банкротство. Безрезультатные декларации о намерениях препятствовали совместным превентивным действиям. Греция как единичный случай.

Лишь после совсем недавнего биржевого шока канцлерша втихомолку пошла на попятную, смягчившись под воздействием коллективного массажа души, проведенного президентами США, Международного валютного фонда и Европейского центрального банка. Из страха перед таким оружием массового поражения, как бульварная пресса, она, по-видимому, упустила из виду поражающую силу такого оружия массового поражения, как финансовые рынки. Она вовсе не хотела получить такую еврозону, о которой президент Комиссии ЕС Жозе Мануэль Баррозу в ближайшие затем дни скажет: кто не стремится к хозяйственно-политическому единству, пусть забудет и о валютном союзе.

Цезура

Между тем все участники начинают понимать значение брюссельского решения от 8 мая 2010 года. Немецкий «новояз» картинок, на которых мы без передышки развертываем спасательный зонтик и завязываем спасательные пакеты, не может обмануть нас относительно того, что принятые за одну ночь экстренные меры по спасению евро имеют иные последствия, чем все до сих пор бывшие *bail-outs*. Поскольку Комиссия теперь берет кредиты для Европейского союза в целом на рынке, этот «кризисный механизм» стал «инструментом сообщества», изменяющим деловую основу ЕС.

Тот факт, что налогоплательщики в еврозоне впредь совместно отвечают за бюджетные риски соответствующих государств-членов Союза, означает смену парадигмы. Тем самым

осознается длительное время вытесненная проблема. Финансовый кризис, расширившийся между тем до кризиса государств, напоминает о природном недостатке незавершенного, застрявшего на полпути политического союза. В экономическом пространстве размером с континент и с гигантским количеством населения возник Общий рынок с частично общей валютой — хотя на европейском уровне не были определены компетенции, посредством которых можно было бы эффективно координировать экономическую политику государств-членов.

Сегодня уже никто не может отмести требование президента МВФ об «общеевропейском экономическом правительстве» как неразумное. Образцовые представления о «соответствующей правилам» экономической политике и о «дисциплинированном» бюджете в соответствии с задачами пакта о стабильности не удовлетворяют требованию гибкого приспособления к быстро меняющимся политическим констелляциям. Разумеется, национальные бюджеты необходимо санировать. Однако речь здесь все-таки идет не о греческом «плутовстве» и об испанских «иллюзиях благосостояния», но об экономико-политическом выравнивании уровней развития в рамках валютной области с гетерогенным народным хозяйством. Пакт о стабильности, который Франции и Германии пришлось аннулировать в 2005 году, превратился в фетиш. Усиления санкций окажется недостаточно, чтобы сбалансировать нежелательные последствия желанной асимметрии между полным экономическим и неполным политическим объединением Европы.

Даже экономическая редакция «Frankfurter Allgemeine» видит «валютный союз на распутье». Однако ужасным сценарием она лишь подзадоривает ностальгию по дойчмарке против «стран с мягкой валютой», тогда как способная приспосабливаться канцлерша внезапно заявляет, что европейцы должны «крепче сплотиться в сферах экономики и финансов». Но куда ни посмотришь — не видно и следа осознания глубокой цезуры. Одни затушевывают причинно-следственную связь между кризисом евро и банковским кризисом,

приписывая катастрофу единственно недостаточной бюджетной дисциплине. Другие лихорадочно пытаются уменьшить масштаб проблемы назревшего согласования между экономической политикой разных стран — членов ЕС, сводя все к вопросу о совершенствовании менеджмента.

Европейская комиссия стремится поставить работу временного фонда спасения евро на постоянную основу и в предварительном плане проинспектировать национальные бюджетные планы — еще до того, как они будут предложены национальным парламентам. Нельзя сказать, что эти предложения были бы неразумными. Но бесстыдно оказываемое внушение, будто подобное вмешательство Комиссии в бюджетное право парламентов не коснется договоров и что давно наличествующий дефицит демократии не возрастет неслыханным образом. Эффективная координация экономических политик должна повлечь за собой усиление компетенций страсбургского парламента; она вызовет также и на других политических полях потребность в лучшей координации.

Страны еврозоны держат курс на альтернативу между углублением европейского сотрудничества и отказом от евро. Речь идет не о «взаимном контроле над экономической политикой» (Трише), а о совместных действиях. А к этому немецкая политика подготовлена плохо.

Смена поколений и новое безразличие

После холокоста для возвращения ФРГ в круг цивилизованных наций — от Аденауэра и Хайнемана*, через Брандта и Гельмута Шмидта, до Вайцзеккера** и Коля — понадобились усилия, растянувшиеся на десятилетия. Тактически умного геншеризма*** и ориентации на Запад по причинам целесообразности оказалось недостаточно. Необходимо было бесконечно более трудное изменение менталитета широких слоев населения. То, что в конечном итоге настроило наших европейских соседей на примирение, было, в первую очередь, изменившимися нормативными убеждениями и открытостью миру со стороны более молодых поколений, выросших в ФРГ.

И конечно, в дипломатическом процессе решающую роль сыграли достоверные убеждения активных в то время политиков.

Исторически обоснованное недоверие к немцам нельзя было ослабить одним лишь ощущавшимся с их стороны интересом к мирному европейскому объединению. Западные немцы, казалось, и так уже должны были примириться с национальным разделением. При воспоминании о своих националистических эксцессах им нетрудно было отказаться от новой попытки добиваться прав суверенитета, взять на себя в Европе роль главного плательщика наличными и — в случае необходимости — совершать раньше других определенные действия, которые так или иначе зачтутся в пользу ФРГ. Если немецкая ангажированность должна быть убедительной, она должна быть нормативно закреплена. «Тест на нагрузку» хорошо описал Жан-Клод Юнкер, когда он, имея в виду холодный расчет интересов со стороны Ангелы Меркель, выразил сожаление об отсутствии готовности «идти на внутриполитические риски для Европы».

Новая немецкая непреклонность имеет глубокие корни. Уже вместе с воссоединением [ФРГ и ГДР] изменилась перспектива увеличившейся и занятой собственными проблемами Германии. Еще важнее была ломка менталитетов, которая наступила после Гельмута Коля. Даже если отвлечься от слишком быстро уставшего Йошки Фишера, то со времени избрания в должность Герхарда Шрёдера правит нормативно разоруженное поколение, которое в непрерывно усложняющемся обществе все быстрее получает одышку от возникающих изо дня в день проблем. Осознавая уменьшающееся политическое пространство для действия, оно отказывается от целей и намерений оформлять что-либо политически, не говоря уже о таком проекте, как объединение Европы.

Сегодня немецкие элиты наслаждаются вновь обретенной нормальностью национального государства. В конце «долгого пути на Запад» они обрели демократический аттестат зрелости и вправе вновь «быть такими же, как другие». Исчезла нервозная готовность побежденного и морально, вынужденного

к самокритике народа побыстрее найти свое место в постнациональной констелляции. В глобализированном мире все должны учиться включать перспективу другого в свою собственную — вместо того, чтобы отстраняться, руководствуясь эгоцентрической смесью из эстетства и оптимизации прибылей. Политическим симптомом снижения готовности учиться являются вердикты Федерального конституционного суда о Маастрихтском и Лиссабонском договорах; эти вердикты цепляются за отжившие догматические правовые представления о суверенитете. Кружащий вокруг самого себя и нормативно непритязательный менталитет разговаривающего с самим собой колосса в центре Европы, — больше не гарант даже того, что Европейский союз сохранит свой неустойчивый *status quo*.

Притупленное осознание кризиса

Изменение менталитета — не причина для упреков, однако новое безразличие имеет последствия для политического восприятия актуальных вызовов. Кто же действительно готов извлекать из банковского кризиса те уроки, которые лондонский саммит G20 уже давно запротоколировал в прекрасных декларациях о намерениях — и готов за это бороться?

Относительно укрощения буйствующего финансового капитализма никто не может обманываться относительно воли большинства населения. Впервые в истории капитализма осенью 2008 года спинной хребет системы мирового хозяйства, приводимой в движение финансовыми рынками, оказалось возможным спасти от краха только гарантиями налогоплательщиков. И этот факт, что капитализм больше не может воспроизводиться собственными силами, с тех пор утвердился в сознании граждан, которые в качестве налогоплательщиков должны нести ответственность за «сбои в системе».

Требования экспертов положены на стол. Обсуждаются рост собственного капитала банков, бóльшая прозрачность в работе хедж-фондов*, усовершенствование контроля над биржами и рейтинговыми агентствами, запрещение богатых

фантазией, но вредных для народного хозяйства инструментов спекуляции, налог на финансовые транзакции, банковский сбор (Bankenabgabe), отделение инвестиционных банков от бизнес-банков, предусмотрительное разукрупнение тех банковских комплексов, которые «слишком велики, чтобы позволить им разоряться». На лице Йозефа Аккермана*, прожженного главного лоббиста банковской отрасли, отразилась некоторая нервозность, когда Майбрит Илльнер** предложила ему на выбор хотя бы несколько из этих «пыточных орудий» законодателей.

Нельзя сказать, что регулирование финансовых рынков было бы простым делом. Для этого, конечно, нужна и компетентность со стороны самых ловких банкиров. Но благие намерения терпят крах не столько от «сложности рынков», сколько от малодушия и недостаточной самостоятельности национальных правительств. Они разбиваются об опережающий события отказ от международного сотрудничества, ставящего перед собой цель создавать недостающие возможности для политических действий — в глобальном масштабе, в Европейском союзе и, прежде всего, в еврозоне. Торговцы валютой, имеющей хождение за пределами еврозоны, и спекулянты верят в делах помощи Греции, скорее, в деловое пораженчество Аккермана, нежели в неохотное согласие Меркель на создание фонда по спасению евро; реалистически рассуждая, они не ожидают от стран еврозоны полновесного сотрудничества. Да и как могло бы быть иначе у союза, растратившего свою энергию на «петушиные бои» вокруг занятия своих влиятельнейших должностей самыми что ни на есть бесцветными фигурами?

В кризисные времена историю могут делать даже личности. Наши вялые политические элиты, которые охотнее следуют лозунгам из газеты «Bild», не могут отговориться даже тем, что именно простой народ мешает более глубокому европейскому объединению. Они ведь прекрасно знают, что мнение людей, полученное демоскопическим способом, — не то же самое, что и результат делиберативно сформированного демократического волеизъявления граждан той или иной

страны. До сих пор ни в одной стране не было ни одних европейских выборов, ни одного референдума, на которых принимались бы решения по чему-либо иному, кроме национальных тем и избирательных бюллетеней. Не говоря уже о национально-государственной ограниченности левых (тем самым я имею в виду не только их главные партии), до сих пор ни одна политическая партия не сделала попытку политически сформировать общественное мнение [по европейским проблемам] посредством наступательного просвещения.

Имея за собой отчасти политическую основу, кризис общей валюты может привести к тому, чего многие когда-то ожидали от общеевропейской внешней политики: к переходящему национальные границы осознанию разделяемой совместной европейской судьбы.

III. Пакт за Европу или против нее?

Последняя неделя марта ознаменована двумя крупными политическими событиями. Утрата власти правящими партиями в «коренной» земле ХДС подтвердила широкий отход от атомной энергии; за два дня до этого Европейский совет объединил свои постановления о стабилизации общей валюты с инициативой по давно назревшей координации экономической политики в государствах — членах Европейского союза. Правда, весомость этого интеграционно-политического сдвига была почти не замечена общественностью, так как в прочих отношениях между двумя этими событиями имеется примечательный контраст. В Баден-Вюртемберге социальное движение за 40 лет после начала протеста в гражданском обществе перевернуло косный образ мыслей, на который до сих пор могли положиться элиты, лоббирующие интересы промышленности. В Брюсселе после года спекуляции против евро за закрытыми дверями был принят пакт мероприятий «за экономико-политическое управление», воздействиями которого будут заниматься, в первую очередь, юристы, экономисты и политологи. Завоеванному снизу и на долгий срок изменению менталитета там, здесь соответствует вызванный силой на короткий срок финансовыми рынками интеграционный импульс в сотрудничестве между национальными правительствами.

Поворот в сфере энергетической политики, десятилетиями намечавшийся в политическом свете шумно аргументировавшей общественности, знаменует собой некую цезуру. Но касается ли это и выторгованной экспертократами, просочившейся в экономические отделы прессы, почти беззвучно про-

---

Статья «Пакт за Европу или против нее?» («Ein Pakt für oder gegen Europa?») опубликована с подзаголовком «В основаниях для сообщества недостатка нет, однако, вероятно, не хватает политической воли — и ответственности» («An Gründen für eine Gemeinschaft fehlt es nicht, wohl aber an einem politischen Willen — und an Verantwortung») 7 апреля 2011 г. в газете «Süddeutsche Zeitung» (S. 11).

исшедшей смены политики по направлению к более интенсивному настрою такой политики, которая — согласно европейскому договору — попадает в сферу национальной компетенции? В чем проблема — и можно ли вообще разрешить ее посредством соглашения между главами правительств соответствующих государств — членов Союза?

Дефект конструкции валютного союза

Финансово-технический вопрос о том, положит ли конец спекуляции против евро согласованный в Брюсселе механизм стабильности, который в 2013 году сменит созданный в мае 2010 года Фонд спасения, я оставляю открытым. Важнее политический вопрос о том дефекте конструкции валютного союза, на который теперь спекуляция финансового рынка раскрыла глаза *всем*. При введении евро в 1999 году некоторые еще надеялись на продолжение процесса *политического* объединения. Другие заступники верили в учебник ордолиберализма*, больше доверяющий экономическому устройству общества, нежели демократии. Они считали, что соблюдения простых правил консолидирования государственных бюджетов должно быть достаточно для (измеренного в заработной плате) выравнивания развития национальных экономик.

Оба ожидания привели к драматическим разочарованиям. Быстрая последовательность финансового, долгового кризиса и кризиса евро сделала очевидной ошибочную конструкцию колоссального экономического и валютного пространства, где отсутствуют, однако, инструменты для совместной экономической политики. Такие евроскептики, как Ангела Меркель, из-за системных заклиниваний такого рода были вынуждены нехотя сделать шаг по направлению к интеграции. Теперь ошибка должна быть устранена неформальным путем «открытой координации». Эта крайняя мера с точки зрения акторов имеет то преимущество, что не будит никаких «спящих собак». С другой стороны, она (в той мере, в какой она вообще функционирует) является по своим последствиям недемократической и способствует пробуждению взаим-

ного неприязненного чувства среди населения государств — членов Союза.

Главы правительств обязались каждый раз в собственной стране преобразовывать каталог мероприятий по финансовой, экономической, социальной политике и политике в области оплаты труда, чем, собственно говоря, должны были бы заниматься национальные парламенты (или участники тарифных соглашений). В рекомендациях отражается образец политики, написанный немецким почерком. Об экономико-политической мудрости предписанных жестких мер, которые грозят перейти в контрпродуктивную и продолжительную дефляцию на периферии, я вообще не хочу говорить. Я сосредоточусь на процедуре: главы правительств собираются каждый год заглядывать друг другу через плечо, чтобы определять, приспособили ли их коллеги положение с долгами, пенсионный возраст и дерегулирование рынка труда, систему социальных обязательств и систему здравоохранения, оплату труда в государственном секторе, зарплатные квоты, налоги с корпораций и многое другое к предписаниям Европейского совета.

Неправильный метод

Юридическая необязательность предварительного межправительственного соглашения о политике, вмешивающейся в основную сферу компетенций государств — членов Союза и их парламентов, приводит к дилемме. Если рекомендации об экономико-политическом управлении остаются без воздействия, то увековечиваются проблемы, которые должны быть разрешены таким способом. Если же правительства координируют свои меры предусмотренным способом, то они должны «раздобыть» для этого «у себя дома» необходимую легитимацию. Это, однако, должно вызвать *clair-obscur** мягкого давления сверху и недобровольно-добровольного приспособления снизу. Что же в таком случае означает право Комиссии «своевременно», то есть до решения парламентов, проверять бюджеты, если не дерзкое намерение создать действующую преюдициальность?

Под этой серой вуалью национальные парламенты (а в некоторых случаях — и профсоюзы) не могут избежать подозрения, что предварительные решения, принятые в других местах, надо только «добивать», то есть, конкретизируя, приводить в исполнение. Это подозрение должно разъедать всякую демократическую достоверность. Чепухи о координации, правовой статус которой намеренно остается неясным, недостаточно для урегулирований, которые требуют совместных действий Союза. Такие постановления должны быть легитимированы *обоими* способами, предусмотренными для решений Союза — не только косвенным путем, через представленные в Совете правительства, но и непосредственно через Европейский парламент. В противном случае известная центробежная динамика указывания пальцем на «Брюссель» лишь еще ускорится — неправильный метод работает как возмутитель спокойствия*.

Пока европейские граждане будут воспринимать свои национальные правительства как единственных актеров на европейской сцене, они будут считать процессы принятия решений играми с нулевой суммой, где их собственным актерам необходимо победить других.

Национальные герои выступают-де против «остальных», которые виновны во всем, что возлагает на «нас» и чего требует от «нас» монстр Брюссель. Только по отношению к ими самими избранному, составленному по партийному, а не по национальному принципу парламенту в Страсбурге европейские граждане могли бы воспринимать задачи экономико-политического управления как то, с чем следует справляться совместно.

А какая альтернатива?

Более претенциозная альтернатива могла бы состоять в том, что Комиссия решала бы эти задачи демократическим путем «проведенной в надлежащем порядке законодательной процедуры», то есть с одобрением Совета *и* Парламента. Разумеется, это потребовало бы перемещения компетенций с госу-

дарств-членов на сам Союз, а такого рода радикальное изменение договора пока что предстает как нереалистичное.

Вероятно, правильным является предположение, что «усталое от Европы» население ЕС *при данных обстоятельствах* откажется от дальнейшего переноса самих прав суверенитета в ядро Союза. Но этот прогноз слишком удобен, если с его помощью политические элиты снимают с себя ответственность за плачевное состояние Союза. То, что десятилетиями сохранявшееся широкое одобрение европейского объединения заметно пошло на убыль даже в ФРГ, не совсем понятно. Процесс европейского объединения, который всегда проводился через головы населения, застрял сегодня в тупике, потому что он не может продолжаться, не будучи переведенным из до сих пор принятого административного модуса к более заметному участию населения. Вместо этого политические элиты прячут головы в песок. Они невозмутимо продолжают свой элитарный проект и продолжают считать граждан Европы недееспособными. Я хотел бы привести лишь три причины этого бесстыдства.

Повторное открытие германского национального государства

Национальное объединение вызвало в Германии смену менталитета, которая (как свидетельствуют политологические исследования) охватила также самопонимание и ориентацию немецкой внешней политики, изменив ее в направлении более сильного самоцентрирования. С 90-х годов постепенно растет опирающееся на милитаризм самосознание «срединной державы», которая действует на мировой политической сцене в качестве игрока. Это самопонимание вытесняет до тех пор оберегаемую культуру сдерживания гражданской власти, которая, прежде всего, могла бы способствовать юридизации системы необузданной конкуренции между государствами. Изменение проявляется — в особенности после смены правительства в 2005 году — также и в европейской политике. Представление Геншера о «европейском призвании» кооперативно

настроенной Германии все сильнее заостряется, обнаруживая неприкрытое притязание на лидерство «европейской Германии в Европе немецкой чеканки». Нельзя сказать, что объединение Европы с самого начала проходило в интересах Германии. Но сознание обязывающего историко-морального наследия говорило в пользу демократической сдержанности и готовности учитывать перспективы других, признавать важность нормативных точек зрения и при случае ослаблять конфликты с помощью опережающих достижений.

Для Ангелы Меркель это могло еще сыграть определенную роль в отношениях с Израилем. Но приоритет национальных соображений никогда прежде не выступал в столь явном виде, как в мощном сопротивлении, которое канцлерша — до своего фиаско 8 мая 2009 года — оказывала, неделями блокируя европейскую помощь Греции и спасительный «парашют» для евро. И сегодняшний пакет спасения экономико-политические «примерные мальчики» собрали с такой неохотой, что соседние страны при каждом удобном поводе будут показывать пальцем уже не на «Брюссель», но на «немецкий» образец политики, который они не хотят примерять на себя. Впрочем, новонемецкой смене менталитета созвучно недружественное по отношению к Европе и Лиссабонскому договору решение Федерального конституционного суда, направленное против дальнейших устремлений к интеграции, произвольно закрепляя незыблемость национальных компетенций как фактора сохранения национально-государственной идентичности. Специалисты по государственному праву превосходно прокомментировали этот вердикт саркастическим заголовком «Германский Конституционный суд говорит “да” Германии».

Оппортунизм, направляемый демоскопией

Новая немецкая нормальность не объясняет того факта, что до сих пор ни в одном из государств — членов Союза не было ни выборов, ни референдумов на общеевропейском уровне, то есть на которых речь бы шла о чем-то ином, кроме нацио-

нальных тем и проблем. Политические партии, конечно, избегают тематизации непопулярных вопросов. С одной стороны, это тривиально, так как целью партий должна быть победа на выборах. С другой — никоим образом не является тривиальным вопрос, почему на протяжении десятилетий на европейских выборах господствуют темы и персоны, которые не подходят для решения проблем. То обстоятельство, что граждане обманываются относительно важности происходящего в субъективно отдаленных Страсбурге и Брюсселе, весьма вероятно, обосновывает «долг, подлежащий уплате по месту жительства кредитора», от которого, однако, упорно отделываются политические партии.

Правда, сегодня политика, по-видимому, вообще переходит в агрегатное состояние, которое характеризуется отказом от перспективы и от воли к формированию. Растущая сложность материй, нуждающихся в урегулировании, требует быстрых реакций на сокращающемся пространстве для действий. Как бы усвоив изобличающий взгляд системной теории, политики бесстыдно следуют оппортунистическому сценарию опирающейся на демоскопию прагматики власти, избавившейся от всех нормативных обязательств. Атомный мораторий Меркель* — лишь наиболее бросающийся в глаза пример. И не Гуттенберг, а сама глава правительства (по словам FAZ**) «принудила ко лжи половину республики и почти весь ХДС», когда она сохранила в должности публично изобличенного плагиатора из соображений его популярности. С холодным расчетом, за несколько сребреников, которыми она не сможет воспользоваться потом у избирательных урн, она кассировала государственно-правовое понимание министерского поста. Большой сигнал вечерней зари*** дополнительно закрепил нормальность этой практики.

В основе этих событий лежит такое понимание демократии, которое «New York Times» после переизбрания Дж.У. Буша выразила формулой *post-truth democracy*****. По мере того, как политика делает все свои действия зависимыми от соответствия настрою избирателей, которых она улещивает от одних выборов до других, демократическая проце-

дура утрачивает смысл. Демократический выбор существует не для того, чтобы просто отражать «естественный» спектр мнений; скорее, он воспроизводит результат публичного процесса формирования общественного мнения. Отдаваемые в кабинке для выборов голоса сохраняют институциональный вес демократического права голоса только в сочетании с публично артикулируемыми мнениями, которые *сформировались* при коммуникативном обмене позициями, информацией и основаниями, релевантными для соответствующих тем. По этой причине основной закон ставит в привилегированное положение те партии, которые, согласно статье 21, «соучаствуют в политическом образовании воли народа». Даже Европейский союз не сможет обрести демократический характер, пока политические партии пугливо избегают того, чтобы *вообще делать темой* альтернативы решениям большой важности.

Недовольство в политико-медиальном классе

Нельзя сказать, что медиа непричастны к достойному сожаления изменению облика политики. С одной стороны, политики позволяют себе поддаваться мягкому принуждению медиа к быстрым самоинсценировкам. С другой — оформление программ самих медиа заражается спешкой этого окказионализма. Бойкие модераторы и модераторши многочисленных ток-шоу со своим неизменным персоналом устраивают такую мешанину мнений, которая у последнего зрителя отнимает надежду на то, что для политических тем могут еще иметься *основания, которые можно принимать всерьез*. Разве что пресс-клуб АРД* иногда показывает, что может быть и иначе.

Впрочем, что касается нашей качественной прессы, то — если я не ошибаюсь — дела здесь в международном сравнении вовсе не так уж плохи. Но даже эти ведущие медиа не остаются незатронутыми тем обстоятельством, что медиальный класс *срастается* с политическим — и очень гордится этим посвящением в рыцари. Примером этому служат ошеломляющие аплодисменты претенциозной «либеральной» ежене-

дельной газеты в адрес канцлерши, берлусконизировавшей политическую культуру страны в случае с Гуттенбергом*. К тому же комментирующая пресса — если она хочет образовывать противовес бесперспективной политике — не должна допускать полного отхода своих тем от ритма текущих событий. К примеру, она обсуждает преодоление кризиса евро как сильно специализированную экономическую тему; в таком случае — если политические редакции берутся за эту тему с большими интервалами — отсутствует контекст для того, чтобы все-таки представить себе последствия кризиса для перестройки Европейского союза в целом.

Повторное открытие немецкого национального государства, новый модус близорукой политики, плывущей без компаса, и срастание политического класса с медиальным могут быть причинами того, что у политики не хватит воздуха для осуществления такого великого проекта, как объединение Европы. Но, пожалуй, если взгляд устремляется вверх, к политическим элитам и медиа, то это вообще неверное направление. Возможно, с некоторых пор отсутствующие мотивации могут возникнуть только снизу, из самого гражданского общества. Отход от атомной энергии служит примером тому, что политико-культурные тривиальности, а тем самым и параметры публичной дискуссии, сдвигаются не без упорной кротовой работы социальных движений.

Откуда должны взяться мотивы?

Социальное движение за Европу не повисло в воздухе. Вместо этого мы наблюдаем нечто иное — раздосадованность политикой, причины которой неясны. Текущие диагнозы констатируют недовольство личностными качествами и отличительными чертами стиля чествуемых эрзац-фигур и анти-фигур. Это означает, что многие граждане ценят у «стороннего человека» Гаука** угловатый профиль биографии, где есть сопротивление, у коммуникатора Гуттенберга — красноречие и блеск элегантного самопредставления, а у модератора Гайслера*** — грубоватость симпатичного ловкача — всякий раз красочные

качества, которых нет у прямодушных управляющих политической рутиной. Впрочем, эти антиполитические грезы о Надпартийном могли бы послужить клапаном и для совсем другого раздражения — для досады от *заниженных требований* к политике.

Ранее политика правительств ФРГ формировалась из пучка осуществимых перспектив: Аденауэр был ориентирован на связи с Западом, Брандт — на восточную политику и «третий мир»; Шмидт релятивизировал судьбу малой Европы с точки зрения мировой экономики, а Гельмут Коль хотел вписать национальное объединение в объединение Европы. Итак, все к чему-то стремились! Но уже Шрёдер скорее реагировал, чем формировал; и все-таки Йошка Фишер хотел добиться решения о *finalité**, по крайней мере о направлении европейского единения. С 2005 года контуры совсем расплылись. Больше нельзя понять, о чем идет речь — и идет ли речь вообще о чем-либо еще, кроме как о победе на ближайших выборах. Граждане ощущают, что политика без нормативного ядра чего-то их *незаконно лишает*. Этот дефицит выражается как в повороте от организованной политики, так и в новой базисной готовности к протесту, шифром которой является «Штутгарт-21»**. Итак, для той или иной политической партии могло бы иметь смысл засучить рукава, чтобы вести наступательную борьбу за объединение Европы на рыночных площадях.

Отказ от «великих» проектов не решает проблем. От изменения климата, от глобальных рисков, сопряженных с ядерной техникой, от потребностей в регулировании капитализма, приводимого в движение финансовыми рынками, или от осуществления прав человека на международном уровне международное сообщество уклониться не может. А по сравнению с порядком величин этих проблем задача, которую мы должны решить в Европе, имеет уже почти обозримый формат.

Примечания переводчика

С. 16 * Речь идет о так называемой Франкфуртской конституции — первой, неудачной попытке создать объединенную Германскую империю (которая, как известно, была создана Бисмарком в 1871 г.).

С. 18 * *Ausdifferenzierung* (нем.) — обособление — термин из коммуникационной теории общества Н. Лумана.

С. 21 * *Drittwirkung* (нем.) — трудноперводимое понятие правовой системы Германии, означающее, что индивид может обращаться с иском как против частного лица, так и против любого государственного учреждения.

** *Hard cases* (англ.) — сложные случаи.

С. 22 * «Врожденные» или «естественные права» (англ.); «естественное право, неотъемлемое и священное» (фр.) (из французской Декларации прав человека и гражданина, 1789).

** «Мы считаем самоочевидными те Истины, что все люди [...] наделены определенными неотъемлемыми правами» (из Декларации независимости США, 1776).

С. 23 * *Императивное право* — право, которое не может быть отменено соглашением сторон.

С. 28 * *Dignitas* (лат.) — «достоинство», но также и «сан».

** *Res publica* (лат.) — букв. «общественное дело».

С. 29 * *Dignitas humana* (лат.) — «человеческое достоинство».

** *Dignitas* и *persona* (лат.) — «достоинство» и «личность».

С. 32 * *Левеллеры* — «уравнители» — радикальное политическое течение, традиционно называемое «партией», выделившееся в 1647 г. в ходе Английской буржуазной революции.

С. 36 * *State-building* (англ.) — букв. «строительство государства.

С. 44 * *Embedded capitalism* (англ.) — капитализм, встроенный в рамки какой-либо страны; капитализм до глобализации.

** ОЭСР — Организация по экономическому сотрудничеству и развитию.

*** *Austerity policies* (англ.) — политика жесткой экономии.

**** «Мене, мене, текел, фарес» — «взвешено, сосчитано, разделено» — слова пророка Даниила, предсказывающие гибель Персидского царства (Дан. 5: 26-28).

С. 45 * *Трише Жан-Клод* (р. 1942) — председатель правления Европейского центрального банка с 2003 по 2011 г.

** *Шойбле Вольфганг* (р. 1942) — немецкий политик из партии ХДС. С 2009 г. — министр финансов ФРГ.

С. 49 * *Jus in bello* (лат.) — «право в войне», международное гуманитарное право, касающееся регламентации ведения военных действий.

С. 55 * *Jus ad bellum* (лат.) — «право войны», касающееся причин ее развязывания, оправдания или предотвращения.

С. 62 * Представители голландской транспортной компании «Van Gend en Loos», импортировавшей химическую продукцию в Нидерланды, обратились в суд ЕЭС с обвинениями в адрес таможенных властей своей страны в том, что последние увеличили размеры импортных таможенных платежей. Суд ЕЭС постановил, что компания вправе заявлять о своих правах, вытекающих из содержания статьи 12 Договора о создании ЕЭС, а национальный суд обязан принять все необходимые меры по восстановлению и защите прав индивидов.

С. 63 * *Секундарное право* — особая разновидность субъективного права, предложенная немецким юристом Э. Зеккелем в 1903 г.

С. 65 * *Биотоп* — место обитания того или иного биологического вида.

С. 68 * «Значительная часть воображения ученых была потрачена на усилия развить Европейский союз демократическим способом, в этих попытках участвовало и общественное мнение» *(англ.)*.

С. 69 * *Мэдисон Джеймс* (1751–1836) — четвертый президент США (1808–1816), один из ключевых авторов Конституции США.

С. 71 * *Pouvoir constituant mixte* (фр.) — смешанная учредительная власть.

С. 75 * *Amendments* (англ.) — поправки к конституции.

С. 89 * *ВОЗ* — Всемирная организация здравоохранения.

** *МОТ* — Международная организация труда.

*** *UNHCR* — Бюро Верховного комиссара ООН по беженцам.

С. 90 * Согласно унитарной концепции австрийского юриста Ганса Кельзена (1881–1973), универсальная правовая система должна соединять международный правовой порядок и все национальные правовые порядки.

С. 95 * *A fortiori* (лат.) — с тем большим основанием; тем более.

С. 99 * *Global players* (лат.) — глобальные игроки.

** *Grosso modo* (лат.) — в общем и целом; грубо говоря.

С. 100 * Под «*multiple modernities*» имеются в виду разные способы осуществления модернизации в современных обществах. Эту идею развивал израильский социолог Шмуэль Айзенштадт (1923–2010) в противовес господствовавшим прежде классическим взглядам Маркса, Дюркгейма и Вебера о преобладании европейского типа модернизации.

С. 101 * *In academia* (лат.) — в академической среде.

С. 103 * *Штайнбрюк Пеер* (р. 1947) — министр финансов Германии (2005–2009), член фракции СДПГ.

** *Юнкер Жан-Клод* (р. 1954) — премьер-министр Люксембурга с 1995 г.; глава Еврогруппы (клуб министров финансов стран еврозоны).

С. 104 * Черно-желтыми называется коалиция ХДС и СвДП (проигравшая в 2011 г. выборы в ландтаг Баден-Вюртемберга коалиции СДПГ и «зеленых»).

** В 2011 г. правительство земли Баден-Вюртемберг объявило о намерении закрыть все атомные станции на своей территории.

С. 105 * *Хопперовская меланхолия* — то есть напоминающая фильмы американского актера и режиссера Денниса Ли Хоппера (1936–2010), у которого, между прочим, есть такие фильмы, как «Затерянный город» и «Земля мертвых» (оба — 2005).

** *Foreclosure* (англ.) — лишение должника права выкупа заложенного им имущества.

С. 106 * *Business as usual* (англ.) — привычное дело.

** *New Deal* — то есть «новый курс» Ф.Д. Рузвельта, который Ю. Хабермас несколько вольно продлевает до начала Корейской войны в 1950 г., когда уже пять лет правил Гарри Трумэн, которого можно назвать продолжателем политики Рузвельта лишь с большими оговорками.

*** *«Новые лейбористы»* — левоцентристское и прагматическое течение в Лейбористской партии Великобритании, возникшее в начале 1990-х гг. Находились у власти в 1997–2010 гг. (Т. Блэр и Г. Браун).

С. 107 * *Прекариат* — согласно новейшим социологическим теориям, социально не защищенные слои и безработные в постиндустриальном обществе.

С. 108 * *Golden parachutes* (англ.) — «золотые парашюты» — так называются соглашения между компаниями и их увольняемыми высокопоставленными служащими, получающими колоссальные бонусы. В период последнего финансового кризиса в США выплаченные суммы исчислялись сотнями миллионов долларов.

** Странами *Вашингтонского консенсуса* называются страны, ориентированные на неолиберальную модель экономики и признающие главенство США в международных вопросах.

С. 109 * *Trickle down* (англ.) — «просачивание».

** *ОЭСР* — Организация экономического сотрудничества и развития; международная организация развитых стран, признающих принципы представительной демократии и свободной рыночной экономики.

*** Обычно говорят о двух *нефтяных шоках*, то есть скачкообразных повышениях цен на нефть, приведших к энергетическим кризисам: 1973 и 1979 гг.

С. 110 * *Каган Роберт* (р. 1958) — американский политик и журналист; выразитель неоконсервативных взглядов на внешнюю политику; неофициальный советник сенатора Дж. Маккейна в его предвыборной борьбе с Б. Обамой.

С. 111 * *Вайцзеккер Карл Фридрих фон* (1912–2007) — немецкий физик, философ и государственный деятель.

С. 114 * *Медиатизировать* — выводить из непосредственного подчинения императору Священной Римской империи.

** *Bail-out* (англ.) — спасение от банкротства; заем или предоставление капитала индивиду, компании или целой стране, чтобы спасти их от банкротства или сделать банкротство менее болезненным.

С. 115 * *Баррозу Жозе Мануэль* (р. 1956) — председатель Еврокомиссии с 2004 г.; придерживается социал-демократических взглядов.

** То есть после воссоединения Германии.

С. 116 * *Рюттгерс Юрген* (р. 1951) — бывший премьер-министр земли Северный Рейн-Вестфалия, получивший широкую известность своими антииммигрантскими лозунгами, призывающими, в частности, к дискриминации выходцев из стран Востока в сфере высшего образования.

С. 117 * Речь идет о Б. Обаме.

** Американский *унилатерализм* — термин, почти синонимичный американскому гегемонизму или изоляционизму.

С. 118 * *Mainstream* (англ.) — основное направление, главная линия.

С. 122 * *Хайнеман Густав Вальтер* (1899–1976) — федеральный президент ФРГ с 1969 по 1974 г.

** *Вайцзеккер Рихард фон* (р. 1920) — федеральный президент ФРГ и Германии с 1984 по 1994 г.; брат Карла Фридриха фон Вайцзеккера.

*** *Геншеризм* — политика лавирования между Западным и Восточным блоками, характерная для *Ганса-Дитриха Геншера* (р. 1927), министра иностранных дел ФРГ с 1974 по 1992 г.

С. 124 * *Хедж-фонд* — частный, не ограниченный нормативным регулированием, либо подверженный более слабому регулированию инвестиционный фонд, недоступный широкому кругу лиц.

С. 125 * *Аккерман Йозеф* (р. 1948) — глава Deutsche Bank'a, самый высокооплачиваемый менеджер Германии.

** *Илльнер Майбрит* (р. 1965) — немецкая журналистка и телеведущая.

С. 128 * *Ордолиберализм* — немецкий вариант неолиберализма, в котором значительную роль играет государство. Термин предложен в 1950 г. Геро Мёллером, по названию экономического журнала «ORDO».

С. 129 * *Claire-obscur* (фр.) — светотень, полутень.

С. 130 * *Spaltpilz* (нем.) — букв. «грибок брожения».

С. 133 * Ангела Меркель ввела трехмесячный *атомный мораторий* 14 марта 2011 г., закрыв семь ядерных реакторов под воздействием аварии на ядерной станции в Фукусиме.

** «Frankfurter Allgemeine Zeitung».

*** *Großer Zapfenstreich* (нем.) — военная церемония, проводящаяся по торжественным случаям.

**** *Post-truth democracy* (англ.) — «пост-истинная демократия», а также «пост-истинная политика», «пост-истинное общество» и т.д. — демократия, политика, общество и т.д., для которых понятие и критерий истины уже «нерелевантны».

С. 134 * *ARD* — первый канал Германского телевидения; Общественное телевидение Германии.

С. 135 * *Гуттенберг Карл-Теодор* (р. 1971) — министр обороны Германии в 2009-2011 гг. Имеется в виду скандал, происшедший в феврале-марте 2011 г., когда Гуттенберг был уличен в плагиате диссертации и подал в отставку. Меркель же поначалу отставку не приняла, заявив, что слишком высоко его ценит.

** *Гаук Иоахим* (р. 1940) — президент Германии с 2012 г.; в ГДР был пастором и правозащитником; в 2011 г. фигурировал в газетах как «народный кандидат в президенты».

*** Скорее всего, имеется в виду Ларс Гайслер, модератор движения по закрытию атомной станции «Штутгарт-21».

С. 136 * *Finalité* (фр.) — целенаправленность, целесообразность.

** «Штутгарт-21» — атомная электростанция, на закрытии которой настаивает новое правительство земли Баден-Вюртемберг, состоящее из социал-демократов и «зеленых».

Хабермас Юрген

Х 12 Эссе к конституции Европы / Юрген Хабермас; пер. с нем. Б.М. Скуратова — М.: Издательство «Весь Мир», 2013. — 144 с. (Тема)

ISBN 978-5-7777-0544-0

Ядро книги составляет очередная большая работа крупнейшего немецкого философа и политолога, продолжающая его анализ и оценку проблем объединительных процессов в Европе. Открывает сборник по-философски глубокое исследование истории применения и соотношения понятий «права человека» и «достоинство человека», выявляющее изрядное лукавство манипулирования «правами человека» в международной политике. Статьи и интервью завершающего раздела книги содержат нелицеприятную оценку причин и последствий мирового финансового и экономического кризиса.

Новая книга одного из авторитетнейших интеллектуалов Европы весьма актуальна для читателей России и в свете ее собственного исторического опыта, и в перспективе будущего страны.

Для читателей, интересующихся философским осмыслением состояния современного мира.

УДК 1/14
ББК 87.6

Юрген Хабермас

Эссе к конституции Европы

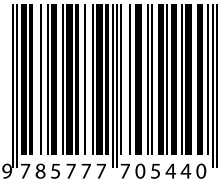
Редактор: *М.М. Беляев*
Художник: *А.А. Ареншгейн*
Верстка: *Е.А. Поташевская*
Корректор: *Е.В. Феоктистова*

Подписано в печать 30.07.2013
Формат 60 x 90 $^{1}/_{16}$ Гарнитура PeterburgC
Печ. л. 9,0. Тираж 2000 экз. Изд. № 09/13-и
Заказ №

ООО Издательство «Весь Мир»
Адрес: 125009, Москва,
ул. Моховая, д. 11, стр. 3в
Тел./факс: (495)276-02-92
E-mail: info@vesmirbooks.ru
http://www.vesmirbooks.ru

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru
факс 8(496) 726-54-10, тел. 8 (495)988-63-87

ISBN 978-5-7777-0544-0

Ядро книги составляет очередная большая работа крупнейшего немецкого философа и политолога, продолжающая его анализ и оценку проблем объединительных процессов в Европе. Открывает сборник по-философски глубокое исследование истории применения и соотношения понятий «права человека» и «достоинство человека», выявляющее изрядное лукавство манипулирования «правами человека» в международной политике. Статьи и интервью завершающего раздела книги содержат нелицеприятную оценку причин и последствий мирового финансового и экономического кризиса.

Новая книга одного из авторитетнейших интеллектуалов Европы весьма актуальна для читателей России и в свете ее собственного исторического опыта, и в перспективе будущего страны.

Для читателей, интересующихся философским осмыслением состояния современного мира.

www.vesmirbooks.ru